

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СЕВЕРО-  
ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:  
экономика  
и торгово-экономические  
взаимодействия во время  
и после пандемии**

Хабаровск  
ИЭИ ДВО РАН  
2021

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE  
FAR EASTERN BRANCH  
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**NORTHEAST ASIA:  
Economy and Trade  
and Economic  
Interactions during  
and after the Pandemic**

Khabarovsk  
ERI FEB RAS  
2021

УДК 339+332

ББК 65

С 28

**Северо-Восточная Азия: экономика и торгово-экономические взаимодействия во время и после пандемии** / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 175 с.

ISBN 978-5-906118-60-8

Рассмотрены экономические и социальные проблемы в странах СВА (Китае, Республике Корея, Японии, Монголии и КНДР), спровоцированные шоками, связанными с пандемией COVID-19. Проанализированы административные, карантинные, экономические меры, предпринимаемые правительствами стран СВА для ликвидации последствий коронакризиса, включая набор инструментов бюджетной, денежно-кредитной, финансовой и валютной политики. Приведены данные о масштабах государственных расходов по отношению к ВВП, где первое место занимает Япония, от которой значительно отстают Республика Корея и Китай, Монголия и КНДР. Рассмотрена динамика торговых взаимодействий. Приведены варианты прогнозов международных организаций относительно экономической динамики. Показано, что активные бюджетные расходы, направленные на борьбу с пандемией могут оказать кратко- и среднесрочное положительное воздействие на экономики стран СВА, но в долгосрочной перспективе будут способствовать дальнейшему росту государственного долга, снижая национальную норму сбережений, сдерживая динамику их экономического роста.

*Ключевые слова:* экономический рост, коронавирус, пандемия, COVID-19, государственные расходы, меры государственной политики, прогноз, Северо-Восточная Азия, Китай, Республика Корея, Япония, Монголия, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР).

Отв. редакторы – академик РАН *П.А. Минакир*

Рецензент – канд. экон. наук *Е.Н. Дворцова*

Утверждено к печати Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-60-8 © Авторы, 2021

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2021

**Northeast Asia: Economy and Trade and Economic Interactions During and After the Pandemic** / ed. by P.A. Minakir; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2021. – 175 p.

The economic and social problems in the NEA countries (China, the Republic of Korea, Japan, Mongolia and the DPRK) provoked by the shocks associated with the COVID-19 pandemic are considered. Analyzed are the administrative, quarantine, economic measures taken by the governments of the NEA countries to eliminate the consequences of the coronavirus crisis, including a set of instruments for budgetary, monetary, financial and exchange rate policies. The data on the scale of government expenditures in relation to GDP, where Japan occupies the first place, behind which the Republic of Korea and China, Mongolia and the DPRK are significantly behind. The dynamics of trade interactions is considered. Variants of forecasts of international organizations regarding economic dynamics are presented. It is shown that active budget spending aimed at combating the pandemic can have a short- and medium-term positive impact on the economies of NEA countries, but in the long term will contribute to the further growth of public debt, lowering the national savings rate, and restraining the dynamics of their economic growth.

*Keywords:* economic growth, coronavirus, pandemic, COVID-19, government spending, public policy measures, forecast, Northeast Asia, China, Republic of Korea, Japan, Mongolia, Democratic People's Republic of Korea (DPRK).

# Содержание

<i>Изотов Д.А.</i> Китайская экономика в период распространения COVID-19: направления государственной поддержки	9
<i>Liang Xueqiu</i> Research on Northeast Asia Regional Economic Cooperation with Heilong-Jiang Province under the Epidemic ( <i>Лян Сюэцю. Исследование регионального экономического сотрудничества Северо-Восточной Азии с провинцией Хэйлунцзян в условиях эпидемии</i> )	23
<i>Лю Бо</i> Влияние эпидемии на торгово-экономическое сотрудничество Китая и России	36
<i>Цзоу Сютин</i> Тенденции китайских инвестиций в Россию после пандемии	47
<i>Чжан Мэй</i> Влияние пандемии COVID-19 на торгово-экономические отношения провинции Хэйлунцзян и России	61
<i>Суслов Д.В.</i> Антикризисная политика правительства Республики Корея во время пандемии COVID-19	74
<i>Дёмина Я.В., Мазитова М.Г.</i> Влияние пандемии COVID-19 на экономику Японии	95
<i>Изотов Д.А.</i> Меры государственной поддержки экономики Монголии в условиях борьбы с COVID-19	117

<i>Zhang Xiujie</i> Review and Prospects of Economic and Trade Cooperation between Mongolia and Northeast Asian Countries under the Influence of the New Crown Epidemic ( <i>Чжан Сюэзе. Обзор и перспективы торгово- экономического сотрудничества Монголии со странами Северо-Восточной Азии в условиях эпидемии COVID-19</i> )	132
<i>Изотов Д.А.</i> Экономика КНДР в условиях пандемии	145
<i>Linlin Song, Sun Ce</i> The Status Quo of Cross-Border Tourism Development in Northeast Asia under the Influence of the COVID-19 Epidemic ( <i>Линлин Сонг, Сунь Цэ. Статус-кво развития трансграничного туризма в Северо-Восточной Азии под влиянием эпидемии COVID-19</i> )	157

# Contents

<i>Izotov D.A.</i> China and COVID-19: Directions of Government Support of the Economy	9
<i>Liang Xueqiu</i> Research on Northeast Asia Regional Economic Cooperation with Heilong-Jiang Province under the Epidemic	23
<i>Liu Bo</i> Impact of the Epidemic on Economic Trade Cooperation China and Russia	36
<i>Zou Xiuting</i> The Trends of Chinese Investment in Russia after the Pandemic	47
<i>Zhang Mei</i> The Impact of the COVID-19 Pandemic on Trade and Economic Relations between Heilongjiang Province and Russia	61
<i>Suslov D.V.</i> Anti-Crisis Policy of the Government of the Republic of Korea during the COVID-19 Pandemic	74
<i>Dyomina Ya.V., Mazitova M.G.</i> COVID-19 Pandemic: Impact on the Japan's Economy	95
<i>Izotov D.A.</i> Policy Response to COVID-19 in Mongolia	117

<i>Zhang Xiujie</i> Review and Prospects of Economic and Trade Cooperation between Mongolia and Northeast Asian Countries under the Influence of the New Crown Epidemic	132
<i>Izotov D.A.</i> Economy of the DPRK under Conditions of the Pandemic	145
<i>Linlin Song, Sun Ce</i> The Status Quo of Cross-Border Tourism Development in Northeast Asia under the Influence of the COVID-19 Epidemic	157



# **КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19: НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ**

*Изотов Д.А.*

*Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Россия*

*Аннотация.* В первом полугодии 2020 г. в условиях пандемии наблюдалось сокращение китайской экономики, в последующий период экономика КНР продолжила рост. Для смягчения экономических последствий от пандемии в Китае используется широкий набор инструментов бюджетной, денежно-кредитной, финансовой и валютной политики. Масштабы государственной поддержки экономики в КНР для 2020 г. и первой половины 2021 г. составляет более 6% ВВП страны. Среднесрочные перспективные оценки в целом указывают на то, что КНР удастся поддержать положительные темпы прироста экономики до 2026 г. Китай имеет шанс использовать инструменты восстановления экономики для улучшения ее качественных характеристик, в том числе связанных с развитием «зеленых» технологий и цифровизацией.

*Ключевые слова:* прирост ВВП, пандемия, COVID-19, государственные расходы, меры государственной политики, прогноз, Китай.

# CHINA AND COVID-19: DIRECTIONS OF GOVERNMENT SUPPORT OF THE ECONOMY

*Izotov D.A.*

*Economic Research Institute FEB RAS  
Khabarovsk, Russia*

*Abstract.* In the first half of 2020, amid the COVID-19 pandemic, there was a decrease in the growth of the Chinese economy. Further, China's economy continued to grow. During a pandemic, to mitigate the negative impact on the economy, Chinese government uses a wide range of fiscal, monetary and financial policy instruments. In 2020 and the first half of 2021, the scale of government support for the Chinese economy amounted to more than 6% of GDP. Medium-term forecasts generally indicate that the PRC will be able to maintain positive economic growth rates until 2026. China has a chance to use economic recovery tools to improve its quality characteristics, including those related to the development of green technologies and digitalization.

*Keywords:* GDP growth, pandemic, COVID-19, government spending, public policy measures, forecast, China.

## ВВЕДЕНИЕ

Шоковое воздействие на экономику большинства стран мира оказала пандемия, связанная с необходимостью изоляции населения для сдерживания распространения COVID-19. Создание барьеров для перемещения людей через государственные границы, в пределах государств и городов привело к негативным экономическим последствиям, которые стали нарастать ввиду административных ограничений в деятельности многих секторов экономики, особенно

услуг, связанных с пассажирским авиасообщением, общественным транспортом, индустрией развлечений, туристической деятельностью и др.

Негативное воздействие пандемии наблюдалось как со стороны спроса, так и предложения: ограничения на перемещение товаров и специалистов стали сдерживать интенсивность обменов в рамках глобальных и субглобальных производственных цепочек [1]. В итоге, стало наблюдаться сокращение цепочек поставок, уменьшение числа их звеньев, переориентация на субглобальные и местные производственные сети. Что касается глобальных потоков прямых капиталовложений, то пандемия создала значительную экономическую неопределенность. Это стало отражаться в отсрочке или отмене реализации определенной части ранее запланированных проектов. Таким образом, пандемия может коренным образом изменить конфигурацию международного производства в 2020-х гг. Значительное снижение экономической активности в период пандемии вызвало необходимость активного государственного вмешательства. Реализуемые текущие меры государственной политики в мире для борьбы с коронавирусом характеризуются высокими экономическими издержками.

Первоначальным источником распространения в мире новой разновидности коронавируса является Китай, поскольку в конце 2019 г. было установлено, что вспышка пневмонии в г. Ухань, китайской провинции Хубэй, вызвана COVID-19 [2]. В результате, Китай оказался в эпицентре первоначального источника распространения COVID-19. В КНР были введены незамедлительные административные меры по изоляции населения. Впоследствии было осуществлено закрытие границ с зарубежными странами. Это способствовало сравнительно эффективному сдерживанию распространения коронавируса на территории Китая. Заметное сокращение экономики в первом полугодии 2020 г. мотивировало руководство КНР к осуществлению активных антикризисных мер для поддержки национальной экономики. Предполагается, что подобного рода меры способны оказать непосредственное воздействие на развитие экономики КНР в среднесрочной перспективе.

## **ПАНДЕМИЯ И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КНР**

После обнаружения источника коронавируса, правительство КНР ввело в конце 2019 г. – начале 2020 г. строгие карантинные меры, включая продление дней отдыха, жесткую изоляцию населения провинции Хубэй от остальных регионов Китая, ограничения в передвижении населения на национальном уровне, меры социального дистанцирования и двухнедельный карантин для внутренних мигрантов. Первыми пострадавшими от коронавируса было население китайских мегаполисов, связанных с городом Ухань посредством деловой активности и туризма, а не через межрегиональную миграцию. Введение карантинных мер в первую очередь негативно повлияло на экономическую деятельность малых и средних предприятий КНР, которые, в том числе, входят в субглобальные производственные цепочки. По этой причине распространение коронавируса и последующие карантинные меры негативно повлияли на экономику наиболее развитых регионов КНР. Обязательное социальное дистанцирование является довольно эффективным для сглаживания эпидемической кривой, но обходится сравнительно дорого с точки зрения потери рабочих мест [2].

В конце первого квартала 2020 г., правительство КНР поэтапно ослабляет ограничения на передвижение в рамках страны, осуществляя дифференцированный подход к отраслям экономики, регионам и группам населения на основе текущих оценок рисков, связанных с вирусной инфекцией. После непродолжительной изоляции власти КНР стали применять следующие меры по сдерживанию распространения инфекции: правила социальной дистанции соблюдаются довольно жестко, это при том, что большинство предприятий и заведений начальной школы вновь открылись по всей стране; въезд в Китай для иностранцев ограничен; в локальных очагах вирусной инфекции вводится жесткий карантин при его последующей отмене в случае подавления очага инфекции; распространение строгих практик тестирования и карантина, а также системы индивидуальных QR-кодов для определения маршрутов распространения вирусной инфекции и последующего сдерживания ее вспышек; сдерживание поездок меж-

ду городами во время новогодних праздников 2021 г.; разработка и распространение четырех видов вакцин против COVID-19, с помощью которых было привито к третьему кварталу 2021 г. более 40% населения при планировании доведения охвата вакцинированием до 70–80% населения к концу 2021 г. [3; 4].

Соответственно, в КНР в условиях изоляции по указанным причинам наблюдалось сокращение экономики в первом полугодии 2020 г. (рис. 1).

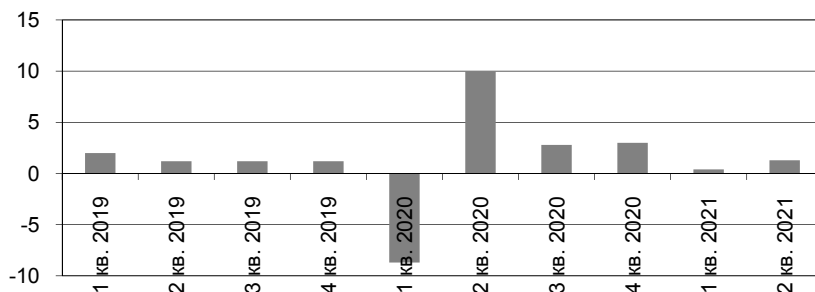


Рис. 1. Темпы прироста экономики КНР, %

*Примечание:* представлены данные прироста ВВП по отношению к соответствующему кварталу прошлого года.

*Источник:* [5].

Темпы прироста китайской экономики со второго полугодия 2020 г. стали характеризоваться положительным трендом, что обеспечило общий прирост экономики КНР в 2,3% по итогам 2020 г. В первом полугодии 2021 г. наблюдались более низкие темпы прироста экономики КНР, тем не менее, соответствующие докризисным высоким темпам, отражая скорее эффект низкой базы первого полугодия 2020 г. [2]

Сравнительно быстрое восстановление экономики КНР было довольно неравномерным, поскольку с одной стороны, промышленное производство восстанавливалось быстрее, чем сфера услуг, а с другой стороны, потребление населения было отрицательным по итогам 2020 г., по причине заметного увеличения сбережений и

экономии. Вклад сферы услуг в приращение экономики заметно снизился: с 63,5% в 2019 г. до 47,3% в 2020 г. Поскольку в 2020 г. в этом секторе было занято около 48% рабочей силы, значительное его сокращение привело к «шоку» на рынке труда Китая [6].

## **МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКОНОМИКИ В КНР**

Первоначальные меры поддержки экономики в КНР рассчитывались только на первое полугодие 2020 г., однако распространение коронавируса и нарастание экономических проблем потребовало увеличения объемов государственной поддержки, которая составила более 6% ВВП для 2020 г. и первой половины 2021 г. На конец второго квартала 2021 г. в КНР реализовывались разнообразные меры макроэкономической политики, призванные, с одной стороны, поддержать целевые направления национальной политики по локализации распространения вирусной инфекции, лечения и восстановления пациентов, с другой – стабилизировать экономическую ситуацию в стране [3].

Стабилизация китайской экономики во время коронакризиса осуществляется при поддержке средств государственного бюджета. Первоначальные расходы государственного бюджета КНР оцениваются в размере 686 млрд долл. (4,7% ВВП), из которых 588 млрд долл. были реализованы в 2020 г. Ключевые меры бюджетной политики главным образом связаны с увеличением расходов на здравоохранение, включающие профилактику и контроль эпидемии коронавируса, а также на производство медицинского оборудования. Другим направлением государственных расходов является поддержка рынка труда на основе ускоренных выплат страховок по безработице и их расширение для работников-мигрантов; налоговые льготы и приостановка выплаты взносов по социальному страхованию. Поскольку традиционной для КНР мерой по созданию рабочих мест являются дополнительные государственные инвестиции в инфраструктурные объекты, соответственно, можно ожидать, что общая поддержка государственного сектора экономики будет заметной [2].

Поддержка экономики за счет внебюджетных средств включает дополнительные гарантии для предприятий среднего и малого бизнеса в размере 56 млрд долл. (0,4% ВВП) и предусматривает доплату на снижение выплат за использование объектов инфраструктуры (дороги, порты и услуги по поставкам электроэнергии) на сумму, превышающую 0,9% ВВП [3].

Меры денежно-кредитной политики КНР также являются довольно заметными. Народный банк Китая в 2020 г. и в первой половине 2021 г. оказывал поддержку экономике смягчением денежно-кредитной политики и стабилизацией финансового рынка. Народный банк Китая в данный промежуток времени проводил активные операции на открытом рынке (механизмы обратного РЕПО и среднесрочные кредитные механизмы), обеспечивая ликвидностью банковскую систему страны. Также были расширены финансовые возможности (252 млрд долл.) для перекредитования и снижения процентных ставок критически важных и наиболее уязвимых секторов экономики КНР. С целью поддержки малых предприятий была создана кредитная линия в 49 млрд долл. крупнейшими банками страны, а также были введены новые инструменты, включающие беспроцентное кредитование (56 млрд долл.), для рефинансирования необеспеченных кредитов региональных банков и продления отсрочки платежей по кредитам за счет государственного субсидирования (5,6 млрд долл.) [3].

Правительство Китая также предприняло несколько шагов по ограничению ужесточения финансовых условий, что проявляется главным образом в поддержке ликвидности региональных банков, отсрочке переквалификации невыплаченных кредитов в разряд «плохих» долгов, выпуске облигаций для финансирования кредитования малого бизнеса, помощи в реализации жилищной политики региональными властями и т. д.

Меры валютной политики КНР сводились к политике гибкого обменного курса юаня, отмене антициклической корректировки в формировании центрального паритета дневного торгового диапазона юаня, снижении до нулевых значений требований о резервировании форвардных валютных операций. Также норма обязательных

валютных резервов для финансовых учреждений была повышена с 5 до 7%, а ограничения на инвестиционные квоты для институциональных инвесторов (финансовые программы КНР, позволяющие лицензированным иностранным инвесторам торговать акциями на биржах континентального Китая – QFII и вкладывать юани из Гонконга в активы континентального Китая – RQFII) были отменены и установлена новая квота для отечественных институциональных инвесторов [2].

## **СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КНР**

Денежно-кредитные стимулирующие меры усилили уязвимость финансового сектора КНР. Воздействие пандемии оказало непропорциональное влияние на домохозяйства с разным уровнем доходов, а восстановление экономики не сопровождалось заметными усилиями по обеспечению внедрения «зеленых» технологий [6].

Тем не менее, в 2021 г. прогнозными подразделениями ведущих международных организаций были оценены среднесрочные перспективы роста экономики КНР с учетом локализации распространения вирусной инфекции к 2022 г. и реализации части пакетов стабилизационных мер. При высокой степени неопределенности, данные оценки, тем не менее, указывают на то, что в среднесрочной перспективе КНР удастся поддерживать положительные темпы прироста экономики. Следует заметить, что активные бюджетные расходы, направленные на борьбу с пандемией неизбежно будут способствовать дальнейшему росту государственного долга, снижая национальную норму сбережений и, возможно, оказывая повышательное давление на реальные процентные ставки. В случае продолжительного периода реализации политики низких реальных процентных ставок может предоставить правительствам нужное им бюджетное пространство для активного смягчения последствий пандемии [2].



Как предполагается в прогнозных оценках ведущих международных организаций, в 2021 г. экономика КНР полностью восстановится после непродолжительной рецессии, а ее прирост ожидается в диапазоне от 5 до 8,5%. Предполагается, что в среднесрочном периоде китайская экономика будет расти с темпом не менее 4% в год, исключая период низкой базы (рис. 2).

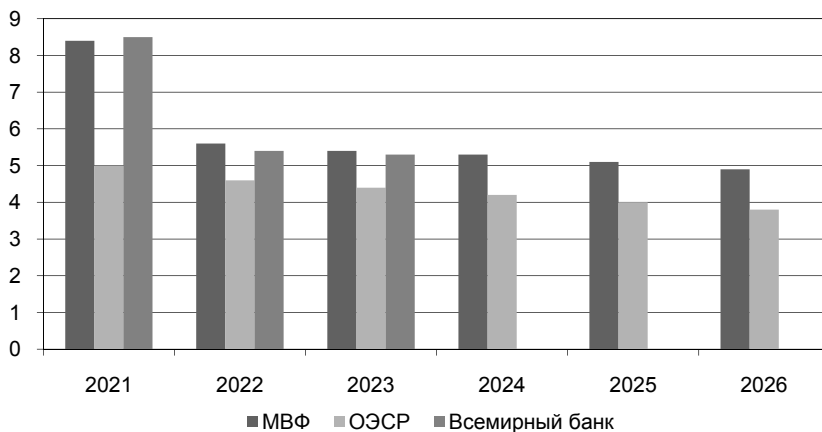


Рис. 2. Кратко- и среднесрочные оценки прироста экономики КНР, %

*Примечание:* приведены прогнозные оценки по отношению к предыдущему году ведущих международных организаций (МВФ, ОЭСР и Всемирного банка).

*Источники:* [7; 8; 9; 10].

Увеличение темпов прироста промышленности, экспорта и постепенное восстановление сферы услуг в целом согласуется с прогнозами развития китайской экономики на 2021 г. Снижение дефицита государственного бюджета КНР было более заметным, чем ожидалось, и сопровождалось ограничением выпуска новых специальных облигаций местных органов власти. Рынок недвижимости в первой половине 2021 г. оказался устойчивым, поскольку региональные правительства продолжили замедление притока инвестиций в данный сектор экономики [2].

Для КНР была характерна очень высокая степень эффективности практикуемых мер самоизоляции, стабильная во времени и однородная для всех регионов Китая. Предполагается, что рост реального потребления постепенно восстановится по причине поддержки рынка труда, роста доходов населения и повышения доверия потребителей. Что касается инвестиций, то ожидается, что их структура немного сместится в сторону частных капиталовложений по мере их роста в обрабатывающей промышленности, частично компенсируя вложения в инфраструктуру и в жилую недвижимость [11]. Ожидается, что бюджетная политика КНР обеспечит восстановление экономики в среднесрочной перспективе. Также ожидается, что по мере восстановления мировой экономики отложенный внешний спрос поддержит выпуск промышленных предприятий, а макроэкономическая политика КНР к 2026 г. будет более нейтральной. Восстановление китайской экономики положительно повлияет на темпы роста как развитых, так и развивающихся экономик [12].

Помимо экзогенных вызовов, связанных с рисками падения спроса на китайские товары, имеются также эндогенные ограничения для роста экономики КНР. Во-первых, темпы роста инфляции могут выйти за пределы целевых показателей при соответствующих инфляционных ожиданиях. Во-вторых, существуют риски финансовой стабильности в связи с корпоративной задолженностью и раздутым рынком недвижимости. В-третьих, в случае недостаточного внутреннего спроса, руководство КНР способно вновь осуществить инвестиционную накачку экономики [2].

В долгосрочной перспективе правительство КНР может стимулировать эффективные инвестиции, повысить способность рынка абсорбировать рабочую силу за счет оптимизации структуры промышленности, что в свою очередь может снизить давление на занятость и снизить риск увеличения уровня безработицы. При этом увеличение социальных расходов, а также инвестиций в «зеленые» технологии может способствовать некоторой «перебалансировке» экономики Китая [13].

Оживление внешней торговли, по всей видимости, будет способствовать ускорению и усилению эффекта подъема экономики КНР. В этой связи особенно полезными могут быть прочные субглобальные торговые связи на основе подписанных региональных торговых соглашений, например, Всестороннего регионально-экономического партнерства, в котором КНР играет ключевую роль [2].

Специалистами Азиатского банка развития для поддержки экономики КНР на среднесрочную перспективу предлагаются следующие меры [6]: стимулирование потребления домашних хозяйств; поддержка развития сферы услуг; снижение уровня неравенства доходов.

Неопределенность, вызванная пандемией, способствовала увеличению сбережений домашних хозяйств КНР. В результате, национальные сбережения достигли 45,7% ВВП в 2020 г. Несмотря на то, что перечисленные стимулирующие пакеты мер могут оживить общий уровень потребления в КНР в краткосрочной перспективе, Китаю необходимо реформировать систему социальной защиты населения для снижения высокого уровня сбережения и поддержки потребления домашних хозяйств в долгосрочной перспективе. Прежде всего, поддержка должна быть направлена на социально уязвимые группы, включая меж- и внутрирегиональных мигрантов, а также безработных. Эта политика может заключаться в отчислении более низких ставок взносов на социальное обеспечение, в увеличении пособий по безработице, в профессиональной подготовке и переподготовке, а также обеспечении более легкого доступа к медицинскому обслуживанию [6].

Учитывая важность сектора услуг как источника роста и занятости, Китаю в среднесрочной перспективе крайне важно поддерживать развитие этого сектора, в частности, при помощи мер государственной политики и капиталовложений, ориентированных на высококачественные услуги (информационные технологии, здравоохранение, образование и профессиональные услуги). Сектор услуг Китая также может выиграть от повышения производительности за

счет большей открытости и либерализации, поскольку данный сектор остается довольно зарегулированным [6].

Помимо усилий по поддержке наиболее уязвимых слоев населения, переход к более комплексному сбору подоходного налога с физических лиц может сделать налоговую систему КНР более прогрессивной и справедливой, что поможет сократить неравенство доходов. В то же время для снижения финансового давления со стороны региональных органов власти, Китаю необходимы реформы во взаимоотношениях между Центром и регионами. Такие реформы могут включать увеличение трансфертов экономически более слабым регионам, а также повышение региональных доходов из собственных источников за счет предоставления им ограниченных налоговых полномочий, например, связанных с налогообложением недвижимости [6].

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

После столкновения со случаями проявления и распространения коронавируса, правительство Китая стало практиковать строгие карантинные меры, причем основной акцент для локализации инфекции в стране был сделан на массовой вакцинации и изоляции населения по регионам. В условиях локдауна наблюдалось сокращение китайской экономики в первом полугодии 2020 г., далее, вполне ожидаемо, экономика КНР продолжила рост.

В Китае используется широкий набор инструментов бюджетной, денежно-кредитной, финансовой и валютной политики как для эффективного ответа на вызовы эпидемиологической обстановки, так и для поддержки национальной экономики. Руководство КНР основной акцент в мерах поддержки экономики сделало на расходы государственного бюджета, масштаб которых сопоставим с 6% ВВП страны. Среднесрочные перспективные оценки ведущих международных организаций в целом указывают, что КНР удастся поддерживать положительные темпы прироста экономики до 2026 г. Китай может использовать период восстановления экономики для улучшения ее качественных характеристик, в том числе связанных с

государственной поддержкой развития «зеленых» технологий и цифровизацией.

Способность оперативного восстановления экономик и КНР является важным моментом для стабилизации и наращивания торговли в АТР. Поскольку экономика КНР является крупнейшим торговым партнером России в субглобальной экономике и основным для Дальнего Востока, положительные эффекты реализуемых мер государственной политики в Китае могут способствовать восстановлению и расширению торгово-экономических взаимосвязей дальневосточных регионов.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Изотов Д.А.* Меры государственной поддержки экономики в странах Большой тройки Северо-Восточной Азии в период пандемии // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.156-178>
2. *China Economic Update June 2021. Beyond the Recovery. Charting a Green and Inclusive Growth Path / World Bank*. 2021. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/764051625169940524/pdf/China-Economic-Update-Beyond-the-Recovery-Charting-a-Green-and-Inclusive-Growth-Path.pdf> (дата обращения: 29.11.2021).
3. *Economics in the Time of COVID-19 / Edited by R. Baldwin, B.W. di Mauro*. London: CEPR Press, 2020. 115 p. URL: <https://voxeu.org/content/economics-time-covid-19> (дата обращения: ноябрь 2021).
4. *Global Economic Prospects / World Bank*. 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35647/9781464816659.pdf> (дата обращения: ноябрь 2021).
5. *Lee A., Tang F.* Property, COVID-19 Challenges to Remain with China's Economic Slowdown to Continue in 2022. URL: [https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3156533/property-covid-19-challenges-remain-chinas-economic-slowdown?module=perpetual\\_scroll\\_0&pgtype=article&campaign=3156533](https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3156533/property-covid-19-challenges-remain-chinas-economic-slowdown?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3156533) (дата обращения: ноябрь 2021).
6. *Pan W., Huang G., Shi Y., Hu C., Dai W., Pan W., Rongsheng H.* COVID-19: Short-Term Influence on China's Economy Considering Different Scenarios // *Global Challenges*. 2021. Vol. 5. Pp. 2000090. <https://doi.org/10.1002/gch2.202000090>

7. Policy Responses to COVID-19 / IMF. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: ноябрь 2021).
8. Quarterly National Accounts / OECD. 2021. URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=350> (дата обращения: ноябрь 2021).
9. Real GDP Long-Term Forecast. URL: <https://data.oecd.org/gdp/real-gdp-long-term-forecast.htm#indicator-chart> (дата обращения: ноябрь 2021).
10. *Shen J.* COVID-19 and Inter-Provincial Migration in China // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. Issue 4–5. Pp. 620–626. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1820355>
11. *Wang Q., Zhang F.* What Does the China’s Economic Recovery After COVID-19 Pandemic Mean for the Economic Growth and Energy Consumption of Other Countries? // *Journal of Cleaner Production*. 2021. Vol. 295. Pp. 126265. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126265>
12. *Wen Q.* Economic Recovery from COVID-19: Experience from the People’s Republic of China // *ADB Briefs*. No. 194. October 2021. URL: <https://www.adb.org/publications/economic-recovery-covid-19-peoples-republic-china> (дата обращения: ноябрь 11.2021).
13. World Economic Outlook Database / International Monetary Fund. 2021. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: ноябрь 2021).

# **RESEARCH ON NORTHEAST ASIA REGIONAL ECONOMIC COOPERATION WITH HEILONGJIANG PROVINCE UNDER THE EPIDEMIC**

*Liang Xueqiu*

*Institute of Russia, Academy of Social Sciences*

*Heilongjiang Province*

*Harbin, PRC*

*Abstract.* In the context of the normalized epidemic, the economy of all countries has been continuously affected by the COVID-19 pandemic. The imbalance of global trade structure and the problem of the world industrial chain adjustment are prominent issues, and the economic situation is still grim. A comprehensive analysis of the global economy and epidemic prevention and control shows that China, Japan and the ROK have achieved good results in these aspect, and Northeast Asia has a relatively good momentum of economic recovery. In the context of the normalized epidemic, it is of great significance to strengthen regional economic cooperation in Northeast Asia. Heilongjiang province should combine its own advantages and new opportunities of regional economic cooperation in Northeast Asia to promote its in-depth integration into 'the belt and road initiative' policy and form a new pattern of all-round and multi-angle regional cooperation in Northeast Asia.

*Keywords:* Epidemic prevention and control, Regional cooperation, Northeast Asia.

# ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ С ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ

*Лян Сюэцю*

*Институт России, Академия общественных наук  
провинции Хэйлунцзян  
Харбин, КНР*

*Аннотация.* Пандемия COVID-19 постоянно влияет на экономику всех стран. Несбалансированность структуры мировой торговли и проблема корректировки глобальных производственных цепочек являются важными проблемами, а экономическая ситуация по-прежнему остается напряженной. Всесторонний анализ мировой экономики и предотвращения эпидемий и борьбы с ними показывает, что Китай, Япония и Республика Корея достигли хороших результатов. В этом аспекте Северо-Восточная Азия имеет относительно хорошие темпы экономического восстановления. В контексте нормализации эпидемии большое значение имеет укрепление регионального экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Провинция Хэйлунцзян должна объединить свои собственные преимущества и новые возможности регионального экономического сотрудничества, чтобы способствовать ее глубокой интеграции и сформировать новую модель регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

*Ключевые слова:* профилактика эпидемий и борьба с ними, региональное сотрудничество, Северо-Восточная Азия.



## **CHANGES IN THE GLOBAL ECONOMIC UNDER THE NORMALIZED EPIDEMIC**

The spread of COVID-19 has led many countries to face a series of crises, including a domestic economic downturn, a sharp drop in external demand, a reversal of capital flows and a collapse in commodity prices. The impact on economy depends on the spread of the epidemic and the effectiveness of its prevention and control. However, the epidemic crisis is becoming more and more severe around the world and has not subsided quickly.

Firstly, global trade demand will not recover. As the countries with the most serious spread of the epidemic are almost all developed countries in Europe and the United States, their annual import of goods accounts for more than 30% of the world's total export. A sharp drop in demand due to the spread of the epidemic will undoubtedly seriously damage the development of world trade. While world demand is falling, structural imbalances in trade have become prominent. All in all, despite the growing experience and capacity of countries in epidemic prevention and control, it is difficult to recover the global trade demand under the Normalized Epidemic

Secondly, many global industrial chains face to the risks. As the COVID-19 spreads across the globe, it has significantly reduced the productive capacity of countries, and the impact of COVID-19 on the economy has spread across the world along the industrial chain. Under the severe impact of the epidemic, many industries are facing the risk of chain disruption, and both sides of supply and demand are suddenly interrupted. Not only the demand side cannot resume work and production in a timely manner, but even if the supply side has produced products, they have to pile up in warehouses or wharves. Although some countries have gradually resumed production, there are still many related industries in other countries that have to pressed the 'pause button', and external demand has been suppressed to a large extent. The global industrial chain has amplified the impact on economy of all countries, forming a unified community with a shared future.

Thirdly, anti-globalization is becoming increasingly prominent. The continuation of the epidemic has led to the emergence of anti-globalization. The COVID-19 has certainly driven the shift in production chains. At the beginning of the epidemic, many developed countries were unable to produce quarantine products to meet their own needs due to the long-term de-industrialization policy. In order not to rely on other countries for quarantine products, the US will formulate policies to transfer the medical industry back to the US. The normalization of the epidemic will prompt countries to readjust their industrial layout and strengthen their self-sufficiency to improve their ability to cope with emergencies. Specifically, the production of important raw materials and intermediate products will be relocated back, thus forming the domestic value chain controllable by the local government. The manufacturing industry may become a trend, and localization and regional production division will become the mainstream orientation in a certain period of time.

## **ADVANTAGES OF ECONOMIC COOPERATION IN NORTHEAST ASIA IN THE POST-EPIDEMIC ERA**

From the perspective of epidemic control and regional economic, there is great room for improvement in regional economic cooperation in Northeast Asia. Build and improve the industrial chain system in Northeast Asia, promote in-depth regional economic cooperation, and form new growth points in the region, so as to better respond to changes in the external environment brought by the epidemic and to boost regional economic recovery.

### **The well controlled Epidemic in Northeast Asia**

China, Japan and the ROK have achieved remarkable results in epidemic prevention and control. In terms of cumulative confirmed cases, China, Japan and the ROK are generally low among major countries in the world. According to real-time epidemic data from Johns Hopkins University, the cumulative number of confirmed cases as of August 23, 2021 was 106,751 in China, 1,306,159 in Japan, and 236,366 in the ROK. Germany, which is the core of the manufacturing network in East-

ern Europe, has 3,876,041 cases. Other G7 countries also have a large cumulative number of confirmed cases. The United States, the heart of the North American manufacturing network, has been the world's hardest-hit, with 37,704,806 confirmed cases. The huge number of confirmed cases in Europe and North America has had a huge impact on their production networks. In terms of the number of confirmed cases, despite the repeated outbreaks, China and the ROK have continued to perform well in epidemic control, and Japan is also doing well in epidemic prevention and control. The production network in Northeast Asia has the advantage of being the first to recover gradually.

There are internal conditions for cooperative production in Northeast Asia. China and Russia have sound cooperation on epidemic prevention and control, and China's successful experience and material assistance can help Russia control the epidemic. And to participate in the northeast Asia regional economic cooperation, Russia is mainly based on its far east, as the part of the main body, and its epidemic present heavy in the west, light in the east, and prominent in Moscow. Therefore, cooperation in production is expected to resume throughout northeast Asia.

### **Advantages for cooperation between China and Northeast Asian Countries**

The development strategies of China and northeast Asian countries have been further synergized. All the way to build 'the belt and road initiative' policy, with EEU of Russia, 'New South' and 'New North' policy of the ROK, and 'The Prairie Road' of the Mongolia, the development strategy of northeast Asia countries are continues to deepen, interconnectivity steadily promoting cooperation between China and Japan, promoting the China-DPRK friendly and cooperative relations to a new level. Economic and trade cooperation among countries is also continuously extend.

Trade cooperation between China and Northeast Asian countries has grown rapidly. China has been the largest trading partner of the five Northeast Asian countries for many years. In 2020, value of trade between China and the five northeast Asian countries totaled about \$717.7 billion, accounting for nearly one sixth of China's total foreign trade. By

the end of June this year, two-way investment between China and Northeast Asian countries had exceeded \$250 billion. Investment cooperation between China and countries in the region in infrastructure, energy manufacturing and agriculture has yielded fruitful results, with continuous upgrading and structural optimization.

Regional cooperation is also deepening. With the signing of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), trade and investment liberalization and facilitation in the region have been further enhanced, and the construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor has been accelerated. China-Japan-ROK economic and technological exchanges and cooperation have yielded notable results. Relevant countries have played an important role in promoting an open world economy through active interactions under multilateral frameworks such as the G20 and the SCO. We believe that the effective implementation of the RCEP will comprehensively enhance trade and investment liberalization and facilitation in the region and can further deepen the close relationship between China, Japan and the ROK in the Asia-Pacific industrial and supply chains. At present, all RCEP members attach great importance to the ratification work in domestic, and are working hard to formally implement the RCEP agreement on January 1, 2022.

### **Strong willingness to cooperate in Northeast Asia Regional Economy**

Under the background of the normalization of COVID-19 epidemic, the global industrial division and distribution have undergone major adjustments, and the trend of nationalization of industrial chain, supply chain and value chain has been strengthened. During this period, China and Russia have maintained stable relations, supported each other in the joint fight against the epidemic and enjoyed stronger trust. China will attach greater importance to China-Russia cooperation and regional peace and stability in the future. At the same time, the economic and trade relations between China, Japan and the ROK in Northeast Asia have been quite mature. The China-Japan-ROK Free Trade Agreement is a regional trade agreement being promoted and making great progress in Northeast Asia. Since the launch of negotiations in 2012, several rounds

of negotiations have been conducted and consensus has been continuously reached. However, the epidemic has dealt a heavy blow to the economies of northeast Asian countries. It is foreseeable that multilateral trade volume will inevitably decline in the short term, but economic and trade cooperation remains on a solid foundation and strong willingness to cooperate, and the positive trend will not change after the epidemic.

## **TRADE COOPERATION WITH NORTHEAST ASIA**

According to the numerical indicators of China's foreign trade from January to July, 2021, the import and export volume reached 213,417,369 billion yuan, an increase of 24.5% compared with the previous year. Among them, the import was 96,791,743.9 billion yuan, a year-on-year increase of 24.4%, accounting for 45.3% of the total import and export. Exports reached 116,625,625 billion yuan, up 24.5% year-on-year, accounting for 54.7% of the total imports and exports. From the perspective of import and export volume to major countries in Northeast Asia, the total import and export volume with Russia is 4,887,168.6 billion yuan, accounting for 2.3% of the total import and export volume; the total import and export volume with Japan is 13,738,655 billion yuan, accounting for 6.4% of the total import and export volume; the total import and export volume with South Korea is 12,822,814.8 billion yuan, accounting for 6% of the total import and export volume. Russia, Japan and the ROK account for more than 14.7% of the total import and export volume (*Table 1*).

From the numerical indicators of Heilongjiang's foreign trade from January to July, 2021, the annual import and export volume reached 1,097,213.3 billion yuan, an increase of 19.8% compared with the previous year. Among them, the import was 237,083.3 billion yuan, a year-on-year increase of 15.5%, accounting for 21.6% of the total import and export; exports reached 860,130 trillion yuan, up 21.1% year-on-year, accounting for 78.4% of the total imports and exports. From the perspective of import and export volume to major countries in Northeast Asia, the total import and export volume with Russia is 710,732 billion yuan,

accounting for 64.7% of the total import and export volume of Heilongjiang Province.

Table 1

**China's Import and Export Volume to Russia, Japan and the ROK in 2021, 100 million yuan**

Nationality	Total Export-Import volume	Year-on-year increase or decrease, %	Amount of Exports	Year-on-year increase or decrease, %	Amount of Imports	Year-on-year increase or decrease, %
Russia	48,871,686	18	22,335,545	23	26,536,141	14.1
Japan	137,386,550	12.6	60,498,243	8.7	76,888,307	16
the ROK	128,228,148	16.9	52,767,008	21.7	75,461,140	13.7

Source: China Customs Import and Export Monthly Report / General Administration of Customs P.R. China. 2021. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/3820280/index.html> (accessed July 2021). (In Chinese).

The total import and export volume with Japan is 18,348.4 billion yuan, accounting for 1.67% of the total import and export volume of Heilongjiang Province. The total import and export volume with the ROK is 13,073 billion yuan, accounting for 1.19% of the total import and export volume of Heilongjiang Province. Russia, Japan and the ROK account for more than 67% of the total import and export volume of Heilongjiang Province, which shows that the cooperation with major countries in Northeast Asia has greatly supported the trade scale of Heilongjiang Province (Table 2).

Cooperation with Russia is the key point for Heilongjiang Province to expand regional cooperation in Northeast Asia. Russia is an important supporter of Heilongjiang's 'the belt and road initiative' policy. From January to July 2021, Heilongjiang's exports to Russia reached 5.6

billion, up 7.5% year-on-year, and its imports to Russia reached 65.5 billion, up 24.5% year-on-year.

Table 2

**Import and export volume of Heilongjiang Province to Russia, Japan and the ROK from January to July 2021, 10,000 yuan**

Nationality	Total Export-Import volume	Year-on-year increase or decrease, %	Amount of Exports	Year-on-year increase or decrease, %	Amount of Imports	Year-on-year increase or decrease, %
Russia	7107320	23	559496	7.5	6547824	24.5
Japan	183484	29.4	59800	-4.9	123684	56.7
the ROK	130730	-1.9	118247	9.7	12483	-50.9

Source: Harbin Customs Heilongjiang Import and Export Monthly Report / Harbin Customs District P.R. China. 2021. URL: [http://harbin.customs.gov.cn/harbin\\_customs/467898/467900/467902/3826704/index.html](http://harbin.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467902/3826704/index.html) (accessed July 2021). (In Chinese).

The comprehensive cooperation between China and Russia in politics and diplomacy has promoted the rapid development of their bilateral economic and trade. Heilongjiang Province actively responded to a series of policy calls put forward by the central government, actively participated in the ‘the belt and road initiative’ policy and the construction of ‘China-Mongolia-Russia Economic Corridor’, and formulated a number of encouraging and preferential policies and measures, which provided a favorable policy environment for the development of trade with Russia. At the same time, under the guidance of the ‘the belt and road initiative’ strategy, Russia has also issued relevant policies, cooperated closely with China, and achieved certain results in the construction of Sino-Russian economic and trade cooperation channel. The trade disputes between Heilongjiang Province and Russia are gradually reduced, which improves the efficiency and quality, and at the same time further promotes the friendly cooperation between the two places.

## **SUGGESTIONS ON EXPANDING REGIONAL ECONOMIC COOPERATION BETWEEN HEILONGJIANG PROVINCE AND NORTHEAST ASIA**

### **Implement an Active Open Cooperation Policy**

In the regional economic cooperation with Northeast Asia, Heilongjiang Province should implement an active policy of opening to the outside world, insist on introducing high-level projects, technologies or equipment, and aim at the high-end equipment manufacturing industry and the new generation of strategic emerging industries such as information technology, biology, new materials and new energy. Therefore, foreign investors who invest in these fields can simplify the examination and approval process, give preferential treatment in tax reduction and land use, and encourage foreign investors to invest. At the same time, we should improve the investment environment to attract more foreign investment, establish and improve laws and regulations, standardize government actions, simplify examination and approval procedures, and build a market access management system with clear rights and responsibilities and strong supervision. In addition, Heilongjiang Province should also support local enterprises to ‘go global’, and encourage a number of equipment manufacturing enterprises and international engineering contracting enterprises to go abroad and open up the export market of Heilongjiang Province to Northeast Asia. At the same time, we will vigorously support the development of private enterprises and private enterprises, and support these enterprises to conduct business cooperation with countries in Northeast Asia, so as to explore and expand the market in this region. For enterprises, they should seize the opportunity of Northeast Asia's rising status in the construction of ‘the belt and road initiative’, give full play to Heilongjiang's location advantages and transportation advantages, and cooperate with Northeast Asian countries in agricultural products, food, daily necessities, etc., so as to enhance their international influence [1–4].

With the policy support of ‘the belt and road initiative’, the multi-lateral trade between Heilongjiang Province and Northeast Asia has developed rapidly. Many industries complement each other and have made



good achievements. However, multilateral trade is still in the development stage, and still faces some problems such as small scale of cooperation and unreasonable commodity structure. In order to further accelerate the development of multilateral trade, it is necessary to seize policy opportunities, stimulate investment and expand personnel training. Under the environment of attaching great importance to multilateral economic and trade cooperation, Heilongjiang Province, as an important border province, should further strengthen strategic cooperative partnership and good-neighborly and friendly relations, so as to make the economic and trade cooperation at border ports of Heilongjiang Province develop rapidly and promote the high-quality economic growth of Heilongjiang Province.

### **Optimize and Adjust the Trade Structure and Strive to Achieve Economic Complementarity**

In the multilateral cooperation in Northeast Asia, the commodity structure and industrial structure are complementary, which creates favorable conditions for Heilongjiang to deepen economic and trade cooperation. Therefore, Heilongjiang Province should combine this advantage and strive to do the following three aspects: First, study and analyze the policy advantages under the ‘the belt and road initiative’ strategic framework, and take the promotion of commodity added value and adjustment of trade structure as the focus of expanding trade with Russia, and strive to steadily increase the complementarity of multilateral economic cooperation. The second is to increase the import scale of resource-based commodities, such as Russia's oil and natural gas, pay attention to improving the processing efficiency of imported commodities, and actively cultivate new economic growth points through the way of importing and supplementing exports; Finally, pay attention to creating high-tech products with their own intellectual property rights, comprehensively enhance the brand value and scientific and technological content of products or services, accelerate the construction of export processing bases focusing on small and medium-sized technology-based enterprises, and provide a sustainable driving force for Heilongjiang lo-

cal characteristic products to move toward Russia, Japan and South Korea [5–7].

### **Strengthen Cooperation in Infrastructure, Especially in the Field of New Infrastructure**

In the next 5 to 10 years, China will invest heavily in new infrastructure and build information infrastructure such as 5G network, data-bank, artificial intelligence, Internet of Things, cloud computing, blockchain, etc. Only 5G commercial use will directly drive the total economic output of 10.6 trillion yuan and directly create the economic added value of 3.3 trillion yuan. Heilongjiang provincial government should continue to attach great importance to the construction of new infrastructure focusing on 5G construction, and incorporate all kinds of new 5G network construction into the top 100 projects in Heilongjiang province. Another example is the Internet of Things. It is estimated that in the next five years, at least 3 billion-5 billion terminals will be connected to the Internet of Thing, which will bring in an investment scale of 2–3 trillion yuan. Artificial intelligence and blockchain will also reach trillions. In addition, there are traditional infrastructure combined with new infrastructure, such as railways, electricity, pipelines, optical fiber, etc. Heilongjiang should continuously strengthen cooperation in Northeast Asia in the new infrastructure field, and continuously tap the economic potential of multilateral cooperation.

At the same time, Heilongjiang Province should strengthen the construction of traditional infrastructure and equipment in border areas, support by special construction funds, form a unified planning and construction plan, rationally adjust the optimal allocation of various port resources, and build a modern logistics service network. First of all, we should vigorously promote the construction of air transport capacity and form an air transport system with Heilongjiang Province as an important air hub and widely connecting Northeast Asia; Secondly, through the implementation of large-scale transportation projects, such as the key projects of River Bridge and Heilongjiang Bridge, the comprehensive transportation service capacity of Suifenhe Port on the Sino-Russian border can be improved. Thirdly, on the premise of in-depth study of the

national low-altitude opening-up policy, a trunk airport service system is established, and regional airports are built in key scenic spots and border crossings in the province to promote the development of tourism between China and Russia. From a long-term perspective, Heilongjiang should seize the strategic opportunity of ‘the belt and road initiative’ at the national level, gradually extend the service scope for the land-sea Silk Road Economic Belt, form a port economic service network based on cross-border land-sea combined transport and river-sea combined transport, and provide convenient and advanced transportation environmental conditions for multilateral trade [8].

## REFERENCES

1. *Chi Fulin*. Northeast Asia Regional Economic Cooperation and Northeast Revitalization // Northern Economy. 202. Vol. 2.
2. *Dong Xiangrong*. The Basic Pattern and Characteristics of Northeast Asia Regional Cooperation // World Affairs. 2021. Vol. 13.
3. *Jiang Zhenjun*. Strengthen Local Cooperation and Exchanges between China and Russia to Build a Northeast Asian Economic Circle // The Strive. 2018. Vol. 23.
4. *Jing Lei, Zhu Binbin*. Prospects and Countermeasures of Regional Economic Cooperation in Northeast Asia under the Background of ‘Anti-Globalization’ // Dongjiang Journal. 2020. Vol. 4.
5. *Li Xiao, Chen Yu*. The World Economy and China's Countermeasures under the Impact of the Epidemic // Northeast Asia Forum. 2020. Vol. 3.
6. *Ou Dingyu, Tian Ye, Zhang Lei*. Research on the Construction of Value Chain in Northeast Asia under the Impact of COVID-19 // Northeast Asia Forum. 2020. Vol. 6.
7. *Zhao Xifeng*. Deepen Regional Cooperation in Northeast Asia // Jilin Daily. 2019. Vol. 9.
8. *Liu Feng*. The Integration of the Russian Far East into the BELT and Road is of Great Significance // Chinese Journal of Social Science. 2018. Vol. 6.

## **ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИИ НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ**

*Лю Бо*

*Институт России, Академия общественных наук  
провинции Хэйлуцзян  
Харбин, КНР*

*Аннотация.* Объем торговли между Россией и Китаем по-прежнему демонстрировал высокую устойчивость во время эпидемии. С января по июнь 2021 г. общий объем двусторонней торговли между двумя странами достиг 63,075 млрд долларов США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 28%. Эпидемия оказала определенное влияние на российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество, быстро развивались новые торговые форматы и модели, такие как трансграничная электронная коммерция. Благодаря постоянному расширению доступа на рынки между двумя странами, сельскохозяйственная продукция стала новой изюминкой двусторонней торговли. Обе страны активно стремятся создать научную и разумную информационную платформу, обмениваться информацией через платформу, далее улучшать международный статус импорта и экспорта между двумя сторонами, укреплять строительство инфраструктуры и улучшать качество торговли сельскохозяйственной продукцией. Благодаря сотрудничеству между двумя странами борьба с эпидемическими заболеваниями способствовала дальнейшему развитию сотрудничества в таких новых областях, как биомедицина, научные и технологические инновации.

*Ключевые слова:* эпидемия, торговля, экономика, сотрудничество, Россия, Китай.

# IMPACT OF THE EPIDEMIC ON ECONOMIC TRADE COOPERATION CHINA AND RUSSIA

*Liu Bo*

*Institute of Russia, Academy of Social Sciences*

*Heilongjiang Province*

*Harbin, PRC*

*Abstract.* Trade between Russia and China continued to be highly resilient during the epidemic. From January to June 2021, the total volume of bilateral trade between the two countries reached 63.075 billion US dollars, an increase of 28% over the same period last year. The epidemic had a definite impact on Russian-Chinese trade and economic cooperation, new trade forms and models such as cross-border e-commerce developed rapidly. With the continuous expansion of market access between the two countries, agricultural products have become a new highlight in bilateral trade. Both countries actively strive to create a scientific and intelligent information platform, exchange information through the platform, further improve the international import and export status between the two sides, strengthen infrastructure construction, and improve the quality of agricultural trade. Thanks to cooperation between the two countries, the fight against epidemic diseases has contributed to the further development of cooperation in such new areas as biomedicine, scientific and technological innovation.

*Keywords:* epidemic, trade, economy, cooperation, Russia, China.

Российское новостное агентство Sputnik 10 июля 2021 г. сообщило, что под воздействием роста заболеваемости пневмонией, вызываемой новым типом коронавируса, смертность в России в июне 2021 г. выросла на 13,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Под воздействием глобальной пандемии обострилась эпидемическая ситуация в России и Европе. В настоящее время эпидемическая ситуация в Китае находится под контролем, и экономическое производство находится в процессе упорядо-

ченного восстановления. В процессе «войны» Китая с эпидемией Россия, как дружественный сосед, оказала Китаю очень важную медицинскую и материальную помощь. В связи с протяженностью границы между Россией и Китаем часто происходит трансграничное перемещение людей, а экономические связи между регионами очень тесные. Хотя обе страны приняли строгие меры по профилактике и контролю эпидемии, беспокойство за жителей двух стран по-прежнему остается неизбежным. Заслуживает внимания вопрос о том, как выйти из кризиса и найти основу для сотрудничества.

### **ОБЪЕМ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ ДЕМОНСТРИРУЕТ ВЫСОКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ВО ВРЕМЯ ЭПИДЕМИИ**

Объем торговли между Россией и Китаем по-прежнему демонстрирует высокую устойчивость во время эпидемии. Считается, что в будущем, с постепенным восстановлением потока людей и товарного обмена, объем торговли между двумя странами ускорит восстановление. В первой половине 2021 г. объем китайско-российской внешней торговли достиг 63,075 млрд долл. (около 407,8 млрд юаней), увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 28,2%. В частности, Китай экспортировал в Россию товаров на сумму 28,946 млрд долл., что на 38,4% больше, чем за тот же период прошлого года. Импорт из России увеличился на 20,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года до 34,129 млрд долл. Несмотря на то, что вспышка новой коронавирусной инфекции оказала определенное влияние на глобальные производственные цепочки и цепочки поставок, российско-китайская торговля продемонстрировала высокую устойчивость [1]. В первом полугодии китайский экспорт медицинского оборудования, текстильного сырья, электроники и бытовой техники в Россию достиг двузначных темпов роста. Объем импорта энергоносителей, полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции из России продолжает расти, и первая партия российской говядины была экспортирована в Китай. Эпидемия способствовала быстрому раз-

витию трансграничной электронной торговли, и железнодорожный маршрут Китай – ЕС через Россию, вопреки преобладающим тенденциям, ускоряет развитие. Терминально-логистический центр «Белый раст», первый логистический центр, построенный совместно двумя странами, был официально сдан в эксплуатацию в конце июля. Ожидается, что по мере постепенного оживления товарооборота и обмена кадрами объем торговли между двумя странами будет восстанавливаться. Снижение объемов китайского экспорта в Россию постепенно замедляется, а импорт минерального сырья и сельскохозяйственной продукции из России продолжает расти. Считается, что в будущем, с постепенным возобновлением обмена кадрами и товарами, объем торговли между двумя странами восстановится. Хотя новая коронавирусная инфекция оказала влияние и создала проблемы для мировой экономики и торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем, основные аспекты российско-китайской торговли не изменились, также не изменились долгосрочные тенденции двусторонней торговли. С активизацией торговых связей между Россией и Китаем доля Китая в общем объеме внешней торговли России увеличилась с 17% в 2020 г. до 18,1% в мае 2021 г.

## **ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИИ НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ**

В связи с эпидемией Дальневосточный федеральный округ России закрыл 16 портов, что привело к значительному росту цен на овощи и фрукты на Дальнем Востоке и в прилегающих регионах. Вспышка эпидемии также оказала серьезное влияние на предприятия лесной промышленности Китая. В первом квартале 2021 г. Россия экспортировала в Китай 130 100 м<sup>3</sup> древесины хвойных пород, что на 13,6% больше, чем 114 500 м<sup>3</sup> за аналогичный период прошлого года. Кроме того, движение поездов по маршруту Китай – Европа также было остановлено, что также повлияло на обрабатывающую промышленность Китая. В результате большинству предприятий пришлось сократить объемы производства. Однако, учиты-

вая текущую ситуацию, во втором полугодии 2021 г. объем торговли будет стремительно расти [2; 4].

## **БЫСТРОЕ РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ**

### **Трансграничная электронная коммерция**

По мере развития ситуации по профилактике и контролю эпидемии Россия и Китай договорились закрыть проходы досмотра пассажиров на пунктах пропуска. За исключением некоторых районов Дальнего Востока таможенное оформление российских и китайских грузов все еще продолжается. Обеспечение беспрепятственного канала российско-китайской торговли в условиях эпидемии – особая задача и ответственная миссия, выполняемая железнодорожным маршрутом Китай – Европа, наземным автомобильным транспортом и грузовыми чартерными авиарейсами.

В период эпидемии большинство российских потребителей для размещения заказов используют китайскую торговую интернет-площадку AliExpress. Покупаемые китайские товары в основном включают товары для сада, одежду и т. д., почти половина российских заказов выполняется международной логистической компанией Ruston. В качестве «последней мили» трансграничной электронной торговли бесперебойность логистики зависит от завершения трансграничных транзакций электронной коммерции. В период эпидемии компания Ruston пережила самое серьезное испытание с момента основания: с одной стороны, закрытие предприятий привело к тому, что часть предприятий трансграничной электронной коммерции в Китае не смогла организовать поставки товаров, объем товарооборота компании Ruston снизился на 30%. С другой стороны, снижение уровня мобильности рабочей силы, вызванный строгим предотвращением и контролем эпидемической ситуации, и сокращением потока людей, привел к проблемам с доставкой товаров, транспортируемых с предварительных складов на оперативный склад в Харбине. В сложившейся ситуации сотрудники компании Ruston также предприняли активные усилия по борьбе с эпидемией



и обеспечению нормальной доставки грузов charterными рейсами. В рамках строгого соблюдения мер профилактики эпидемии Ruston выполняет 9 грузовых рейсов в месяц. В период эпидемии на китайско-российской границе также возникли препятствия в таможенном оформлении товаров, которые удерживались на границе. Для того, чтобы товары как можно скорее прошли таможенную очистку, сотрудники компании Ruston активно общаются с китайской и российской таможнями, выполняют требования досмотра товаров и предоставляют пояснительные материалы для особых периодов времени в соответствии с требованиями таможенного оформления, чтобы обеспечить бесперебойную логистику трансграничной электронной коммерции в Россию [3].

### **Новая коронавирусная инфекция повысила уровень электронной коммерции в России**

В России также ускоряется развитие электронной коммерции. Все больше людей начинают приобретать товары через Интернет. После окончания эпидемии масштабы рынка продолжают расти, потому что большинство людей приняли модель покупок в Интернете. Артем Соколов, президент Российской Ассоциация компаний Интернет-торговли, привел ряд статистических данных на совещании основной сети рынка электронной торговли, организованном Министерством промышленности и торговли Российской Федерации. По данным исследовательского агентства Data Insight, объем российского рынка электронной коммерции в 2020 г. составил около 33 млрд долларов США, что выше прогнозируемого значения в 29 млрд долларов США до вспышки эпидемии. С 2019 по 2020 гг. масштабы российского рынка электронной коммерции увеличились на 44%, количество новых покупателей превысило 10 млн человек. Последние прогнозы Data Insight указывают на то, что в условиях эпидемии объем российского рынка электронной коммерции будет расти и дальше. По оценкам, к 2021 г. объем российского рынка электронной коммерции достигнет 44,5 млрд долларов США, что выше предыдущей оценки в 37,8 млрд долларов США.

### **Создание эффективной платформы для обмена информацией**

Необходимо создать научную и эффективную платформу для обмена информацией между обеими сторонами, чтобы способствовать беспроигрышной ситуации для обеих сторон. Создание эффективной информационной платформы позволит получать больше информации о функционировании рынков, о конкуренции на рынках, иметь более полное представление о состоянии международной торговли, что будет способствовать развитию и прогрессу предприятий. Кроме того, это также поможет более комплексно и систематизировано изучать новые международные стратегии и правила, позволяющие предприятиям своевременно получать рыночную информацию.

### **Укрепление строительства инфраструктуры**

Эпидемия затронула все аспекты глобального экономического развития. Одной из наиболее серьезных проблем в торговле сельскохозяйственной продукцией является логистика, а также многочисленные недостатки в логистической инфраструктуре. То же самое касается и российско-китайской торговли. Неидеальная конструкция канала приводит к высоким торговым издержкам для обеих сторон. Ввиду этой ситуации обеим сторонам необходимо создать более совершенное транспортное оборудование, разумно координировать и размещать логистические инструменты, а также создавать и улучшать транспортную сеть. Обе страны – Китай и Россия – расположены в прибрежных территориях. Таким образом у них есть очевидные преимущества в морских перевозках, что будет способствовать росту торговли. На этой основе необходимо стимулировать приграничную торговлю, чтобы тем самым увеличить объем торговли между двумя сторонами.

### **Повышение качества торговли сельскохозяйственной продукцией**

В соответствии с производственной ситуацией на предприятиях по переработке сельскохозяйственной продукции Китая, качество сельскохозяйственной продукции является относительно

низким и требует улучшения. Для повышения качества необходимо развивать роль высокотехнологичных технологий, создавать собственные бренды и повышать качество продукции, что позволит увеличить долю рынка, повысить конкурентоспособность продукции на рынке и, в конечном счете, стимулировать развитие предприятий. В то же время необходимо своевременно освоить соответствующие нормы и требования на международных рынках для создания более разнообразной продукции, в полной мере учитывающей фактические потребности рынка. Кроме того, предприятия должны придавать большое значение инициативе «Один пояс, один путь» и использовать предложение этой стратегии как возможность для ускорения торгового и инвестиционного сотрудничества с Россией и содействия здоровому развитию российско-китайских отношений.

### **Дальнейшее сотрудничество в новых областях, таких как биомедицина и технологические инновации**

В областях искусственного интеллекта, новой энергии и материалов, биомедицины и здоровья, морской науки и технологий необходимо развивать сотрудничество с Россией, повышать уровень технологических инноваций с обеих сторон, а также создавать и совершенствовать сервисную площадку международного научно-технического сотрудничества. В то же время, опираясь на платформы, оптимизировать и интегрировать таланты обеих сторон, повышать эффективность использования ресурсов, активно стремиться исследовать промышленное пространство, глубоко интегрироваться на различных уровнях, стимулировать техническое сотрудничество, обеспечить надежные гарантии торговли и обмена между двумя сторонами [5–7].

После обсуждения между правительствами Китая и России обе стороны совместно открыли Год научно-технического и инновационного сотрудничества в 2020–2021 гг. Необходимо в полной мере использовать эти возможности, способствовать обмену и сотрудничеству между двумя сторонами, способствовать развитию и прогрессу во многих областях. В последние годы сотрудничество между двумя сторонами становится все глубже. Китай также про-

должает развивать свое сотрудничество и обмены с Россией. Обе стороны сотрудничают в создании лабораторий, совместно обучают научные кадры, осуществляют гуманитарные обмены, повышают технологический уровень. Были достигнуты замечательные результаты во многих областях, таких как биомедицина, создание морского инженерного оборудования и др. В то же время Китай также сотрудничает со многими российскими научными организациями и вузами, такими как Российская академия наук, Российский государственный технологический университет и другие, объединяя ведущие инновационные ресурсы страны. В последующем процессе развития Китай должен и дальше укреплять научно-техническое сотрудничество с Россией и стремиться к созданию диверсифицированной платформы сотрудничества, оказывать профессиональную и финансовую поддержку. Соединять ключевые области развития и отрасли, учиться друг у друга, дополнять преимущества друг друга и создавать новые высоты научно-технического сотрудничества с Россией. После продолжительных усилий обе стороны сформировали атмосферу сотрудничества в рамках глубоких обменов «платформ совместного строительства, совместного использования ресурсов, обмена кадрами, совместного использования результатов», что также способствует дальнейшему развитию и прогрессу инициативы «Один пояс, один путь» [8].

В условиях эпидемии торгово-экономическое сотрудничество России и Китая сохранило положительную динамику. Россия стала девятым по величине торговым партнером Китая. Серьезная эпидемия, вызванная новым коронавирусом, также привела к множеству неблагоприятных последствий и препятствий для сотрудничества между двумя сторонами. Наиболее очевидные потери несет туризм. Кроме того, существуют определенные препятствия и последствия для торговли товарами и инвестиций. Однако в целом отношения сотрудничества между Россией и Китаем все еще стремятся к прогрессу при сохранении стабильности, например, сотрудничество в области энергетики. На данном этапе обе стороны также поддерживают постоянные контакты и координируют свою деятельность в надежде на то, что совместными усилиями они смогут уменьшить нега-

тивные последствия эпидемии для торговли между ними. Более того, совместно принимают соответствующие меры и стратегии, надеясь превратить кризис в новые возможности и таким образом способствовать общему развитию обеих сторон. С полным восстановлением производства соответствующих отраслей промышленности в Китае, в процессе торговли между двумя сторонами, энергетические ресурсы по-прежнему занимают важное место. За исключением энергоресурсов, в определенной степени пострадали и другие виды торговой продукции. На внутреннем рынке у многих китайских предприятий нет возможности экспортировать продукцию из-за остановки производства, в то же время спрос в России также снизился. На данном этапе эпидемическая ситуация в Китае несколько ослабла, и крупные предприятия начали возобновлять работу и производство, обеспечивая определенную гарантию для российско-китайской торговли. Сегодня рубль снова подешевел, что привело к значительному ценовому преимуществу для российского экспорта. Кроме того, эпидемия также нанесла серьезный удар европейскому и американскому рынкам. Спрос на европейском и американском рынках значительно снизился, и Китай будет направлять больше товаров в Россию. Влияние эпидемии на предприятия-экспортеры российских продуктов питания не особенно заметно. Эпидемическая ситуация также не оказала большого влияния на сотрудничество России и Китая в сфере инноваций. Хотя режим торговли изменился, ее суть не изменилась. Большинство связанных с торговлей звеньев начинают использовать онлайн-модели. В апреле 2021 г. в онлайн-формате состоялась презентация 4-го Китайского международного импортного ЭКСПО (СИЕ) для российских компаний. Лю Сюэсун, заместитель директора Евразийского департамента Министерства торговли Китая, сказал, что в 2021 г. исполняется 20 лет со дня подписания Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, и ожидается, что годовой объем торговли достигнет еще одного рекордно высокого уровня. Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы использовать потенциал сотрудничества в новых областях, таких как сельскохозяйственная продукция, машиностроительная продукция, научные и технологические инновации, электронная коммерция и

биомедицина. Выход на ЭКСПО превратит экспонаты в товары, а экспонентов – в инвесторов. Мы надеемся, что Россия примет активное участие в 4-й национальной комплексной выставке в онлайн-формате, выставке предприятий в офлайн-формате, экономическом форуме «Хунцяо» и профессиональных вспомогательных мероприятиях 4-го Китайского международного импортного ЭКСПО (СИЕ), чтобы еще больше расширить выставочную площадь и расширить участие крупных предприятий. В настоящее время давление в глобальной экономике продолжает расти, при этом торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем по-прежнему находится на подъеме. После суровых испытаний отношения между двумя странами становятся все ближе, а сотрудничество все более укрепляется.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перед лицом эпидемии. Рост отрицательного торгового баланса между Россией и Китаем // Российская газета. 2020. 13 апреля.

2. *I Min*. 'Artery' of Cross-Border E-Commerce between Russia and China // Fendou. 2020. Vol. 11. (In Chinese).

3. *Liu Xingbo, Li Yan, Wu Zhilige, Zhang Yao*. Analysis of the Impact of the New Coronavirus Pneumonia Epidemic on Foreign Economic Cooperation of Inner Mongolia // Northern Economy. 2020. Vol. 2. (In Chinese).

4. *Hu Golyan, Luo Qui, Wang Yanbing*. Analysis of the Competitiveness and Complementarity of Agricultural Trade between Russia and China // Marketing Research. 2020. Vol. 5. (In Chinese).

5. *Zhang Xi*. The Process of Epidemic Prevention and Development Trends of Russian Religious Organizations in the Context of the Outbreak of COVID-19 // Studies in World Religions. 2020. Vol. 3. (In Chinese).

6. *Shen Zhei, Jason Daigler*. Reducing the Impact of COVID-19 on Business through E-Commerce // China Informatization. 2020. Vol. 6. (In Chinese).

7. *Yu Xiaoqin*. Public Opinion and the Image of China in Russian Society in an Epidemic from the Point of View of the Community of the Common Destiny of Mankind // Siberian Studies. 2020. Vol. 6. (In Chinese).

8. *Yan Guifu, Yuan Li*. Creation of a Platform for Multicomponent Cooperation and strengthening of Innovative Partnership // Qiuxian. 2019. Vol. 9. (In Chinese).

## **ТЕНДЕНЦИИ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ**

*Цзоу Сютин*

*Институт России, Академия общественных наук  
провинции Хэйлуцзян  
Харбин, КНР*

*Аннотация:* Совместными усилиями России и Китая достигнут новый прогресс в экономическом сотрудничестве между двумя странами. Китай на протяжении многих лет является крупнейшим торговым партнером России. В 2019 г. российско-китайские отношения официально были определены сторонами как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху», а торгово-экономическое сотрудничество двух стран становится все теснее. По мере развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем вопросы инвестиций привлекают все больше внимания со стороны двух стран. Благодаря вниманию правительств и лидеров двух стран, инвестиционное сотрудничество России и Китая сохранило положительную тенденцию развития.

*Ключевые слова:* Китай, Россия, инвестиции.

# THE TRENDS OF CHINESE INVESTMENT IN RUSSIA AFTER THE PANDEMIC

*Zou Xiuting*

*Institute of Russia, Academy of Social Sciences*

*Heilongjiang Province*

*Harbin, PRC*

*Abstract.* Joint efforts of Russia and China have achieved new progress in economic cooperation between the two countries. China has been Russia's largest trading partner for many years. In 2019, Russian-Chinese relations were officially defined by the parties as 'a relationship of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era', and trade and economic cooperation between the two countries is becoming closer. As trade and economic cooperation between Russia and China develops, investment issues are attracting more and more attention from the two countries. Thanks to the attention of the governments and leaders of the two countries, investment cooperation between Russia and China has maintained a positive and good development trend.

*Keywords:* China, Russia, investments.

Согласно «Статистическому бюллетеню о прямых иностранных инвестициях Китая», выпущенному Министерством торговли в 2020 г., в 2019 г. поток прямых иностранных инвестиций Китая составил 136,91 млрд долл., а фондов – 2198,88 млрд долл., что составляет 10,4 и 6,4% от глобального потока и фондов в этом году, соответственно. Поток инвестиций занимает второе место, а поток акций – третье место в странах (регионах) мира. С 2002 по 2019 гг. среднегодовые темпы роста иностранных инвестиций Китая составляли 26%. Благодаря усилению собственной экономической мощи способность Китая инвестировать за границу значительно возросла, что заложило хорошую основу для роста инвестиций Китая в Рос-



сию. Экономический рост России привел к росту доходов населения, стимулировал расширение потребительского рынка, а также усилению научно-исследовательского потенциала. Совершенствование финансовой системы также является хорошей гарантией для инвестиций Китая в Россию.

## **ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ С ИНВЕСТИЦИЯМИ КИТАЯ В РОССИЮ**

В настоящее время экономики России и Китая находятся в стадии развития, и две страны во многих областях дополняют друг друга, что является основой двустороннего инвестиционного сотрудничества.

### **Объем китайских инвестиций в Россию**

За последнее десятилетие прямые инвестиции Китая в Россию в целом демонстрируют тенденцию к росту с многообразием отраслей и сфер инвестирования. С 2011 по 2013 гг. прямые инвестиции Китая в Россию увеличивались из года в год. Негативное влияние украинского кризиса 2014 г. и нескольких раундов санкций Европы и США постепенно привели к спаду российской экономики, что привело к значительному сокращению прямых инвестиций Китая в Россию. В 2015 г. китайско-российское совместное заявление о сотрудничестве в рамках Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, подписанное двумя странами, способствовало резкому росту китайских инвестиций в Россию, достигнув 2,961 млрд долл. В 2016 г. рост мировой экономики был слабым, и китайские инвестиции в Россию несколько снизились. В 2017 г. внутренняя экономическая ситуация в России стабильно развивалась, и прямые инвестиции Китая в Россию достигли 1,548 млрд долл. В 2018 г. Китай инвестировал в 19 проектов в России, и поток прямых инвестиций в Россию снизился на 53%, но объем китайских инвестиций в России достиг самого высокого уровня за всю историю. В 2019 г. объем прямых инвестиций Китая в Россию составил 12,8 млрд долл. (табл. 1). Россия не вошла в первую двадцатку стран по потоку прямых иностранных инвести-

ций Китая, но заняла 13-е место по объему прямых иностранных инвестиций Китая<sup>1</sup>. В 2020 г. прямые нефинансовые инвестиции Китая в Россию составили 340 млн долл., увеличившись на 41,7% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.<sup>2</sup>

Таблица 1

**Статистика прямых инвестиций Китая в Россию  
с 2011 по 2019 гг.**

Год	Поток прямых инвестиций в Россию, 100 млн долл.	Доля в потоке прямых иностранных инвестиций Китая, %	Объем прямых инвестиций в Россию, 100 млн долл.	Доля прямых иностранных инвестиций Китая, %
2011	7,16	0,96	37,64	0,89
2012	7,85	0,89	48,88	0,92
2013	10,22	0,95	75,82	1,15
2014	6,34	0,51	86,95	0,98
2015	29,61	2,03	140,20	1,28
2016	12,93	0,66	129,80	0,96
2017	15,48	0,98	138,72	0,77
2018	7,25	0,5	142,08	0,72
2019 *	-3,79	-	128,04	0,58

*Примечание:* \* означает, что данные о фондах на конец 2019 г. включают корректировку предыдущих исторических данных.

*Источник:* составлено по данным Статистического ежегодника Китая с 2012 по 2020 гг.

Согласно отчету британской аудиторско-консалтинговой компании Ernst & Young («Эрнст энд Янг») об инвестиционной привлекательности европейских стран в 2020 г., Китай, как и годом

<sup>1</sup> Статистический бюллетень о прямых внешних инвестициях Китая за 2019 год. URL: [https://www.sohu.com/a/422787391\\_825950](https://www.sohu.com/a/422787391_825950) (дата обращения: октябрь 2021) (На кит. яз.).

<sup>2</sup> Объем китайских инвестиций и инжиниринговых контрактов в России будет расти против тенденции 2020 года / Министерство коммерции. 2020. URL: <http://www.tradeinvest.cn/information/7847/detail> (дата обращения: февраль 2021) (На кит. яз.).

ранее, занял второе место в рейтинге стран, инвестирующих в Россию в 2020 г. В 2020 г. Китай инвестировал в России 15 проектов, что на 7 проектов меньше, чем в предыдущем году. В основном он инвестировал в высокотехнологичные отрасли, при этом наибольшие инвестиции были вложены в проекты в электронной промышленности, занимая второе место по количеству проектов в обрабатывающей промышленности [1]. В 2019 г. инвестиции Китая в основном пошли в сферу программного обеспечения и ИТ-услуг<sup>1</sup>. Виталий Манкевич, президент Русско-Азиатского Союза промышленников и предпринимателей (РАСПИ), сказал: «Даже с учетом невыполнения некоторых проектов, количество реализуемых в настоящее время в России проектов с привлечением китайских инвестиций превышает 60». В декабре 2020 г. Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству одобрила список из 70 крупных проектов с общим объемом инвестиций в неэнергетические области в размере 112 млрд долл. По данным комиссии, в России реализуются 65 проектов на сумму 106,2 млрд долл. и пять проектов в Китае на сумму 5,8 млрд долл.<sup>2</sup>

### **Отраслевое и географическое распределение китайских инвестиций в России**

В 2019 г. прямые иностранные инвестиции Китая были направлены в основном на традиционные услуги лизинга и бизнеса, производство, финансы, оптовую и розничную торговлю. Лизинг и бизнес-услуги заняли первое место, а производство – второе. В основном инвестиции распространяются в области автомобилестроения, производства компьютеров, средств связи и другого электронного оборудования, химического сырья и химической продукции. Приток китайских инвестиций в Россию сейчас не одинаковый [2].

---

<sup>1</sup> Китай занял второе место по динамике инвестиций в Россию. URL: <https://sputniknews.cn/economics/202007061031753703/> (дата обращения: июль 2021) (На кит. яз.)

<sup>2</sup> Китай занял второе место по количеству инвестиций в Россию. URL: [https://sputniknews.cn/russia\\_china\\_relations/202106051033834952/](https://sputniknews.cn/russia_china_relations/202106051033834952/) (дата обращения: июнь 2021) (На кит. яз.).

В настоящее время прямые инвестиции китайских предприятий в Россию охватывают широкий спектр областей, в основном, включая горнодобывающую промышленность (48,92% в 2017 г.), сельское хозяйство, лесное хозяйство, животноводство и рыболовство (20,08% в 2017 г.), обрабатывающую промышленность (11,64% в 2017 г.), оптовая и розничная торговля, лизинг и другие отрасли<sup>1</sup>. В последние годы отрасли, связанные с информацией, постепенно превратились в горячую площадку для инвестиций китайских предприятий в Россию.

Географически китайские инвестиции в основном сосредоточены в сфере информационных технологий, услугах, гостиничном и ресторанном бизнесе, науке и технологиях в таких развитых городах, как Москва и Санкт-Петербург. Дальний Восток богат нефтегазовыми ресурсами. Инвестиции в гостиничный и ресторанный бизнес, импортную и экспортную торговлю, строительство, грузоперевозки и лесозаготовки сосредоточены в Приморском крае. Проекты развития сельского хозяйства и полезных ископаемых в Еврейской автономной области и Забайкальском крае.

В рамках системы Свободного порта Владивосток и Территории опережающего развития общий объем инвестиций Китая в проекты, реализуемые на Дальнем Востоке России, превышает 300 млрд руб. (примерно 5 млрд долл.)<sup>2</sup>. Благодаря реализации ряда мер политики развития Дальнего Востока, принятой правительством России, Дальний Восток имеет большой потенциал для привлечения китайских инвестиций. Эксперты российской коммуникационной группы iMARS оценили регионы России с самой высокой степенью подготовки к сотрудничеству с Китаем. В пятерку лидеров вошли Приморский край, Новгородская область, Республика Бурятия, Москва и Ростовская область [3].

---

<sup>1</sup> Статистический бюллетень о прямых внешних инвестициях Китая за 2017 год. URL: <https://www.fx361.com/page/2020/0130/6317709.shtml> (дата обращения: январь 2021) (На кит. яз.).

<sup>2</sup> Общий объем инвестиций Китая в проекты, реализуемые на Дальнем Востоке России, превысил 300 млрд рублей. URL: <http://www.safe.gov.cn/heilongjiang/2020/0108/1194.html> (дата обращения: январь 2021) (На кит. яз.)

Российский Дальний Восток граничит с китайской провинцией Хэйлунцзян. В российско-китайском инвестиционном сотрудничестве провинция Хэйлунцзян всегда была одной из лучших. Инвестиции провинции Хэйлунцзян в Россию начались в 1988 г. По мере углубления двустороннего сотрудничества ее инвестиции в Россию также увеличивались из года в год.

В прошлом государственные предприятия всегда преобладали в инвестициях Китая в Россию. В последние годы частные предприятия постепенно начали замещать государственные предприятия и постепенно вышли на лидирующие позиции. К концу 2018 г. Китай создал более 1000 предприятий в России и нанял более 23 000 иностранных сотрудников [4].

## **ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ**

Китай сталкивается с многочисленными проблемами в сфере прямых инвестиций в Россию, такими как небольшой объем инвестиций, необоснованная структура промышленности. В то же время несовершенные законы и правила, нестабильные системы, высокие административные барьеры, слабая инфраструктура, трудности с кредитованием и недобросовестная конкуренция также ограничивают рост китайских инвестиций.

### **Небольшой масштаб китайских инвестиций в Россию**

По состоянию на конец 2019 г. объем прямых инвестиций Китая в Россию составлял 12,8 млрд долл., а общий объем прямых инвестиций Китая в Европу составлял 114,4 млрд долл. Объем прямых инвестиций Китая в Россию составил 11,18% от европейских и 0,58% от прямых иностранных инвестиций Китая, занимая 13-е место (*табл. 2*). Таким образом, прямые инвестиции Китая в Россию по-прежнему имеют большой потенциал и большие возможности для роста [5].

Таблица 2

**Топ-15 стран (регионов) Китая по объему прямых  
иностранных инвестиций на конец 2019 г., 100 млн долл.**

№	Страна / регион	Фонды	Доля, %
1	Китай Гонконг	12753,6	58,0
2	Каймановы острова	2761,5	12,6
3	Британские Виргинские острова	1418,8	6,5
4	Америка	778,0	3,5
5	Сингапур	526,4	2,4
6	Австралия	380,7	1,7
7	Нидерланды	238,5	1,1
8	Великобритания	171,4	0,8
9	Индонезия	151,3	0,7
10	Германия	142,3	0,7
11	Канада	140,9	0,6
12	Люксембург	139,0	0,6
13	Российская Федерация	128,0	0,6
14	Макао, Китай	98,5	0,4
15	Швеция	85,8	0,4

*Источник:* Статистический бюллетень о прямых внешних инвестициях Китая за 2019 год. URL: [https://www.sohu.com/a/422787391\\_825950](https://www.sohu.com/a/422787391_825950) (дата обращения: август 2021) (На кит. яз.).

### **Проблемы в законодательной сфере в России**

Надежность судебной системы страны, завершенность судебной реформы и эффективность судебных институтов напрямую влияют на инвестиционную среду страны. В российских законах и нормативных актах существует множество ограничений на иностранные инвестиции. В последние годы, хотя в России были пересмотрены и улучшены многие законы и нормативные акты в области экономики, торговли и иностранных инвестиций, а также улучшена инвестиционная среда, законы и постановления часто менялись и пересматривались. Формулировка и изменение систем и правил непрозрачны. Многие местные органы власти сформулировали политику с учетом местных особенностей, законы запутаны. В су-

дебном процессе часто имеет место явление произвола правоохранительных органов. Более того, также трудно обеспечить исполнение решений российских судов, что заставляет многие стороны искать иные средства, помимо закона, для разрешения экономических споров.

### **Низкий уровень развития инфраструктуры в России**

У России огромная территория, но очень слабая транспортная инфраструктура. Особенно во многих частях Дальнего Востока нет железных дорог и даже постоянных дорог. Когда инвесторы едут в Россию для строительства проекта, им часто приходится строить собственные дороги и строить водопровод, электричество, газ и другие вспомогательные объекты, это не только увеличивает стоимость инвестиций, но и сталкивается с длительными и громоздкими процедурами утверждения в России, что приводит к бессрочной отсрочке срока строительства.

### **Китайским предприятиям не хватает понимания российского рынка**

Китайские компании часто плохо разбираются в информации о российском рынке и российской культуре. Они плохо осведомлены об инвестиционной среде в России, потребительских привычках, психологии потребителей, политике и нормах, что затрудняет инвестирование в Россию на начальном этапе. Кроме того, существуют различия между российскими стандартами инспекции продукции и местными китайскими стандартами инспекции, что требует от китайских компаний внедрения соответствия их продукции с российскими стандартами, чтобы занять большую долю рынка.

Кроме того, такие проблемы, как доступ на рынок, высокие налоги, квоты на рабочую силу, согласование виз и низкая эффективность труда, также препятствуют развитию китайских инвестиций в России.

## ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ

С 2019 г. стали заметными различные нестабильные и неопределенные факторы в области международной политики, экономики и социального обеспечения. Глобальные цепочки создания стоимости и цепочки поставок неоднократно подвергались разрушению, а глобальные прямые инвестиции часто сдерживались регуляторной политикой различных стран. На фоне неблагоприятной международной инвестиционной среды, с одной стороны, усиливающееся понижающее давление на внутреннюю экономику Китая и негативные последствия в процессе корректировки экономической структуры поставили новые задачи для инвестиционного сотрудничества Китая с Россией. С другой стороны, Россия находится под экономическими санкциями после их введения США и различными странами Евросоюза в 2014 г. Сейчас она серьезно пострадала от эпидемии COVID-19, потребуется некоторое время для ее восстановления, что также будет препятствовать инвестиционному сотрудничеству Китая с Россией.

Несмотря на многие трудности, Китай активно поддерживает мировую многостороннюю торговую систему, поддерживает экономическую глобализацию и придает большое значение прямым инвестициям в Россию. После пятого заседания Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству в сентябре 2018 г. инвестиционное сотрудничество России и Китая достигло нового прогресса, активно продвигается сотрудничество по крупным проектам. Из 70 ключевых проектов, совместно определенных обеими сторонами, 12 проектов успешно введены в эксплуатацию, 21 проект находится в стадии реализации и 17 проектов находятся на стадии деловых переговоров<sup>1</sup>. В ноябре 2019 г. Россия, Китай, Бразилия, Индия и Южная Африка совместно подписали Меморандум о взаимопонимании между национальными

---

<sup>1</sup> Вице-премьер Китая: российско-китайское инвестиционное сотрудничество всегда сохраняло положительную и хорошую тенденцию развития. URL: <http://china.ru/info/zhongjingmao/lubuhuilv/59018.shtml> (дата обращения: август 2021) (На кит. яз.)



агентствами / организациями по содействию торговле и инвестициям стран БРИКС. Таким образом, хотя глобальные иностранные инвестиции сократились из-за воздействия эпидемии, существуют широкие перспективы для инвестиций Китая и сотрудничества с Россией в будущем [6].

### **Китай придает большое значение внешним инвестициям**

Китай создал благоприятные условия для внутренней и внешней политики, чтобы предприятия могли «выйти вовне» для приобретения активов за рубежом. С 2018 г. Китай постоянно улучшал качество и эффективность иностранных инвестиций, неуклонно реализуя «план действий по инновациям в сфере иностранных инвестиций», совершенствуя режим управления и обслуживания «идуших вовне» предприятий и формулируя руководящие принципы работы и управления за рубежом.

Более того, Китай всегда придерживался принципа беспроигрышного сотрудничества с принимающей страной инвестиций, а приобретение активов за рубежом китайских предприятий получило всеобщую поддержку и одобрение со стороны соответствующих стран. Чтобы создать хорошие международные условия для сотрудничества Китая с иностранными инвестициями, Китай будет укреплять сотрудничество с большим количеством стран в области таможи, налогообложения, аудита и надзора.

### **У экономики России все еще есть потенциал роста**

В последние годы ВВП России несколько увеличился, а ее макроэкономический рост замедлился. Замедление экономического роста в России окажет определенное негативное влияние на инвестиции китайских компаний в Россию. Однако Россия богата природными ресурсами, экономически и социально стабильна и имеет потенциал роста. Таким образом, китайские компании по-прежнему уверены в своих будущих инвестиционных перспективах.

В начале 2019 г. правительство России запустило 13 национальных проектов, включая модернизацию медицинской, образовательной, экологической, демографической, культурной и транс-

портной инфраструктуры, а также ввело ряд экономических стимулов для увеличения доходов населения, ускорения развития сельского хозяйства и сферы услуг, а также активно внедряет такие меры, как диверсификация экспорта и импортозамещение. Эти меры помогут России как можно скорее избавиться от чрезмерной энергетической зависимости и будут способствовать преобразованию и обновлению экономической структуры.

### **Инвестиционная среда в России продолжает улучшаться**

В рейтинге о глобальной деловой среде Doing Business-2020, который ежегодно публикует группа Всемирного банка, рейтинг национальной деловой среды России повысился с 31 в 2018 г. до 28 в 2019 г. Это показывает, что инвестиционная среда, а также законодательная и регулятивная среда в России улучшились. Правительство России уделяет особое внимание улучшению инвестиционного климата. В целях привлечения иностранных инвесторов Российская Федерация постоянно улучшала инвестиционную среду с точки зрения законодательства, налогообложения, повышения эффективности работы, упрощения процедур, строительства инфраструктуры и наказания за коррупцию. Например, в марте 2021 г. Россия упростила процедуры одобрения иностранных инвестиций в некоторые отрасли.

В настоящее время в особых экономических зонах и промышленных парках во многих регионах России действует система льготного налогообложения, которая создает благоприятные условия для создания совместных предприятий российско-китайских компаний. Есть много возможностей для китайско-российского инвестиционного сотрудничества. В будущем инвестиции Китая в Россию в основном будут реализовываться по следующим направлениям.

**1. Развитие сотрудничества в области ресурсов и инфраструктуры.** Россия – крупный производитель нефти и газа, а энергетическая отрасль уже давно является важной сферой сотрудничества между Россией и Китаем. В то же время Россия также богата полезными ископаемыми. Для китайских горнодобывающих пред-

приятый взаимовыгодно вести разработку горных работ в России, что способствует общему развитию обеих сторон. В последние годы такие компании, как China National Gold Group Corporation, Zijin Mining, China Nonferrous Metal Mining, Fosun International и другие китайские предприятия инвестировали в Россию, охватывая разведку и добычу золота, железной руды, меди, свинца, цинка и других полезных ископаемых.

Инфраструктура России все еще относительно отстала, но инфраструктура – это типичное общественное благо. Процесс строительства требует больших капитальных вложений и не может полностью полагаться на предприятия двух стран, которые будут выполнять строительство в соответствии с потребностями. Таким образом, строительство по-прежнему должно опираться на политические инвестиции в стратегическое сотрудничество, в которых доминируют правительства двух стран.

**2. *Расширение сотрудничества в сфере услуг.*** Если сотрудничество России и Китая будет ограничиваться разработкой ресурсов и трудоемкими отраслями, это не будет соответствовать долгосрочным интересам двух стран. Кроме того, обе страны в настоящее время привержены преобразованию и обновлению экономической структуры, прорыву прежнего мышления сотрудничества и расширению новых областей сотрудничества, таких как сотрудничество в сфере услуг, что станет реальной попыткой. Туристические услуги, уход за пожилыми людьми, образование и индустрия культуры – все это сферы, которые обладают значительным потенциалом развития и нуждаются в усилении.

В последние годы очень хорошо развивался туризм между Россией и Китаем. Китай являлся вторым по величине туристическим направлением для российских туристов, а Россия – третьим по величине туристическим направлением для китайских туристов. Согласно китайской статистике, число российских туристов в Китае в 2018 г. составило 1,9775 млн чел., что на 1,4% больше, чем годом ранее. Число китайских туристов в России составило 1,8474 млн

чел., что на 21,1 % больше, чем годом ранее<sup>1</sup>. Рост пассажиропотока между двумя сторонами откроет огромные инвестиционные возможности для соответствующих отраслей и принесет значительную прибыль инвесторам. Кроме того, китайские инвестиции в Россию имеют большой потенциал роста во многих сферах сферы услуг.

Одним словом, китайским компаниям необходимо активно использовать инвестиционные возможности, рационально выбирать области инвестирования и способствовать созданию системы зеленых инвестиций Китая в Россию.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ван Сужун*. Налоговое проектирование инвестиций Китайских предприятий в Россию // Международная коммерческая бухгалтерия. 2019. № 1. (На кит. яз.).

2. *Мяо Вэйшэн*. Отчет о перспективах внешних инвестиций Китайских предприятий в 2017 г. Пекин: Китайское экономическое издательство, 2017. (На кит. яз.).

3. *Теринкиева Т.Г.* Нынешнее состояние и особенность Китайских инвестиций на Дальнем Востоке России // Сибирские исследования. 2019. № 1. (На кит. яз.).

4. *Ян Чжоу*. Анализ текущей ситуации с прямыми инвестициями Китая в Россию // Богатство сегодня. 2020. № 4. (На кит. яз.).

5. *Ни Юецзюй, Цзи Ши*. 70 лет двусторонних инвестиций между Китаем и Россией: воспоминание и обозрение будущего // Знание и действие. 2020. № 1. (На кит. яз.).

6. *Цзян Цзин*. Исследование доверительной модели Китайско-Российского местного инвестиционного сотрудничества в новой эпохе // Европейская и Азиатская экономика. 2019. № 6. (На кит. яз.).

---

<sup>1</sup> Интервью Посла КНР в РФ Ли Хуэя «Комсомольской правде». URL: [http://www.dragonnewsru.com/news/glo\\_news/20190306/87950.html](http://www.dragonnewsru.com/news/glo_news/20190306/87950.html) (дата обращения: март 2021). (На кит. яз.).

# **ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН И РОССИИ**

*Чжан Мэй*

*Институт России, Академия общественных наук  
провинции Хэйлунцзян  
Харбин, КНР*

*Аннотация.* Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 г. формально объявила эпидемию коронавируса пандемией. Основной целью нашей статьи является обзор исследований, посвящённых анализу влияния эпидемии коронавируса статус-кво торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией и меры по его восстановлению.

*Ключевые слова:* торгово-экономические отношения, Россия, провинция Хэйлунцзян.

# THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN HEILONGJIANG PROVINCE AND RUSSIA

*Zhang Mei*

*Institute of Russia, Academy of Social Sciences  
Heilongjiang Province  
Harbin, PRC*

*Abstract.* The World Health Organization (WHO) officially declared a coronavirus epidemic on 11 March 2020. The main purpose of this paper is to review the research on the impact of coronal virus epidemic, analyze the current situation of heilongjiang-Russia trade and economic cooperation, and take measures to repair it.

*Keywords:* Economic and trade relations, Russia, Heilongjiang province.

В 2020–2021 гг. эпидемия коронавирусной инфекции охватила весь мир, и мировое экономическое развитие подверглось серьезным испытаниям. Китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество неизбежно пострадало, так же как и региональное сотрудничество. Для нивелирования последствий пандемии провинция Хэйлунцзян ввела ряд мер и добилась определенных результатов. С января по июль 2020 г. общая стоимость импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию составила 57,709 млрд юаней, что в годовом исчислении снизилось на 21,59%, составив 62,89% от общего объема импорта и экспорта провинции. Несмотря на снижение объемов торговли, Китай (Хэйлунцзян) Пилотная зона свободной торговли достигла больших результатов, и сектор электронной торговли также добился роста [1].

## СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН С РОССИЕЙ

С января по июль 2020 г. общая стоимость импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию составила 57,709 млрд юаней, что в годовом исчислении снизилось на 21,59%, составив 62,89% от общего объема импорта и экспорта провинции. Из них экспорт в Россию составил 5,204 млрд юаней, увеличившись в годовом исчислении на 1,09%; импорт из России – 52,506 млрд юаней, снизившись в годовом исчислении на 23,29%. Начавшаяся в начале 2020 г. эпидемии коронавируса стала главной причиной снижения товарооборота провинции Хэйлунцзян с Россией (табл. 1).

Таблица 1

Торговля провинции Хэйлунцзян с Россией,  
январь–июль 2020 г.

Показатель	Общая сумма	Увеличение или уменьшение (в годовом исчислении)	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года, %	Составляемая доля, %
Товарооборот с Россией (млрд юаней)	577.09	-158.87	-21.59	62.89
Экспорт в Россию (млрд юаней)	52.04	0.56	1.09	25.32
Импорт из России (100 млн юаней)	525.06	-159.42	-23.29	73.74

*Источник:* рассчитано по: Ежемесячный отчет по статистике импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян / Харбинская таможня Китайской Народной Республики. URL: [http://www.customs.gov.cn/harbin\\_customs/467898/467900/467902/3274038/index.html](http://www.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467902/3274038/index.html) (дата обращения: июль 2021) (На кит. яз.).

**1. Импорт трубопроводной сырой нефти сократился, а импорт природного газа увеличился.** В целях обеспечения бесперебойной работы газопровода природного газа по восточной линии

между Китаем и Россией, Хэйхэская таможня, к которой относится Харбинская таможня, и Китайская национальная нефтегазовая корпорация укрепляют совместную профилактику и контроль, максимальное избегание прямого контакта с персоналом, электронный мониторинг поступающих данных о природном газе, временное изменение данных перевода бумажных носителей в электронный передачи, что позволило дать полный ход научно-техническим средствам, использовать систему управления Центра таможенного контроля для мониторинга в режиме реального времени работы измерительных станций между Китаем и Россией, сократить частоту ручных проверок на центре и осуществить научный надзор. С января по июль 2020 г. трубопроводный импорт сырой нефти в провинцию Хэйлуцзян составил 42,498 млрд юаней, что на 32,9% меньше, чем в прошлом году, и составляет 59,7% от общего объема импорта. Импорт трубопроводного природного газа составляет 2,569 млрд юаней, что является новой статьей импорта. Эти две статьи вместе составляли 63,3% от общей стоимости импорта, стимулируя рост импорта в провинции Хэйлуцзян<sup>1</sup>.

**2. Инвестиции провинции Хэйлуцзян в Россию сократились.** С января по март 2020 г. фактические прямые инвестиции провинции Хэйлуцзян в Россию составили 9,657 000 долларов США, что на 19,333 млн долларов США меньше, чем в годовом исчислении, на 66,7%, что составляет 52,8%<sup>2</sup>.

**3. Значительно сократились объемы продукции машино-технических производств, а также трудоемких отраслей.** В первой половине 2020 г., поскольку вспышка продолжает распространяться по всему миру, внешний спрос провинции Хэйлуцзян

---

<sup>1</sup> Рассчитано по: Ежемесячный отчет по статистике импорта и экспорта провинции Хэйлуцзян / Харбинская таможня Китайской Народной Республики. URL: [http://www.customs.gov.cn/harbin\\_customs/467898/467900/467902/3274038/index.html](http://www.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467900/467902/3274038/index.html) (дата обращения: июль 2021) (На кит. яз.).

<sup>2</sup> Самая северная зона свободной торговли Китая. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1676452084436194118&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: июль 2021) (На кит. яз.).



еще больше сократился, внутренняя работа восстановлена, и маркетинговая деятельность не может осуществляться нормально. Сильно пострадали механические и электрические изделия и трудоемкие отрасли промышленности. С января по май 2020 г. провинция Хэйлунцзян экспортировала 2,597 млрд юаней механической и электрической продукции, что на 8,1 % меньше, чем в прошлом году. К июлю экспорт электромеханической продукции достиг 8,89 млрд юаней, увеличившись почти в три раза за два месяца, увеличившись на 11,1% в годовом исчислении.

**4. Снизились объемы торговли сельскохозяйственной продукцией и инвестиции с Россией.** С января по апрель 2020 г. провинция Хэйлунцзян импортировала из России 262 000 т сельскохозяйственной продукции, увеличившись на 11,8%, составив 39%. Из-за COVID-19 некоторые предприятия в провинции Хэйлунцзян были вынуждены приостановить работу и производство, а закрытие некоторых портов таможенного оформления также повлияло на импорт и экспорт сельскохозяйственной продукции обеих сторон. Большее влияние пандемия оказала на инвестиции в сельское хозяйство, часть оборудования и сырья не могла быть поставлена вовремя, а въезд и выезд рабочих сталкивался с более жесткими ограничительными мерами и мерами общественного здравоохранения, что сказывалось на реализации и продвижении инвестиционных проектов. Некоторые выставки были также затронуты. Например, 7-я Российско-Китайская выставка, первоначально запланированная на июль 2020 г. в Екатеринбурге, была перенесена на 2021 г. из-за COVID-19, а 31-я Харбинская Международная торгово-экономическая выставка – на 15–19 июня 2021 г.

**5. Китай (Хэйлунцзян) Пилотная зона свободной торговли добилась больших успехов.** 2 августа 2019 г. Китаем (Хэйлунцзян) была официально создана Пилотная зона свободной торговли, охватывающая районы Харбин, Хэйхэ и Суйфэньхэ общей площадью 119,85 км<sup>2</sup>. 30 августа Китай (Хэйлунцзян) В Харбине открылась Пилотная зона свободной торговли. С момента своего создания Харбинская таможня, основываясь на целевом позиционировании и потребностях развития Пилотной зоны свободной торговли Лунц-

зьян, выделила особенности границ и России и ввела некоторые меры по облегчению открытия границ, чтобы помочь предприятиям Пилотной зоны свободной торговли развивать экономический и торговый бизнес с Россией [2]. Среди них «пробный импорт российских низкорисковых китайских лекарственных материалов растительного происхождения», «оптимизация карантинного процесса импорта российского зерна в приграничную зону свободной торговли Хэйлунцзян» и другие 4 новшества свободной торговли, касающиеся товаров с высоким содержанием золота. Эти меры были одобрены главным государственным таможенным управлением. Приграничная зона экономического сотрудничества Хэйхэ взяла на себя ведущую роль в строительстве первой в Китае российской зоны электрообработки. Импорт электроэнергии с 2020 г. составил 390 млн юаней. «Харбин, Суйхэ, Россия, Азия» сухопутно-морским комбинированным транспортом отправлено 34 поезда с 3158 TEU, поездами Китай – Европа отправлено 96 поездов с 8358 TEU. Межрыночная торговля в районе Суйфэньхэ завершилась 67 700 тоннами товаров, а объем сделки составил 308 млн юаней<sup>1</sup>. Харбинская таможня принимает несколько мер одновременно, выделяя характерные меры вдоль границы и по направлению к России. Продолжается упрощение бизнес-процедуры, снижение операционных расходов, еще больше повышается корпоративная конкурентоспособность, что способствует устойчивому росту внешней торговли. С января по июль 2020 г. Пилотная зона свободной торговли Хэйлунцзяна достигла общей стоимости импорта и экспорта в размере 10,6 млрд юаней, что составляет 11,6% от общей стоимости импорта и экспорта провинции. В течение года было зарегистрировано 491 новое таможенное предприятие<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Самая северная зона свободной торговли Китая. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1676452084436194118&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: июль 2021) (На кит. яз.).

<sup>2</sup> В Хэйлунцзяне создадут зону свободной торговли с Россией. URL: [https://www.sohu.com/a/423996691\\_120325604](https://www.sohu.com/a/423996691_120325604) (дата обращения: июль 2021). (На кит. яз.).

**6. Электронная коммерция в России растет вопреки тенденции.** Компания Хэйлунцзян ООО «Русская Экспресс Международная Логистическая Компания» отправила сотни тонн товаров, таких как ювелирные изделия, детские игрушки и бытовая утварь, в Москву, Екатеринбург и другие места через Почту Хэйлунцзяна в Россию [3]. По состоянию на конец июля 2020 г. трансграничный логистический канал электронной коммерции «Почта Хэйлунцзяна» Харбин – Россия выполнил 69 чартерных рейсов в Россию, 53 наземных транспортных средства и 4,73 млн международных почтовых отправлений в Россию. Совокупный вес составляет 1993 тонны, увеличившись в годовом исчислении на 7,8%, достигнув роста во время эпидемии<sup>1</sup>.

## **МЕРЫ РЕАГИРОВАНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН, И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ**

COVID-19 оказывает огромное влияние на Россию, в том числе на экономическое и торговое сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян и Россией. В этом контексте провинция Хэйлунцзян активно предпринимала различные меры по развитию торгово-экономического сотрудничества с Россией и добилась определенных результатов.

**1. Упорядоченное возобновление работы предприятий и упрощение процедур управления торгово-экономическим сотрудничеством с Россией.** Внедрить онлайн-обзор приграничных товаров мелкой торговли на основе данных корпоративной сети передачи данных, такие как экспортные заявки на кукурузу, пшеницу, рис, все экспортные лицензии обрабатываются онлайн. Организовать безбумажное управление инвестиционными записями в России и реализовать весь процесс онлайн-обработки.

---

<sup>1</sup> За 7 месяцев количество отправленных в РФ из провинции Хэйлунцзян посылок и бандеролей выросло на 7,8%. URL: [https://www.sohu.com/a/338334567\\_115926](https://www.sohu.com/a/338334567_115926) (дата обращения: июль 2021). (На кит. яз.).

**2. Развитие инновационных моделей торгового сотрудничества с российскими торговыми и инвестиционными предприятиями.** Поддержка использования интернета и других высокотехнологичных средств для проведения онлайн-расследований, онлайн-переговоров, онлайн-подписания. 200 000 юаней будут присуждены компаниям, которые подписали и завершили сделки онлайн во время эпидемии (небольшая приграничная торговля, стоимость контракта более 1 млн долларов США). 500 000 юаней будут присуждены ключевым предприятиям, подписавшим инвестиционные контракты (с китайскими инвестициями более 10 млн долл. и выполняющими соответствующие процедуры). Это способствовало успешному подписанию ряда проектов инвестиционного сотрудничества с Россией. В феврале 2020 г., проделав хорошую работу по профилактике и борьбе с эпидемией, провинция Хэйлунцзян направила и помогла предприятиям в полной мере использовать технологию «интернет +» и подписала ряд торговых соглашений с помощью «онлайн-инспекции, онлайн-переговоров и онлайн-подписания». Торговая компания «Дуннин Хуайян» и торговая компания «Ляонин Тяньчэн» достигли соглашения по онлайн-сотрудничеству по импорту российской кукурузы и подписали контракт на импорт российской кукурузы объемом 50 000 т. Торговая компания «Дуннин Пегас» организовала российским партнерам и южным клиентам переговоры о бизнесе в интернете, и три стороны достигли соглашения о продаже. На сегодняшний день экспортировано более 500 тонн сухих смесей. Город Суйфэнхэ организовал предприятия по продаже 137 000 кубометров российской древесины онлайн на сумму 140 млн юаней и 540 000 т российского угля на сумму 580 млн юаней<sup>1</sup>.

**3. Возобновление работы приграничной торговой зоны (пункта).** Провинция Хэйлунцзян выплатила 500 000 юаней тем приграничным торговым зонам (точкам), которые возобновили свою деятельность сразу после окончания эпидемии. В Суйфэнхэ

---

<sup>1</sup> Провинция Хэйлунцзян во многом восстановила внешнюю торговлю. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1662788624365982916&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: июль 2021). (На кит. яз.).

китайско-российская зона взаимной торговли – пограничный пункт взаимной торговли резидентов – действует с февраля 2012 г. в течение 8 лет и пользуется политикой освобождения страны от налогов на 8000 юаней для взаимной торговли, и масштабы торговли постепенно расширяются. С начала 2020 г. и до периода профилактики эпидемий и борьбы с ними торговля в Суйфэньхэ продолжала расти. Провинция Хэйлунцзян, Беларусь, Республика Корея и Казахстан, осуществили здесь первые импортные сделки, включая конфеты, кофе, морские водоросли и другие товары взаимной торговли. По состоянию на конец мая через обменные пункты автомобильных и железных дорог прошло в общей сложности 2220 транспортных средства общим объемом 46 900 т, объемом импорта стоимостью 172 млн юаней и объемом транзакций 195 млн юаней (75% от общего объема провинции). Все три показателя увеличились на 10% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, налог составил 5,255 млн юаней, став крупнейшим налогоплательщиком города, а число приграничных жителей, участвующих в торговле, достигло 53 700 [4; 5].

**4. Принятие мер по содействию таможенному оформлению пассажиров и товаров в пограничных портах.** Зона свободной торговли Суйфэньхэ в провинции Хэйлунцзян установила «самообслуживание с самообслуживанием» и другие режимы таможенного оформления. Время досмотра транспортных средств и таможенного оформления было сокращено с 10 минут до 30 секунд, что улучшило опыт поездок китайских и российских водителей и пассажиров<sup>1</sup>. С 18 мая 2020 г. количество транспортных средств, въезжающих в порт Суйфэньхэ, увеличилось до 30 автомобилей в сутки, а сейчас уже до 37 автомобилей в сутки. В целях обеспечения эффективности перегрузки и скорости таможенного оформления с самого начала въезда российских транспортных средств в страну имеются специальные транспортные средства и персонал

---

<sup>1</sup> Зона свободной торговли Суйфэньхэ в провинции Хэйлунцзян установила «самообслуживание с самообслуживанием». URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1672190455567171669&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: июль 2021). (На кит. яз.).

для обеспечения руководства таможенным оформлением, формальностей и услуг по перегрузке. Процесс переключения может быть завершен без того, чтобы русский водитель выходил из машины. Город Суйфэньхэ также прокладывает специальные бетонные перегружающие полосы на специально отведенных для перегрузки участках для автомобильных трансграничных перевозок и подготовил 15 тракторных систем для выполнения буксировочно-перегрузочных работ, а также может развернуть дополнительные буксировочные машины в любое время по мере необходимости. В части таможенного оформления товаров приоритетное внимание уделяется обеспечению перевозки плодоовощной продукции, медицинских и противоэпидемических материалов. В то же время уделяется внимание усилению оптимизации процесса перегрузки, стандартизации поведения перегрузки, повышению скорости погрузки и разгрузки прибывающих грузовых автомобилей и эффективности таможенного оформления. Благодаря согласованным усилиям Китая и России большинство грузовиков, въезжающих в Россию, могут въезжать и выезжать из страны в один и тот же день. Для некоторых российских водителей, которые не могут выехать из страны и нуждаются в проживании в день въезда, будет организован специальный автомобиль для посадки и высадки в специально отведенном отеле, а также назначено специальное лицо для оказания страховых услуг. Кроме того, город Суйфэньхэ также улучшает условия проживания и сокращает расходы, координирует импортные и экспортные компании товаров, субсидирует российских водителей в Суйфэньхэ, оказывает помощь в проживании и организует кейтеринговые компании для предоставления таких услуг, как еда на вынос и другие услуги. Организована эффективная инспекция и выпуск более 1,77 млн т импортной железной руды из России для обеспечения поставок сырья для ключевых металлургических предприятий края. Для обеспечения бесперебойного экспорта отечественной плодоовощной продукции на Дальний Восток России необходимо скорректировать модель таможенного надзора за плодоовощной продукцией, экспортируемой в Россию. Для возобновления экспорта леса в Китай необходимо координировать действия с соответст-

вующими российскими ведомствами. С января по июль 2020 г. будет контролироваться в общей сложности 2,673 млн м<sup>3</sup> импортных бревен<sup>1</sup>.

**5. Активное содействие упрощению процедур международной торговли.** Откликнуться на призыв страны содействовать упрощению процедур международной торговли и предоставлять финансовые услуги импортным и экспортным предприятиям. Принятие «единого окна» через одноточечный доступ и единовременное представление стандартизированных документов и электронной информации, отвечающих требованиям управления портами и связанных с международной торговлей департаментов, оптимизирует процесс таможенного оформления, повышает эффективность декларирования, снижает корпоративные издержки и значительно повышает упрощение международной торговли. 30 октября 2020 г. филиал ICBC Suifenhe успешно провел трансграничный денежный перевод в размере 50 000 долл. в рамках «единого окна» для лесоторговых компаний в зоне свободной торговли, который стал первым финансовым заказом в провинции<sup>2</sup>.

**6. Обращение за поддержкой к вышестоящим организациям и подразделениям.** Организовать и рассортировать потребности в финансировании предприятий в зарубежных зонах экономического и торгового сотрудничества и других зарубежных инвестиционных предприятий, пострадавших от эпидемии, и отчитаться перед Министерством торговли о финансовой поддержке. Активно общаться с российскими органами местного самоуправления через генеральные консульства во Владивостоке и Хабаровске и Ассоциацию предприятий провинции Хэйлунцзян в России. Стремится к тому, чтобы эти правительственные ведомства поддерживали про-

---

<sup>1</sup> Харбинская таможня в июле прошлого года выплачивала 973 000 долл. за fee for delayed declaration. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1678036406200907144&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: июль 2021) (На кит. яз.).

<sup>2</sup> Филиал ICBC Suifenhe успешно провел трансграничный бизнес денежных переводов в рамках «единого окна». URL: <https://www.163.com/dy/article/ET7UM3UR05455G7H.html> (дата обращения: июль 2021). (На кит. яз.).

филактику эпидемий и возобновление работы и производства зарубежных предприятий в провинции Хэйлунцзян<sup>1</sup>.

**7. Проведение онлайн-тренингов для персонала, работающего в российских компаниях.** В ответ на сложившуюся ситуацию китайско-российского торгово-экономического сотрудничества под влиянием нынешней эпидемии, трудностей и неразберихи, с которыми сталкиваются предприятия, а также сложной и неизвестной рыночной конъюнктуры, Департамент торговли провинции Хэйлунцзян организовал «онлайн-тренинг по российскому бизнесу 2020 г. в провинции Хэйлунцзян». Тематика учебного курса в основном знакомила с соответствующими нормативно-правовыми актами, инвестиционным потенциалом и инвестиционными рисками в сфере китайско-российского торгово-экономического сотрудничества. Предлагается использовать зону трансграничного сотрудничества провинции, зону свободной торговли, трансграничную электронную коммерцию больших данных и т. д. расширение сфер и методов сотрудничества, учитывая влияние изменений международной и внутренней ситуации в условиях эпидемии на китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество и контрамеры [6–8].

В настоящее время ситуация с эпидемией коронавируса в России по-прежнему тяжелая. Взаимная поддержка между Китаем и Россией задала модель международного сотрудничества в борьбе с эпидемией. Считается, что с полным открытием и функционированием «одного управления двумя мостами» Китай и Россия преодолеют нынешние трудности, а торгово-экономическое сотрудничество вступит в беспрецедентный период подъема и развития. После эпидемии провинция Хэйлунцзян получит более широкие перспективы экономического и торгового сотрудничества с Россией.

---

<sup>1</sup> Коммерческий департамент провинции Хэйлунцзян поддерживает инвестиции предприятий провинций Хэйлунцзян в России. URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2020/0706/c42-11004791.html> (дата обращения: июль 2021). (На кит. яз.).



## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад о развитии торгово-экономического сотрудничества России и Китая (2019–2020) / Отв. ред. Янь Сюээн. Пекин: Изд-во Литературы по общественным наукам, 2021. (На кит. яз.).

2. *Сун Чэнхуа, Оян Линьяо*. Использование зон свободной торговли для решения экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией // *Коммерческая экономика*. 2021. № 5. С. 84–86. (На кит. яз.).

3. *Ли Пэн*. В условиях эпидемии путь к развитию торгово-экономического сотрудничества между Россией и провинции Хэйлунцзян // *Пограничная экономика и культура*. 2021. № 5. С. 4–6. (На кит. яз.).

4. *Сяо Хун*. Исследование тенденций развития регионального сотрудничества между Россией и провинцией Хэйлунцзян // *Пограничная экономика и культура*. 2021. № 5. С. 1–3. (На кит. яз.).

5. *Юань Хуйтин*. Сотрудничество между европейской частью России и китайской провинцией Хэйлунцзян: состояние и перспективы // *Евразийская экономика*. 2021. № 1. С. 117–124. (На кит. яз.).

6. *Вань Хун, Люй Яньпин*. Пути сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке // *Вестник Хэйхэского университета*. 2021. № 6. С. 6–8. (На кит. яз.).

7. *Чжан Сицзя*. Проблемы и возможности торгово-экономического сотрудничества России и Китая во время эпидемии COVID-19 // *Внешняя экономика и торговля*. 2021. № 8. С. 48–50. (На кит. яз.).

8. *Шэнь Хайянь*. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока Российской Федерации и торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Китаем // *Вестник Хэйхэского университета*. 2021. № 8. С. 9–11. (На кит. яз.).

## **АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19**

*Сулов Д.В.*

*Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Россия*

*Аннотация.* Проведен анализ общеэкономических и институциональных проблем развития Республики Корея в условиях пандемии COVID-19. Приведены параметры и проведена оценка мер государственной экономической политики по элиминированию экономических шоков в Республике Корея. Рассмотрены основные меры поддержки домохозяйств и компаний по время пандемии COVID-19. Выявлено то, что экономическая политика реагирования на шоки пандемии COVID-19 со стороны правительства страны, была своевременной и адекватной текущим кризисным явлениям. Установлено, что своевременные меры фискальной политики в рамках дополнительных бюджетов и денежно-кредитной политики Банка Кореи, в целом, привели к возвращению корейской экономики в первой половине 2021 г. на траекторию развития с положительными темпами роста (порядка 2–4% в год), которые ожидается достичь в среднесрочном периоде.

*Ключевые слова:* COVID-19, меры экономической политики, Корейский новый курс, Республика Корея.

# ANTI-CRISIS POLICY OF THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF KOREA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

*Suslov D.V.*

*Economic Research Institute FEB RAS*

*Khabarovsk, Russia*

*Abstract.* The analysis of general economic and institutional problems of the development of the Republic of Korea in the context of the COVID-19 pandemic was carried out. The parameters are given and the assessment of measures of state economic policy to eliminate economic shocks in the Republic of Korea is carried out. The main measures to support households and companies during the COVID-19 pandemic are considered. It was revealed that the economic policy of responding to the crisis shocks of the COVID-19 pandemic by the government of the country was timely and adequate to the current crisis facts. It was found that timely measures of fiscal policy within the framework of additional budgets and monetary policy of the Bank of Korea, in general, led to the return of the Korean economy in the first half of 2021 to a development trajectory with positive growth rates (about 2–4% per year), which expected to be achieved in the medium term.

*Keywords:* Republic of Korea, COVID-19, economic policy measures, Korean New Deal.

## ВВЕДЕНИЕ

Республика Корея впервые сообщила о подтвержденных случаях COVID-19 в январе 2020 г. [1; 2; 3; 4]. Власти быстро реализовали комплексную стратегию борьбы с вирусом, основанную на широкомасштабном тестировании, активном отслеживании контактов, а также оперативной изоляции и лечении заболевших [4–9].

Наряду с добровольным социальным дистанцированием этот подход замедлил распространение инфекции, позволил большинству предприятий оставаться открытыми и свел количество новых случаев к нулю в течение лета 2020 г. Всплеск инфекций произошел в четвертом квартале 2020 г., при этом среднесуточное число новых случаев достигло пика более 1000 в декабре 2020 г., а летом 2021 г. снизилось до 500–600 [10].

## **ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ**

Корейская экономика интенсивно развивалась в последнее десятилетие [11; 12; 13; 14]. В 2017 г. наблюдался максимальный рост ВВП (3,2%), в дальнейшем темпы роста замедлились. Благодаря эффективным мерам по борьбе с пандемией COVID-19 правительство смогло поддержать экономику. Согласно оценкам МВФ, в 2020 г. ВВП Республики Корея снизился всего на 1,0%, и в 2021 г. восстановится до 4,3%, а к 2022 г. рост экономики постепенно сократится до 3,4% [15; 16]. Согласно данным Правительства Республики Корея реальный ВВП в 2020 г. снизился на 0,9%, но восстановился в квартальном исчислении с третьего квартала 2020 г.

Согласно предварительной оценке Банка Кореи, опубликованной 27 июля 2021 г., реальный ВВП Республики Корея вырос по итогам второго квартала 2021 г. на 5,9% в годовом исчислении и на 0,7% в квартальном исчислении [17].

Динамика ВВП по секторам в этот период выглядела следующим образом.

Выпуск в сельском, лесном и рыбном хозяйстве во 2 квартале 2021 г. упал на 13,6% по сравнению с предыдущим кварталом, поскольку урожайность по сельхозкультурам снизилась. Промышленное производство упало на 1,2% из-за падения выпуска транспортного оборудования. Выпуск сектора энерго-, газо- и водоснабжение снизился на 3,5% из-за спада производства электроэнергии. Показатели сектора строительства снизились на 1,4% из-за слабых показателей объемов строительных работ. Объемы предоставления услуг

выросли на 1,9% благодаря усиленным транспортным и складским, развлекательным и развлекательным услугам и другим услугам.

Анализ составляющих ВВП по расходам показал следующее. Частное потребление и государственные расходы выросли на 3,5% и 3,9% соответственно. Инвестиции в строительство упали на 2,5%, так как сократились как работы по строительству зданий, так и гражданские строительные работы. Инвестиции в производственные мощности и оборудование увеличились на 0,6% благодаря транспортному оборудованию. Экспорт упал на 2,0% из-за слабых внешних поставок автомобилей и ЖК-дисплеев, а импорт вырос на 2,8% благодаря продукции из первичных металлов и химической продукции.

Далее приведем параметры и проведем оценку мер государственной экономической политики по элиминированию экономических шоков в Республике Корея. Рассмотрим основные меры государственной поддержки домохозяйств и компаний по время пандемии COVID-19.

## **МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ**

### **Фискальные меры**

17 марта 2020 г. Национальное собрание приняло первый дополнительный бюджет на 2020 г. Дополнительный бюджет включал в себя сокращение доходов на 0,8 трлн вон и дополнительные расходы на 10,9 трлн вон на профилактику и лечение заболеваний, ссуды и гарантии для пострадавшего бизнеса, поддержку пострадавших домохозяйств и поддержку пострадавшей местной экономики [18].

30 апреля 2020 г. Национальное собрание приняло второй дополнительный бюджет на 2020 г. Дополнительный бюджет включал в себя увеличение расходов на 8 трлн вон на финансирование программы выплат чрезвычайной помощи в размере 14,3 трлн вон, которая предусматривает трансферты домохозяйствам.

3 июля 2020 г. Национальное собрание приняло третий дополнительный бюджет на 2020 г. Пакет в размере 35,1 трлн вон включает сокращение доходов (11,4 трлн вон) и дополнительные расходы на 23,7 трлн вон на финансовую поддержку компаний, расширение занятости и социальной безопасности, борьбу с болезнями и расходы на цифровую и «зеленую» экономику.

14 июля 2020 г. правительство объявило пересмотр нового пакета мер политики по так называемому Корейскому новому курсу (Korean New Deal) [19]. Пакет нацелен на «преобразование экономики из быстрого последователя в лидера, из экономики, зависящей от углеродных энергоресурсов, в «зеленую» экономику, с переходом общества к более инклюзивному развитию. Пакет включает расходы на три основных компонента: цифровую экономику, зеленые технологии и сеть социальной защиты. В третий дополнительный бюджет на 2020 г. направили в общей сложности 6,3 трлн вон.

Всего к 2022 г. будет инвестировано 67,7 трлн вон (накопленным итогом), а к 2025 г. будет инвестировано в общей сложности 160 трлн вон (накопленным итогом 114,1 трлн вон) за счет бюджетных инвестиций. Ожидается, что будет создано 1,9 млн рабочих мест.

22 сентября 2020 г. Национальное собрание приняло четвертый дополнительный бюджет на 2020 г. Дополнительные 7,8 трлн вон будут потрачены на поддержку малого бизнеса и МСП (3,9 трлн вон), поддержку занятости (1,5 трлн вон), поддержку домохозяйств с низкими доходами (0,4 трлн вон), поддержку по повседневному уходу за людьми и другие цели (2 трлн вон).

2 декабря 2020 г. Национальное собрание приняло бюджет на 2021 г. Бюджетные доходы на 2021 г. составляют 482,6 трлн вон, что примерно на 23 трлн вон (1,2% ВВП) ниже прогнозируемых доходов на 2021 г. опубликованных в бюджетном плане на 2020 г. Бюджетные расходы составляют 558 трлн вон, что примерно на 11 трлн вон (0,6% ВВП) выше суммы, запланированной в бюджетном плане на 2020 г.

25 марта 2021 г. Национальное собрание утвердило дополнительный бюджет в размере 14,9 трлн вон (0,8% ВВП). Меры вклю-

чают помощь пострадавшим владельцам малого бизнеса и занятым в них работникам, поддержку занятости, внедрение повсеместного вакцинирования, финансовую поддержку малых предприятий и поддержку домохозяйств с низкими доходами.

1 июля 2021 г. правительство объявило о предлагаемом втором дополнительном бюджете на 2021 г. в размере 33,0 трлн вон (1,6% ВВП). Дополнительные расходы в основном финансируются за счет превышения налоговых поступлений и частично за счет профицита бюджета, что незначительно влияет на прогнозируемый общий бюджетный баланс правительства. Предложение включает пакет помощи в связи с COVID-19 (13,4 трлн вон), меры по борьбе с болезнями (4,4 трлн вон), меры по обеспечению занятости и социальной защиты (2,6 трлн вон) и меры по стимулированию местной экономики (12,6 трлн вон). Кроме того, 3 трлн вон из первоначального бюджета будут перераспределены на решение проблем с жильем и другие неотложные вопросы жизнеобеспечения.

### **Монетарная политика**

Банк Кореи принял ряд мер для обеспечения постоянных адаптивных денежно-кредитных условий и повышения ликвидности финансовой системы. К ним относятся:

1) снижение базовой ставки на 75 базисных пунктов с 1,25% до 0,5%;

2) предоставление неограниченных сумм через операции на открытом рынке;

3) расширение списка приемлемых участников операций на открытом рынке для включения избранных небанковских финансовых организаций;

4) расширение приемлемого обеспечения операций на открытом рынке для включения банковских облигаций, определенных облигаций государственных предприятий и агентств, а также гарантированных государством ипотечных облигаций, выпущенных Корейской жилищной финансовой корпорацией;

5) упрощение требований к обеспечению для нетто-расчетов в платежной системе Банка Кореи;

б) покупка корейских казначейских облигаций (6,0 трлн вон, с объявлением дополнительных покупок на 5,0 трлн до конца 2020 г.).

Для увеличения доступного финансирования для МСП Банк Кореи увеличил потолок Механизма поддержки кредитования при посредничестве Банка в общей сложности на 18 трлн вон (около 0,9% ВВП) и снизил процентную ставку до 0,25% (с 0,5–0,75%).

24 марта 2020 г. президент Мун объявил о плане финансовой стабилизации в размере 100 трлн вон (5,3% ВВП). Его основными элементами являются:

1) расширенное кредитование как государственных, так и коммерческих банков МСП, мелких торговцев, средних фирм и крупных компаний (последние на индивидуальной основе), включая экстренное кредитование, частичное и полное гарантии и обеспечение кредитных обязательств;

2) фонд стабилизации рынка облигаций для приобретения корпоративных облигаций, коммерческих бумаг и финансовых облигаций;

3) финансирование государственными финансовыми учреждениями выпуска корпоративных облигаций через обеспеченные облигационные обязательства и прямые покупки облигаций;

4) краткосрочное финансирование на денежном рынке через ссуды для финансирования акций, покупки РЕПО и поддержку рефинансирования государственными финансовыми учреждениями Банком Кореи;

5) фонд стабилизации фондового рынка, финансируемый финансовыми холдинговыми компаниями, ведущими финансовыми компаниями и другими соответствующими учреждениями.

22 апреля 2020 г. были объявлены дополнительные меры на общую сумму 25 трлн вон (1,3% ВВП), в основном за счет создания специального механизма для покупки корпоративных облигаций и коммерческих бумаг (10 трлн вон) и дополнительных средств для кредитования малого и среднего бизнеса (10 трлн вон). Было объявлено также о финансовой поддержке экспортеров и отдельных отраслей. Еще 8 апреля был объявлен пакет мер на общую сумму 36 трлн вон (1,9% ВВП), направленных на ослабление финансовых



ограничений для экспортеров, включая увеличение суммы и срока погашения торговых кредитов и расширение торгового страхования. 22 апреля президент Мун объявил, что основной стабилизационный фонд отрасли будет создан в размере 40 трлн вон (2,1% ВВП) и будет управляться Корейским банком развития для поддержки семи ключевых отраслей: авиаперевозки, судоходство, судостроения, автомобилестроения, общего машиностроения, электроэнергетики и отрасли коммуникаций. Средства будут привлечены за счет выпуска гарантированных государством облигаций и взносов частных средств. Поддержка будет предоставлена в виде кредитов, гарантий оплаты и инвестиций. В качестве условий для получения поддержки компании должны будут поддерживать занятость, ограничивать вознаграждение руководителей, дивиденды и другие выплаты, а также делиться выгодами от нормализации бизнеса в будущем.

Другие меры, принятые в отношении стабильности финансового рынка, включают расширение операций РЕПО с Банком Кореи для небанковских организаций, создание программы кредитования Банка Кореи для небанковских организаций с корпоративными облигациями в качестве обеспечения, временный запрет короткой продажи акций на фондовых рынках, временное смягчение мер правил обратного выкупа акций и временного смягчения соотношения кредитов к депозитам для банков и других финансовых учреждений, а также коэффициента покрытия ликвидности в национальной валюте для банков.

### **Валютная политика**

Банк Кореи открыл двусторонний своп с Федеральной резервной системой США на 60 млрд долл. США. Другие меры, принятые для содействия финансированию в иностранной валюте, включают:

1) повышение верхнего предела по валютным форвардным позициям до 50% капитала для отечественных банков (ранее 40%) и 250% для банков с иностранным капиталом (было 200%);

2) временное прекращение действия налога в размере 0,1% по краткосрочным бездепозитным валютным обязательствам финансовых организаций; и

3) временное снижение минимального коэффициента покрытия валютной ликвидности для банков до 70% (было 80%). Банк Корея также создал механизм, позволяющий как банкам, так и небанковским финансовым учреждениям участвовать в операциях РЕПО для получения иностранной валюты от Банка Кореи, которые могут быть активированы, когда того потребуют рыночные условия.

## **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОРЕЙСКОМ НОВОМ КУРСЕ**

Правительство объявило об обновлении Корейского нового курса (Korean New Deal 2.0) 14 июля 2021 г. [20, р. 43–44], через год после введения первоначального плана. Корейский новый курс, благодаря инвестициям и совершенствованию нормативно-правовой базы, ускорял введение практики удаленной работы и образования, продвигал низкоуглеродное и экологически чистое производство, был направлен на переход к зеленой и цифровой экономике. Почему потребовалось обновление? С момента внедрения стратегии произошло много внутренних и внешних изменений. Кроме всего, обычным людям еще предстоит избавиться от негативного воздействия и последствий пандемии. Какие это последствия и проблемы? 1) Трансформация классической формы образования. 2) Увеличение разрыва в доходах между домохозяйствами, что сказывается на качестве ухода за детьми и уровне жизни. 3) Рост беспокойства среди молодых людей по поводу работы, доходов и жилья. 4) Ускоренный рост спроса на рабочую силу в новых отраслях, таких как программное обеспечение, по мере перехода к цифровой и зеленой экономике, что требует систематической поддержки реструктуризации бизнеса, а также масштабной последующей мобильности рабочей силы.

Внешним важным фактором долгосрочного развития Республики Корея является проблема углеродной нейтральности, и прави-

тельство воспользуется возможностями решения этой проблемы в качестве развития новых двигателей зеленого роста.

Корейский Новый курс 2.0 и его задачи:

– Разработка оригинальных программ работы и социального обеспечения для Human New Deal, усиленные улучшенными инвестициями в развитие человеческих ресурсов, включая программы, помогающие преодолеть разрыв.

– Обновление цифрового и зеленого нового курса с добавлением новых программ и расширением первоначальных.

– Увеличение бюджетных инвестиций, запланированных до 2025 г., со 160 трлн вон до 220 трлн вон.

– Создание в общей сложности 600 тыс. дополнительных рабочих мест к 1,9 млн рабочих мест, которые планировались в рамках первоначального плана.

Планы правительства на 2021–2022 гг.: 1) Включить в бюджетное предложение на 2022 г. бюджеты на сумму более 30 трлн вон для финансирования Корейского нового курса 2.0. 2) Объявить в июле 2021 г. планы действий по комплексному пакету по сфере образования и поддержке молодежи. 3) Разработать детали мер для поддержки реструктуризации бизнеса и реформирования рынка труда, которые направлены на содействие переходу к цифровой и углеродно-нейтральной экономике. 4) Разработать меры для поощрения малых предприятий к открытию нового бизнеса и повторным попыткам его запуска после неудач.

Хотя в первой половине 2021 г. корейская экономика продемонстрировала быстрое восстановление, и эта динамика, вероятно, сохранится до конца года, ей придется иметь дело с дисбалансами, возникающими во время восстановления и постпандемической реструктуризации во второй половине 2021 г. При высоких показателях экспорта и инвестиций ожидается, что занятость и внутреннее потребление будут расти относительно медленными темпами, что ограничит восстановление доходов домашних хозяйств. Кроме того, существует вероятность того, что экономике будут препятствовать такие факторы, сопровождающие восстановление, как рост инфляции и последствия резкого роста цен на активы.

Во второй половине 2021 г. корейская экономика, по всей вероятности, неизбежно столкнется с более долгосрочными и глобальными проблемами. Поскольку во всем мире ожидается постпандемическая реструктуризация, которая может полностью изменить образ жизни – от работы и ведения бизнеса до управления повседневной жизнью, экономика должна быть готова к таким вызовам с помощью промышленных инноваций и новых двигателей роста. Республика Корея должна быть хорошо подготовлена к новому мировому порядку, чтобы ее экспорт и предприятия были востребованы на мировом рынке. Что касается демографических проблем, связанных с резким падением рождаемости, стране необходимо найти правильные решения, чтобы сохранить свой потенциал роста. На этом фоне была составлена экономическая политика второй половины 2021 г.

#### **Прогноз правительства на 2021 г.**

Ожидается достижение ежегодного темпа прироста ВВП в 4,2%. При высоких показателях экспорта правительство будет работать над увеличением частных расходов, особенно на местном рынке. По уровню занятости ожидается, что в экономике появится 250 тыс. рабочих мест, что более чем компенсирует прошлогодний спад занятых на 220 тыс. чел. По уровню инфляции прогнозируется, что годовая инфляция потребительских цен составит 1,8%, ситуация с предложением улучшится, а ценовая политика сместится в сторону сдерживания инфляции. Сальдо счета текущих операций: ожидается, что профицит счета текущих операций увеличится до 77,0 млрд долл. при сохранении положительного сальдо счета товаров и улучшении баланса услуг.

#### **Прогноз правительства на 2022 г.**

Ожидается достижение ежегодного темпа прироста ВВП в 3,0% на фоне отложенного спроса, а также роста экспорта из-за восстановления развивающихся рынков. По уровню занятости ожидается, что в общей сложности будет добавлено 250 тыс. рабочих мест, несмотря на сокращение населения трудоспособного возраста,

благодаря росту сектора услуг. По инфляции ожидается, что потребительские цены вырастут на 1,4%, давление со стороны предложения снизится.

### **Конструкция экономической политики 3+2 на второе полугодие 2021 г.**

Правительство поставило задачи по достижению цели 3+2 на вторую половину 2021 г.: три направлены на то, чтобы помочь экономике полностью оправиться от пандемии, а две другие – на реструктуризацию экономики в будущем [16, р. 35–41]. Эта конструкция 3+2 выглядит следующим образом.

#### ***Три направления для поддержки ускоренного роста***

*Первое: быстрое и сильное восстановление.*

Правительство будет поддерживать экспансионистскую макроэкономическую политику, чтобы помочь ВВП вырасти более чем на 4% в 2021 г., используя конкретные меры, такие как меры по увеличению внутреннего потребления, инвестиций и экспорта.

1. Работать над тем, чтобы пандемия больше не влияла на экономику.

– Сохранять экспансионистскую налогово-бюджетную политику, включая второй дополнительный бюджет 2021 г., чтобы помочь добиться устойчивого и инклюзивного роста.

– Проводить мягкую денежно-кредитную политику, обращая внимание на риск финансового дисбаланса.

– Работать над упорядоченным прекращением поддержки в связи с пандемией, включая предоставление льготного периода или продления, продолжить покупку корпоративных облигаций до конца 2021 г. и расширить ссуды для домохозяйств с низкими доходами до 2,0 трлн вон.

– Ускорить внедрения вакцины против COVID-19.

– Составить планы по содействию разработке и производству вакцины против COVID-19.

2. Увеличить потребление домохозяйств.

– Поощрять расходы на культуру и досуг, чтобы помочь секторам, пострадавшим от пандемии, воспользоваться отложенным

спросом, например, с помощью купонов, ваучеров и подарочных сертификатов.

- Продвигать Korea Sales Festa и планировать другие общенациональные мероприятия по продажам для малого бизнеса.

- Продолжать оказывать три фискальных меры поддержки для увеличения расходов: удержание подоходного налога на дополнительные расходы, снижение налога на покупку автомобилей в размере 30%, возврат до 300 тыс. вон при покупке энергоэффективной бытовой техники.

- Продвигать туризм: использовать пакет услуг для путешествий в сфере международного туризма и предоставлять скидки на общественный транспорт для местного туризма.

### 3. Содействовать корпоративным инвестициям.

- Работать над улучшением взаимодействия с отраслями, составлять отраслевые планы и продолжать корпоративный инвестиционный проект на 110 трлн вон.

- Увеличить налоговую и финансовую поддержку и другие стимулы для поощрения инвестиций в стратегические технологии, такие как полупроводники, аккумуляторные батареи и вакцины, а также запуск пакета мер поддержки на сумму более 2 трлн вон.

- Расширить поддержку рещоринга (возвращение производства из-за рубежа).

- Содействовать развитию новых технологий или инновационных предприятий, снижая институциональные барьеры.

### 4. Содействовать экспорту для превышения уровня в 600 млрд долл. США в год.

- Помощь в решении проблемы нехватки транспортных контейнеров, например, путем предоставления дополнительных возможностей доставки и отгрузочных ваучеров.

- Увеличение экспортного финансирования, включая 125 трлн вон, запланированных на вторую половину 2021 г., и продление гарантий, предоставляемых государственными финансовыми учреждениями.

- Содействие корпоративному участию в зарубежных проектах, например, через EDCF (Korea Economic Development

Co-operation Fund) и другое международное сотрудничество в области финансирования развития.

5. Содействовать развитию местной экономики.

– Запуск пакетов поддержки для регионов, пораженных пандемией.

– Работа над местным развитием в рамках программ Корейского нового курса, в том числе под руководством местных органов власти.

– Расширение зон, свободных от регулирования.

6. Повышение эффективности управления рисками.

– Поддержание прироста долга домохозяйств под контролем на уровне 5–6% в год и введение программы кредитования под низкую процентную ставку для лиц с низким доходом.

– Работа над стабилизацией цен на жилье за счет увеличения предложения и поддержки неспекулятивных покупок с точки зрения налогов и финансирования.

– Готовность к росту инфляции и изменениям денежно-кредитной политики в крупных странах.

*Второе: помощь в восстановлении домохозяйств.*

Правительство будет работать над тем, чтобы восстановление ощущалось работающими членами домохозяйств, например, через поддержку занятости и малого бизнеса, меры по стабилизации потребительских цен.

1. Содействие созданию и сохранению рабочих мест с помощью налогово-бюджетных программ.

– Поддержка создания 150 тыс. рабочих мест в высокотехнологичных областях, таких как искусственный интеллект и программное обеспечение, а также в секторах услуг и досуга, пострадавший от пандемии, с упором на молодых людей.

– Работа над повышением эффективности текущих программ поддержки занятости.

2. Помощь малому бизнесу и предприятиям в их усилиях по восстановлению.

– Предоставить дополнительный пакет поддержки, который будет финансироваться из второго дополнительного бюджета.

– Расширить поддержку для тех, кто хочет закрыть бизнес или повторить попытку после неудачи, включая новые права арендатора на расторжение договоров аренды, если на бизнес распространяется социальное дистанцирование более чем на три месяца.

– Расширить вычет потерь 2021 г. по налогу на прибыль, включив в него 2019 г. в дополнение к доступному в 2020 г. малым предприятиям.

– Ввести «общественный краудфандинг», при котором желающие инвестируют в местный бизнес.

3. Подготовка к росту инфляции для того, чтобы помочь работающим членам домохозяйств.

– Избежать давления со стороны предложения, особенно в отношении цен на свежие продукты и сталь.

– Увеличить компенсацию расходов на свежие продукты и поддержку расходов на жилье и связь.

*Третье: инклюзивное восстановление.*

Правительство поможет экономике оправиться от последствий пандемии, предоставив отраслевую поддержку и укрепление сетей социальной защиты, включая гарантии занятости.

1. Поддержка молодых людей и лиц с низкими доходами.

– Предоставить молодежи пакет поддержки, который охватывает рабочие места, жилье и создание активов.

– Работать над сокращением разрыва в доходах, образовании и уходе за детьми, например, помогая матерям с повторным трудоустройством, введение поддержки художников с низким доходом, составление планов, чтобы помочь сократить разрыв в образовании, который усугубился на фоне пандемии и расширения услуг дневного ухода.

2. Укрепление системы социальной защиты, включая гарантии занятости.

– Работать над достижением целей Корейского нового курса по обеспечению занятости и системам социальной защиты, которые включают страхование занятости для всех граждан и расширенное пособие по безработице.



– Усилить текущие программы социального обеспечения, такие как базовая поддержка средств к существованию, поддержка при пандемии для домохозяйств с низкими доходами, компенсация расходов на электроэнергию и медицинская поддержка.

– Расширять ссуды, доступные малообеспеченным работникам.

3. Содействовать обмену информацией и добросовестным деловым практикам.

– Поощрение благотворительности.

– Защита малых предприятий: работа по предотвращению воровства технологий и обеспечению оплаты за предоставленные товары и услуги.

***Два направления, обеспечивающие реструктуризацию экономики в будущем***

*Первое: поиск и поддержка новых двигателей роста*

Правительство будет работать над ускорением реализации проектов Корейского нового курса, помогать в разработке новых двигателей роста и продвигать инновации и венчурные предприятия.

1. Работа над ускорением реализации проектов Корейского нового курса.

– Инвестирование в общей сложности 22,5 трлн вон в течение 2021 г. в 10 крупных проектов Корейского нового курса, например, связанных с большими данными, чистой энергией и мобильностью.

– Реформа в законодательной сфере, касающаяся ввода новых предприятий, включая внесение 10 законопроектов о новом курсе в закон.

– Содействие частному финансированию проектов нового курса, например, за счет расширенных налоговых льгот и государственной бюджетной поддержке более 17,5 трлн вон в 2021 г.)

2. Поддержка двигателей будущего роста

– Обеспечить сильную финансовую и налоговую поддержку BIG3 (системы на чипах, биологическое здоровье и автомобили будущего), включая налоговые льготы при покупке экологически чистых автомобилей и поддержку НИОКР для разработки полупровод-

ников для автомобилей, продвигать проекты батарей следующего поколения, поддерживать проекты, позволяющие достичь независимость от производителей вакцины.

– Содействовать развитию новых предприятий на основе DNA (данных, сетей и искусственный интеллект) и инновационных услуг, таких как использование больших данных в медицинских исследованиях, пересмотр закона о защите персональных данных для содействия цифровой экономике.

– Поддерживать пять секторов со «светлым» будущим: облачные вычисления, блокчейны, интеллектуальные роботы, здравоохранение и метавселенная.

3. Содействовать инновациям в основных производственных и вспомогательных службах будущего.

– Составить план «углеродной нейтральности в производстве» для ускорения роста экологически чистых производств.

– Продолжать политику «высокотехнологичных производственных материалов, запчастей и оборудования», направленную на создание стабильной цепочки поставок в национальном хозяйстве.

– Развивать модели «на один шаг вперед», создание руководства, которое поможет разрешить конфликты между новыми и существующими предприятиями при внедрении новых услуг, а также работа над принятием Рамочного закона о развитии услуг.

– Поощрять развитие индустрии контента, включая игры и культурный контент.

4. Продолжать продвижение предприятий.

– Разрешить корпоративный венчурный капитал и множественные права голоса, а также укрепить правительственные программы поддержки венчурного капитала, такие как фонды расширения и поощрения зарубежной деловой активности, которые будут финансироваться из второго дополнительного бюджета 2021 г.

– Разработать меры поддержки высокотехнологичного венчурного предприятия, от правомочности до процедур получения.

5. Развитие квалифицированных человеческих ресурсов.

– Оценить среднесрочный и долгосрочный спрос на высокотехнологичную рабочую силу, например, специалистов по про-

граммному обеспечению и специалистов по полупроводникам, и предоставить поддержку в соответствии с оценкой.

– Создать высокотехнологичную систему управления человеческими ресурсами, в которой можно будет получить доступ к информации о рабочей силе, в соответствии с которой могут быть разработаны программы обучения.

– Поощрять сотрудничество между отраслями и университетами

*Второе: подготовка к изменениям в будущем*

Правительство будет работать над достижением углеродной нейтральности к 2050 г., помогать в реструктуризации корпоративного бизнеса, готовиться к демографическим изменениям и работать над реструктуризацией рынка труда и бюджетной реструктуризацией.

1. Работа по переходу к низкоуглеродной экономике.

– Работа над достижением чистого нуля по выбросам к 2050 г. путем составления рамочных стратегий для достижения цели и создания правовой основы.

– Составление руководящих принципов ESG страны, создание информационной платформы ESG и обеспечение стимулов для предприятий с хорошими оценками ESG.

– Поощрение использования экологически чистых источников энергии, например, ускорение реализации проектов ветроэнергетики, продвижение корпоративного использования возобновляемых источников энергии и электромобилей, а также работа в области водородной экономики.

– Подготовка к корректировке границ выбросов углерода, например, с помощью системы цен на выбросы углерода.

2. Помощь в реструктуризации корпоративного бизнеса.

– Содействие партнерству в сфере реструктуризации государственного и частного бизнеса.

– Создание фонда реструктуризации бизнеса на сумму 50 млрд вон, а также программ помощи в реструктуризации бизнеса.

– Расширение размеров M&A фондов до 0,2 трлн вон, а также налоговые льготы.

– Работа над предложением надлежащей рабочей силы, например, путем переподготовки, поскольку реструктуризация приводит к изменениям спроса на рабочую силу

3. Работа над решением демографических проблем.

– Ввести пять пакетов для увеличения рождаемости, включая оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и государственные детские сады.

– Подготовка к старению населения, например, развитие рынков труда для пожилых людей и содействие занятости пожилых людей.

4. Работа над переходом к более устойчивой экономике.

– Реформирование сектора труда – помощь в реализации 52-часовой рабочей недели, а также в разработке руководящих принципов максимальной заработной платы для государственного сектора.

– Повышение эффективности бюджетных расходов путем объединения похожих проектов и увеличения закупок инновационных продуктов.

– Улучшение управления государственными учреждениями путем оценки их показателей социальной ответственности и повышения стандартов финансовой устойчивости.

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Таким образом, можно положительно оценить предпринятые и принимаемые меры правительством Республики Корея для элиминации шоков пандемии COVID-19 в стране. Своевременные меры фискальной политики в рамках дополнительных бюджетов 2020–2021 гг. и денежно-кредитной политики Банка Кореи, в целом, привели к возвращению корейской экономики в первой половине 2021 г. на траекторию развития с положительными темпами роста (порядка 2–4 % в год), которые ожидается достичь и в среднесрочной периоде. Для дополнительного импульса качественному экономическому развитию правительством страны также приняты институциональные изменения в Корейском новом курсе (и превращения

его в версию 2.0) по трем основным направлениям: цифровой новый курс, зеленый новый курс и развитие человеческого капитала. Также правительство поставило задачи по достижению целей в конструкции 3+2 на вторую половину 2021 г.: три направлены на то, чтобы помочь экономике полностью оправиться от пандемии, а две другие – на реструктуризацию экономики в будущем.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов К.В.* Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 40–52.

2. All about Korea's Response to COVID-19. Government of the Republic of Korea. 2020. 240 p. URL: [https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m\\_22591/view.do?seq=35&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi\\_itm\\_seq=0&itm\\_seq\\_1=0&itm\\_seq\\_2=0&company\\_cd=&company\\_nm=&page=1&titleNm=](https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_22591/view.do?seq=35&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm=) (дата обращения: сентябрь 2021).

3. Assessment of COVID-19 Response in the Republic of Korea / ADB. 2021. 74 p. URL: <https://doi.org/10.22617/TCS210133-2> (дата обращения: июль 2021).

4 Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19 / Edited by L.G. Scott, E.J. King, E. Massard da Fonseca, A. Peralta-Santos. University of Michigan Press, 2021. <https://doi.org/10.3998/mpub.11927713> (дата обращения: июль 2021).

5. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии. М.: НИУ ВШЭ. 2020. 72 с. URL: [https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19\\_stimulus%20packages\\_countries260420.pdf](https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries260420.pdf) (дата обращения: август 2021).

6. *Рензин О.М., Кучук В.В.* Трансформация институционального инструментария в странах Северо-Восточной Азии: Южная Корея // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15>

7. A UN Framework for the Immediate Socio-Economic Response to COVID-19 / United Nations. 2020. 49 p. URL: [www.icvanetwork.org/](http://www.icvanetwork.org/)

system/files/versions/UN-Framework-for-the-immediate-socio-economic-response-to-COVID-19-2.pdf (дата обращения: июль 2021).

8. ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Fifth Edition / International Labor Organization. 2020. 22 p. URL: [www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms\\_749399.pdf](http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_749399.pdf) (дата обращения: август 2021).

9. The Republic of Korea's Coronavirus Disease Pandemic Response and Health System Preparedness / ADB. 2021. 66 p. <https://doi.org/10.22617/TCS210332-2>

10. Mountains after Mountains: Korea is Containing COVID-19 and Looking Ahead. URL: [www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/29/na042921-mountains-after-mountains-korea-is-containing-covid-19-and-looking-ahead](http://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/29/na042921-mountains-after-mountains-korea-is-containing-covid-19-and-looking-ahead) (дата обращения: сентябрь 2021).

11. *Агабеков С.И., Левина Е.А.* Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи // ЭКО. 2017. № 3. С. 134–146.

12. *Кукла М.П.* Республика Корея: на пути к креативной экономике // Азия и Африка сегодня. 2016. № 9. С. 27–32.

13. Global Economic Prospects. June 2020. Washington: World Bank Group, 2020. 218 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748> (дата обращения: август 2021).

14. Korea's Growth Prospects: Overcoming Demographics and COVID-19 / IMF. Working Paper WP/21/92. 2021. 36 p.

15. Managing Divergent Recoveries. World Economic Outlook / International Monetary Fund. Washington, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (дата обращения: август 2021).

16. Fault Lines Widen in the Global Recovery. World Economic Outlook / International Monetary Fund. 2021. URL: [www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021](http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021) (дата обращения 17.09.2021 г.).

17. Republic of Korea Economic Bulletin. 2021. Vol. 43. No.8. 64 p.

18. Fiscal Monitor Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic. URL: [www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/~media/Files/Topics/COVID/FM-Database/july-2021-country-fiscal-measures-database-publication-v2.ashx](http://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/~media/Files/Topics/COVID/FM-Database/july-2021-country-fiscal-measures-database-publication-v2.ashx) (дата обращения: август 2021).

19. Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. 2020. URL: <https://city2city.network/korean-new-deal-national-strategy-great-transformation> (дата обращения: август 2021).

20. Republic of Korea Economic Bulletin. 2021. Vol. 43. No. 7. 68 p.

## **ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЭКОНОМИКУ ЯПОНИИ**

*Дёмина Я.В.*

*Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Россия*

*Мазитова М.Г.*

*Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Россия*

*Аннотация.* Япония, как и остальной мир, полтора года борется с последствиями пандемии. Число случаев заражения в мире превысило 250 млн, в Японии – 1,7 млн. К настоящему моменту в стране были зафиксированы 5 волн COVID-19. Для борьбы с последствиями пандемии властями Японии были приняты беспрецедентные меры. Так, в течение 2020 г. власти Японии одобрили четыре пакета ответных мер против COVID-19 на общую сумму 191,1 трлн иен (35,9% ВВП Японии за 2020 г.). В 2021 г. были приняты еще два пакета мер экономического стимулирования (более 0,5 и 30 трлн иен). Для финансирования указанных пакетов чрезвычайных мер ведется массированный выпуск государственных облигаций, что влечет за собой увеличение государственного долга, размер которого и так огромен (254,1% ВВП по итогам 2020 г.). В будущем такая политика может привести к угрозе дефолта, если в стране не будут проведены структурные реформы (цифровизация и отказ от углеродного топлива).

*Ключевые слова:* пандемия COVID-19, коронавирус, последствия пандемии, экономическая политика, меры государственной поддержки, внешняя торговля, Япония.

# COVID-19 PANDEMIC: IMPACT ON THE JAPAN'S ECONOMY

*Dyomina Ya.V.*

*Economic Research Institute FEB RAS  
Khabarovsk, Russia*

*Mazitova M.G.*

*Economic Research Institute FEB RAS  
Khabarovsk, Russia*

*Abstract.* Now Japan like the rest of the world is struggling with the consequences of the COVID-19 pandemic. Cumulative cases of infection in the world exceeded 250 million, in Japan – 1.7 million. To date, the country had 5 COVID-19 waves. To neutralize the pandemic consequences Japanese authorities have taken unprecedented measures. So, during 2020, the government approved four packages of measures against the COVID-19 pandemic. Its total cost exceeded 191 trillion yen (35.9% of Japan's GDP in 2020). In 2021, Japanese authorities adopted two more packages of economic stimulus measures (worth over 0.5 and 30 trillion yen). To finance these emergency packages, there is a massive issue of government bonds which increases the already enormous size of public debt (254.1% of GDP by the end of 2020). In the future, such a policy may lead to default if the authorities cannot carry out structural reforms (digitalization and carbon-free technologies).

*Keywords:* COVID-19 pandemic, coronavirus, pandemic consequences, economic policy, government support measures, foreign trade, Japan.

## ВВЕДЕНИЕ

Вирус SARS-CoV-2 (COVID-19) начал активно распространяться по миру после вспышки этого заболевания в г. Ухань (КНР)



в декабре 2019 г. В настоящее время по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в мире выявлено более 254,8 млн<sup>1</sup> случаев заражения коронавирусом (лидируют США с 47 млн случаев); из них в Японии – более 1,7 млн (29-е место в мире)<sup>2</sup>. В результате пандемии правительства многих стран были вынуждены закрыть границы и ввести ограничения на функционирование многих сфер экономической деятельности.

Япония не стала исключением. Так, власти страны ввели ограничения на въезд иностранцев из 159 государств<sup>3</sup> (запрет действует в отношении лиц, посетивших территории, затронутые COVID-19, в течение последних 14 дней). Олимпийские игры 2020 г. в Токио были перенесены на 23 июля – 8 августа 2021 г. и прошли без зрителей.

С апреля 2020 г. по ноябрь 2021 г. в Японии наблюдалось 5 «волн»<sup>4</sup> COVID-19, которым соответствовали периоды введения режима чрезвычайного положения (ЧП). Впервые режим ЧП был объявлен 7 апреля 2020 г. в 7 префектурах (Токио, Сайтама, Канагава, Тиба, Осака, Хёго и Фукуока), 16 апреля он был введен на всей территории страны. С 1 октября 2021 г. правительство страны впервые полностью отменило чрезвычайные или особые меры в связи с пандемией<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard / World Health Organization. URL: <https://covid19.who.int/table> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>2</sup> По состоянию на 19 ноября 2021 г.

<sup>3</sup> Border Enforcement Measures to Prevent the Spread of Novel Coronavirus (COVID-19) / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2021, 2 August. URL: [https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e\\_001053.html](https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html) (дата обращения: август 2021).

<sup>4</sup> Новый премьер-министр Японии Кисида Фумио стоит перед проблемой борьбы с шестой волной COVID-19 // Nippon.com. 2021. 7 октября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021100400947/> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>5</sup> В Японии отменяют связанное с коронавирусом чрезвычайное положение // Nippon.com. 2021. 1 октября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021093001109/> (дата обращения: ноябрь 2021).

Что касается международных поездок, то с 19 марта 2021 г. все путешественники, включая граждан Японии, при въезде в страну должны представить сертификат об отрицательном результате теста на коронавирус, проведенного за 72 часа до времени вылета (рейса)<sup>1</sup>. Тем, кто не представит справку об отрицательном результате теста, будет отказано во въезде в Японию в соответствии с Законом о карантине. Авиакомпании будут отказывать в посадке тем, у кого ее нет.

В период действия режима ЧП ограничения касались работы образовательных и общественных учреждений, караоке-залов и ресторанов, где продают алкоголь, посещения крупных мероприятий и других мест скопления людей. Часть компаний перевели сотрудников на дистанционный формат работы [1, с. 60–62].

Стоит отметить, что удаленный режим работы в японских компаниях практиковался и до пандемии и в основном был связан с необходимостью ухода за больными родственниками либо заботой о детях. Однако если в марте 2020 г. (до введения первого режима ЧП) дистанционный формат работы использовали только 17,6% предприятий, то уже в мае-июне 2020 г. (после введения режима ЧП) этот показатель достиг максимума в 56,4%. Далее он постепенно снижался, составив в марте 2021 г. около 40%<sup>2</sup>.

Невысокая доля сотрудников, работающих удаленно, объясняется отсутствием компьютерного и телекоммуникационного оборудования (Япония отстает от прочих развитых стран в области цифровизации рабочего процесса и использования информационно-коммуникационных технологий) и правил для дистанционной работы, а также сложностями в общении с коллегами и деловыми парт-

---

<sup>1</sup> Border Enforcement Measures to Prevent the Spread of Novel Coronavirus (COVID-19) / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2021, 2 August. URL: [https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e\\_001053.html](https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html) (дата обращения: август 2021).

<sup>2</sup> Внедрение удаленной работы: на пике в мае 2020 г. – 56,4% предприятий, в среднем и малом бизнесе наблюдается тенденция к сокращению этого типа работы // Nippon.com. 2021. 12 сентября. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01104/> (дата обращения: ноябрь 2021).

нерами на расстоянии (немногие работники выполняют нестандартные и интеллектуальные задачи и готовы взять на себя ответственность за принятие решений) [2].

В качестве одной из мер борьбы с пандемией власти страны также приняли решение о вакцинации граждан (проходит поэтапно для разных групп населения с февраля 2021 г.). По состоянию на 16 ноября 2021 г. две дозы вакцины получило 75,5% жителей, что делает Японию лидером среди стран G7 (неформальная международная организация, объединяющая Великобританию, Германию, Италию, Канаду, Францию, Японию и США)<sup>1</sup>.

В настоящее время в Японии применяются три вакцины компаний Pfizer Inc., Moderna Inc. и AstraZeneca PLC. Планы по вакцинации населения страны были частично сорваны вследствие проблем с тремя партиями американской вакцины Moderna, произведенной на заводе в Испании. В общей сложности 1,63 млн доз вакцины были отозваны, так как в них были обнаружены инородные примеси. Указанная вакцина поставлялась в 863 пункта вакцинации по всей стране<sup>2</sup>. Вакцины японских фармацевтических компаний пока проходят клинические испытания, их одобрение планируется получить весной 2022 г.<sup>3</sup>

## **МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПАНДЕМИИ**

Увеличение бюджетных расходов для поддержки населения и бизнеса, а также разработка планов долгосрочного развития – ключ-

---

<sup>1</sup> Япония лидирует в G-7 по вакцинации от COVID-19 // Nippon.com. 2021. 17 ноября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021111600960/> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>2</sup> Metal Substance Tainted Moderna Jabs, Dealing Setback to Rollout // The Asahi Shimbun. 2021. 27 August. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14427323> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>3</sup> В Японии 2 октября начнутся клинические испытания первой в мире вакцины от COVID-19 с использованием только растительных материалов // Nippon.com. 2021. 1 октября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/fnn20211001247134/> (дата обращения: ноябрь 2021).

чаявая тенденция среди мер правительств разных стран по борьбе с последствиями пандемии. Для экономической политики Японии последних лет («абэномики») характерны масштабные меры налогового и бюджетного стимулирования, в том числе в отраслях, страдающих от стихийных бедствий. В этом смысле меры поддержки бизнеса и граждан в условиях распространения коронавируса и действия ограничительных мер можно назвать «традиционными» для японского правительства, однако, как отмечают многие, их объем беспрецедентен.

Всего в течение 2020 г. власти Японии одобрили четыре пакета ответных мер против COVID-19 на общую сумму 191,1 трлн иен (35,9% ВВП Японии за 2020 г.)<sup>1</sup>. Первый пакет от 13 февраля был одобрен в размере 15,3 млрд иен, второй (от 10 марта) – 430 млрд иен, третий (от 7 апреля) – 117,1 трлн иен и четвертый (от 8 декабря) – 73,6 трлн иен.

Указанные пакеты мер помимо прямой борьбы с распространением коронавируса (строительство лечебных учреждений, закупка и распределение медицинских масок среди населения и проч.) были также направлены на поддержку домашних хозяйств и бизнеса (денежные выплаты каждому резиденту Японии и пострадавшим фирмам, льготные кредиты, отсрочка налоговых платежей и взносов на социальное обеспечение и проч.), а также на восстановление и развитие экономики после пандемии (инвестиции в цифровизацию и зеленые технологии и др.)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Рассчитано по: Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии / общ. ред. О.В. Синявской. URL: [https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19\\_stimulus%20packages\\_countries\\_260420.pdf](https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries_260420.pdf) (дата обращения: октябрь 2021); Policy Responses to COVID-19. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#J> (дата обращения: август 2021); UNCTAD Stat Data Center. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx> (дата обращения: октябрь 2021).

<sup>2</sup> Подробнее см. [1, с. 64–65].

Рекордные по величине пакеты мер (для сравнения: во время мирового финансового кризиса пакет экстренных мер был одобрен в размере 56,8 трлн иен<sup>1</sup>) привели к принятию трех дополнительных бюджетов на 2020 финансовый год<sup>2</sup> (от 30 апреля, 12 июня и 15 декабря). В итоге это привело к колоссальной величине заимствований (их сумма увеличилась с 32,6 до 112,5 трлн иен или 64,1% в годовых поступлениях)<sup>3</sup>.

В марте 2021 г. были приняты новые меры по финансовой поддержке домохозяйств с низким доходом: на каждого ребенка было выплачено по 50 тыс. иен; некоммерческим организациям, предоставляющим бесплатное питание нуждающимся детям, были расширены правительственные субсидии. Для финансирования указанных мер власти Японии использовали резервные фонды (более 500 млрд иен<sup>4</sup>).

В ноябре 2021 г. был принят новый пакет мер экономического стимулирования (более 30 трлн иен)<sup>5</sup>, направленный на восстановление японской экономики после пандемии. Средства будут направлены на выплату пособий в размере 100 тыс. иен лицам в возрасте 18 лет и младше, а также нуждающимся домохозяйствам, бонусы для владельцев карточек социального обеспечения и налоговых удостоверений My Number. Экономические меры также будут

---

<sup>1</sup> COVID-19: Japan Unveils \$990B Package to Support Economy / Anadolu agency. 2020, 4 April. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/covid-19-japan-unveils-990b-package-to-support-economy/1795756> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>2</sup> Финансовый год в Японии длится с 1 апреля по 31 марта.

<sup>3</sup> Подробнее см. [1, с. 64–65].

<sup>4</sup> В Японии готовят новые меры поддержки нуждающихся // Nippon.com. 2021. 17 марта. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021031600178/> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>5</sup> В Японии обсуждают план использования 30 трлн иен на стимулирование экономики // Nippon.com. 2021. 10 ноября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021110901022/> (дата обращения: ноябрь 2021); В Японии объем расходов на стимулирование экономики достигнет рекордной цифры // Nippon.com. 2021. 19 ноября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021111800906/> (дата обращения: ноябрь 2021).

включать повышение заработной платы медсестер, нянь и воспитателей, расширение налоговых льгот для компаний, которые повышают заработную плату сотрудников. Будет создан фонд для поддержки строительства заводов по производству полупроводников в Японии.

На фоне мер экономического стимулирования, принимаемых правительством страны, Банк Японии в период пандемии продолжает проводить сверхмягкую денежно-кредитную политику, поддерживая нулевые ставки (краткосрочные процентные ставки на уровне  $-0,1\%$ , 10-летние государственные облигации на уровне около  $0\%$ ). Программу корпоративного кредитования (фактически беспроцентные необеспеченные займы) было решено продлить до марта 2022 г. В отличие от 2020 г. в текущем финансовом году приоритет отдается не малому бизнесу, пострадавшему от последствий COVID-19, а компаниям, направляющим средства на решение проблемы изменения климата [3].

Массированный выпуск государственных облигаций для финансирования пакетов чрезвычайных мер вызывает беспокойство многих экономистов, так как влечет за собой увеличение государственного долга, размер которого и так беспрецедентен ( $254,1\%$  ВВП по итогам 2020 г.; в период мирового финансового кризиса в 2008 г. его величина была  $180,7\%$  ВВП Японии<sup>1</sup>).

Перекалывание долгов на будущие поколения в условиях старения и сокращения численности населения страны становится серьезной проблемой. В Японии доля пожилых людей (в возрасте 65 лет и старше) в общей численности населения страны растет с 1950 г. В настоящее время она достигла рекорда в  $29,1\%$  (36,4 млн человек), что является самым высоким показателем среди всех государств – членов ООН. Например, в Италии, находящейся на вто-

---

<sup>1</sup> World Economic Outlook Database. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October> (дата обращения: октябрь 2021).

ром месте, доля пожилых людей составляет 23,6% (14,3 млн человек)<sup>1</sup>.

Кроме того, эффект от пакетов чрезвычайных мер неоднозначен. Так, правительственная программа единовременных выплат резидентам Японии (100 тыс. иен на каждого человека) показала довольно низкую эффективность. По оценкам специалистов [4, с. 19; 5, с. 90], увеличение расходов домохозяйств было зафиксировано только в течение первой недели после получения пособий. Далее их величина умеренно снижалась в течение месяца. Указанная программа выплат не учитывала ухудшение финансового положения граждан в условиях пандемии, которое существенно отличалось по половозрастным группам и сферам экономической деятельности.

Средства для поддержки малых и средних предприятий (2 млн иен микро-, малому и среднему бизнесу и 1 млн иен индивидуальным предпринимателям; льготные кредиты), предусмотренные в рамках того же пакета чрезвычайных экономических мер против COVID-19<sup>2</sup>, были использованы более эффективно. Так, количество компаний-банкротов снизилось до минимума впервые за последние 30 лет [6]. Однако произошел рост убыточных «компаний-зомби», поддерживаемых правительственными мерами. Кроме того, использование государственных кредитных гарантий вызывает некоторое беспокойство у исследователей (особенно в сфере ресторанного бизнеса) [7, с. 199], так как полученные средства направляются не для осуществления капиталовложений, а для восполнения дефицита доходов. В будущем такой подход может привести к проблемам с погашением кредитов.

---

<sup>1</sup> Число пожилых людей в Японии достигло нового рекордного уровня // Nippon.com. 2021. 21 сентября. URL: <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2021091900274/> (дата обращения: ноябрь 2021); Япония – мировой лидер по показателям старения населения: 30% населения в возрасте 65 лет и старше // Nippon.com. 2021. 26 сентября. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01120/> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>2</sup> Emergency Economic Measures for Response to COVID-19 to Protect the Lives and Lifestyles of the Public and Move Toward Economic Recovery / Prime Minister of Japan and His Cabinet. 2020. 4 April. URL: [http://japan.kantei.go.jp/ongoingtopics/\\_00019.html](http://japan.kantei.go.jp/ongoingtopics/_00019.html) (дата обращения: сентябрь 2021).

## ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ЭКОНОМИКУ ЯПОНИИ

И японские, и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что ущерб экономике страны, нанесенный COVID-19, достаточно велик. Уровень безработицы вырос впервые за 11 лет, составив 2,8% в 2020 г. Число безработных достигло 1,91 млн чел., а временно отстраненных от работы сотрудников – 2,56 млн чел., что является самым высоким показателем с 1968 г.<sup>1</sup>

В число наиболее пострадавших отраслей экономики попали автомобилестроение (спад продаж автомобилей внутри страны по итогам 2020 г. оценивается в 8%, в целом в мире – на 17%) [8, с. 18], туризм (въездной туризм практически полностью прекратился, для стимулирования внутреннего туризма была принята программа Go-to-Travel) и общественное питание.

Автомобильная промышленность пострадала не только из-за снижения спроса на транспортные средства и приостановки сборочных линий в связи с распространением коронавируса, но и из-за глобальной нехватки чипов (вызванной повышенным спросом на полупроводники). Однако по итогам первого полугодия 2021 г. продажи автомобилей в Японии и в целом в мире возросли, лидером второй год подряд стала японская корпорация Toyota. Устойчивый спрос в Северной Америке и КНР позволил Toyota и другим автогигантам существенно увеличить объемы продаж по сравнению с 2020 г. (31,3% прирост продаж у Toyota, 25,8% – у Honda и 21,5% – у Nissan)<sup>2</sup>.

Въездной туризм практически полностью отсутствует из-за действующих запретов, внутренний – существенно снизился из-за опасений распространения коронавируса. К тому же многие япон-

---

<sup>1</sup> В Японии ухудшается ситуация с занятостью: безработица растет впервые за 11 лет // Nippon.com. 2021. 6 февраля. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00930/> (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>2</sup> Toyota Retains Crown as World's Best-Selling Automaker in Jan.-June // Kyodo News. 2021. 29 July. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/07/72dd575ee8ff-breaking-news-toyota-remains-global-top-seller-ahead-of-volkswagen.html> (дата обращения: ноябрь 2021).



ские школы сократили летние каникулы в 2020 г., чтобы компенсировать приостановку занятий весной. Так, в период летних каникул в 2019 г. было зафиксировано 75,4 млн туристов (из них жителей Японии – 72,4 млн чел.), в 2020 г. – 38,05 млн туристов (жителей Японии – 38 млн чел.). В 2021 г. поток внутренних туристов оценивается в 40 млн чел.<sup>1</sup>

Япония прочно встроена в мировое хозяйство и пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость ее экономики в условиях глобального кризиса. Сначала распространение коронавируса привело к краткосрочному нарушению цепочек поставок, что негативно сказалось на внешней торговле страны и деятельности японских ТНК, а в дальнейшем стало причиной долгосрочного падения спроса.

Япония является пятым по значимости<sup>2</sup> экспортером и импортером в мире. В свою очередь внешняя торговля играет важную роль в экономике страны. Страна является крупным экспортером промышленных изделий с высокой добавленной стоимостью. Основными рынками сбыта продукции Японии являются страны Восточной Азии и США. Основу импорта составляет продукция топливно-энергетического комплекса, продукция электромашиностроения и общего машиностроения. Импортируемая продукция поступает по большей части также из стран Азиатско-Тихоокеанского региона (*табл.*).

Пандемия и ослабление глобального спроса повлияли на показатели внешней торговли Японии. Резкое падение экспорта наблюдалось во 2 квартале 2020 г. за счет существенного уменьшения поставок за рубеж (главным образом в США) продукции основных товарных позиций – транспортных средств, машин и оборудования. Но достаточно быстро наметилась положительная динамика и показатели экспорта вернулись к докризисному уровню

---

<sup>1</sup> Летний внутренний туризм в Японии в 2021 году: 40 миллионов путешественников, показатели пока гораздо ниже докризисного уровня // Nippon.com. 2021. 31 июля. URL: [https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01077/?cx\\_recs\\_click=true](https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01077/?cx_recs_click=true) (дата обращения: ноябрь 2021).

<sup>2</sup> По данным 2020 года: Statistics Database / UNCTAD. 2021. URL: [https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS\\_ChosenLang=en](https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en) (дата обращения: август 2021).

быстрыми темпами, что привело к относительно стабильной производственной активности в стране (рис. 1–3). Следует отметить, что наибольшее сокращение экспортных поставок наблюдалось в страны Ближнего и Среднего Востока, Европы и США. В США снизились поставки станков, промышленной и бытовой электроники, горнодобывающей и строительной техники. Уменьшение экспорта в страны Восточной Азии было не столь значительным, причем КНР оставалась единственной страной, в которую вырос японский экспорт, хотя произошло заметное снижение поставок оборудования для производства полупроводников, станков, промышленных роботов [9, с. 97; 10, с. 34].

Таблица

**Географическая и товарная структуры внешней торговли Японии**

Экспорт				Импорт			
	2019	2020	2021 9 мес.		2019	2020	2021 9 мес.
Всего, млрд долл.	705,8	641,0	558,7	Всего, млрд долл.	721,0	634,7	557,3
Доля отдельных стран, %							
КНР	19,1	22,0	21,6	КНР	23,5	25,8	24,4
США	19,9	18,5	17,8	США	11,3	11,3	11,0
Тайвань	6,1	6,9	7,2	Австралия	6,3	5,6	6,2
Республика Корея	6,6	7,0	6,9	Тайвань	3,7	4,2	4,4
Гонконг	4,8	5,0	4,7	Республика Корея	4,1	4,2	4,2
Доля основных товарных групп, %							
(84) Машины, оборудование и механизмы, их части	21,1	19,1	19,4	(27) Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	21,6	16,6	18,7

Экспорт				Импорт			
	2019	2020	2021 9 мес.		2019	2020	2021 9 мес.
(87) Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава; их части и принадлежности	19,4	19,0	18,5	(85) Электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности	13,7	15,2	14,8
(85) Электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности	14,6	16,0	15,5	(84) Машины, оборудование и механизмы; их части	9,8	10,6	9,6

*Источник:* здесь и далее: составлено по данным ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: ноябрь 2021).

Что касается импорта, то особенно резким было его падение в феврале, мае, июле и августе 2020 г.: в феврале его объем уменьшился на 13,6%, в мае – на 24,3%, в июле – на 21,2%, в августе – на 20,5% по сравнению с показателями 2019 г. (см. *рис. 1*).

Падение импорта в 2020 г. было обусловлено уменьшением поставок топливно-энергетической продукции в силу сокращения спроса со стороны промышленности Японии, а также продолжающимся с 2019 г. снижением мировых цен на энергоносители. Также было отмечено временное сокращение поставок промежуточной и готовой продукции по региональным и глобальным производственным сетям. В то же время пандемия стимулировала быстрый рост

импорта продукции, направленной на борьбу с заболеванием: медицинских устройств, дезинфицирующих средств, средств индивидуальной защиты и т. п. [9, с. 98; 10, с. 35]. Значительная часть поставок осуществлялась из КНР и США, что положительно отразилось на общих показателях импорта из этих стран (рис. 4, 5).

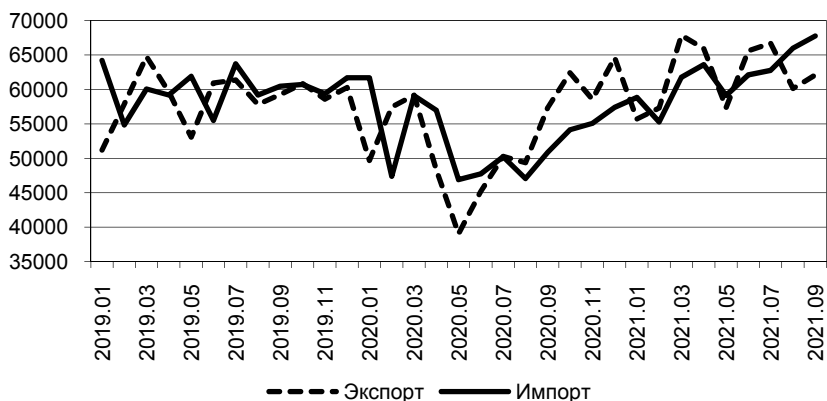


Рис. 1. Динамика внешней торговли Японии, млн долл.

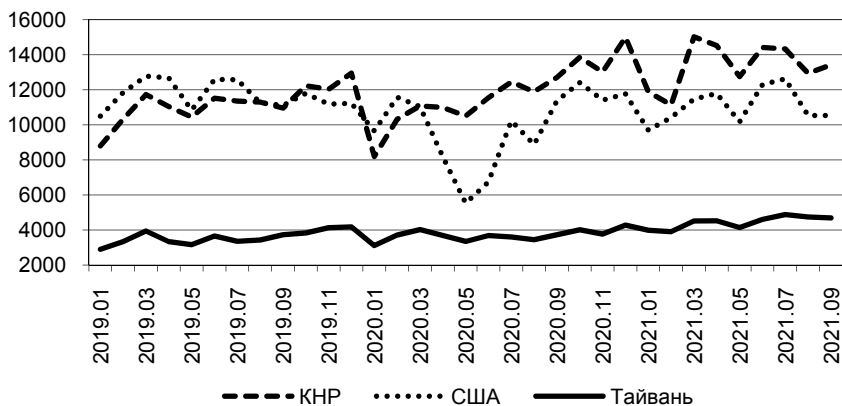


Рис. 2. Динамика экспорта Японии в основные страны-партнеры, млн долл.



Рис. 3. Динамика экспорта Японии по основным товарным группам, млн долл.

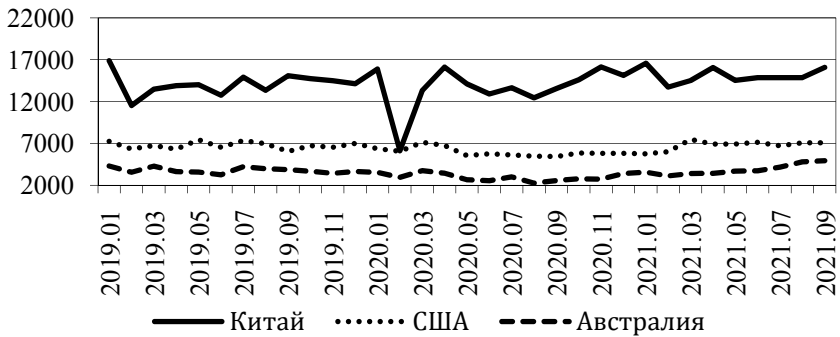


Рис. 4. Динамика импорта Японии из основных стран-партнеров, млн долл.

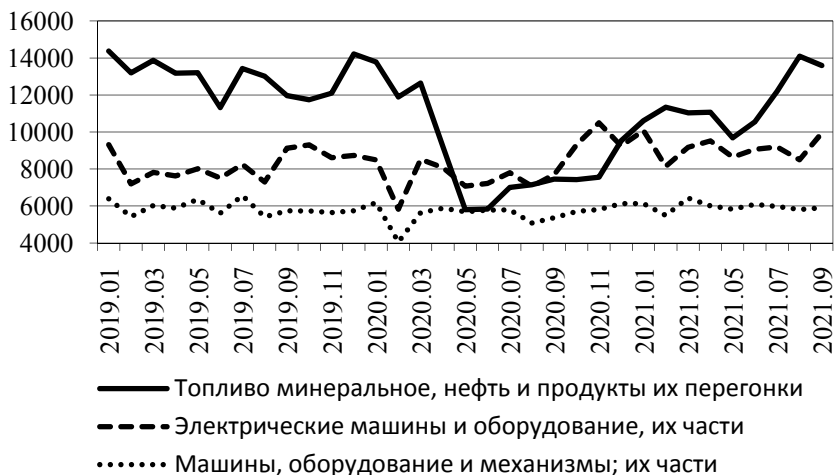


Рис. 5. Динамика импорта Японии по основным товарным группам, млн долл.

Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на показатели занятости, объемы продаж и инвестиций японской корпораций, функционирующих на территории Восточной Азии, а также нанесла существенный урон региональным и глобальным цепочкам поставок (значительно снизился экспорт не только в Японию, но и в третьи страны) [11, с. 26].

Так, в 2020 г. сокращение занятости в зарубежных филиалах японских ТНК наблюдалось в Европе (наибольшее падение – 7,2%; 4 квартал), КНР (6,3%; 3 квартал), странах АСЕАН (5,8%; 3 квартал) и Северной Америке (5%; 2 квартал) [12]. Но в целом корреляция между числом зарегистрированных случаев COVID-19 и темпами роста занятости была незначительной [11, с. 60].

Объемы продаж демонстрировали разную динамику в китайских филиалах<sup>1</sup> японских ТНК и филиалах в странах АСЕАН, Европы и Северной Америки. Спад продаж в китайских филиалах был отмечен только в 1 кв. 2020 г. (на 21,5% по сравне-

<sup>1</sup> Здесь и далее в разделе под китайскими филиалами понимаются филиалы японских ТНК в КНР и Гонконге.

нию с аналогичным периодом 2019 г.), восстановление показателей началось во 2 квартале. В остальных регионах наибольшее падение продаж было характерно для 2 квартала 2020 г. (по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.): 44,1, 33,2 и 42,6% в странах АСЕАН, Европы и Северной Америки соответственно. С 3 квартала продажи филиалов в указанных регионах начали частично восстанавливаться [12].

Японские ТНК в период пандемии сократили инвестирование даже в странах, относительно менее пострадавших от COVID-19. Наибольшее сокращение было характерно для 2 квартала 2020 г. Так, инвестиции в Индонезию и Малайзию сократились примерно на 50%, Индию, Сингапур и Тайвань – на 60%, страны Европы – на треть [12]. С 3 квартала наблюдалось незначительное восстановление объемов инвестирования, но также была отмечена переориентация на Мексику, Нидерланды и Вьетнам [11, с. 61].

Поскольку нарушение цепочек поставок, вызванное пандемией, нанесло серьезный ущерб японским производителям, правительство стремилось укрепить производство и поддержать потребление в собственной стране. В начале марта 2020 г. С. Абэ заявил, что Япония не должна сильно зависеть от Китая в производстве продукции с добавленной стоимостью, и призвал компании перенести часть своих заводов из КНР в Японию. Чтобы помочь отечественным производителям вывести производство, из пакета экономической поддержки было выделено 243,5 млрд иен. Основная часть выделенных средств – 220 млрд иен – для компаний, переносящих производство в Японию, и 23,5 млрд иен – для тех, кто будет перебазировать свои предприятия в другие страны, предположительно в страны – члены АСЕАН [13].

В действительности, необходимость в расширении производственных баз в регионе АСЕАН усилилась еще до пандемии COVID-19. Это было связано с желанием избежать различных рисков, связанных с сильной зависимостью от производства в КНР, таких как антияпонские демонстрации, рост заработной платы, тарифная война с США.

Внешние и внутренние экономические последствия пандемии привели к спаду ВВП страны. Первоначальные оценки снижения ВВП Японии за 2020 г. колебались в пределах от 4,7% (Банк Японии) до 7,3% (ОЭСР) [8, с. 17]. В итоге ВВП снизился на 4,7% [14; 15]. На самом деле, спад ВВП был вызван не только пандемией. Квартальная статистика зафиксировала падение ВВП на 6,3% еще в 4 квартале 2019 г., что было вызвано сжатием внутреннего спроса вследствие повышения с 1 октября потребительского налога с 8 до 10% [8, с. 17]. В 1 квартале 2020 г. спад был незначительным (2,2% в годовом выражении), но во втором – крупнейшим в послевоенной истории Японии (29,2%) [16; 17]. В 3 квартале ВВП продемонстрировал значительный рост (22,9%), что отчасти было связано с реакцией потребителей на различные правительственные программы субсидирования.

По итогам 2020 фин. года ВВП сократился на 4,6% [18], хотя по оценкам японских и западных аналитиков прогнозировалось более существенное снижение (5,4 и 5,6% соответственно) [19; 20]. Эксперты ожидают, что в текущем финансовом году экономика Японии продемонстрирует самый резкий за последние десятилетия подъем – рост на 3,4% [20]. Международный валютный фонд и ОЭСР дают более скромные оценки: прирост на 2,8 и 2,6% соответственно в 2021 г. и на 3 и 2% соответственно в 2022 г. [14; 15].

## **ПРОГНОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ**

Прогноз экономического развития Японии до 2035 фин. года, учитывающий текущую пандемию, предполагает три сценария: базовый, сценарий реформирования и рискованный.

В рамках базового сценария предполагается, что число иностранных туристов сохранится на прежнем уровне, а власти страны будут устранять негативные последствия массовой финансовой поддержки населения и компаний в период коронакризиса. Темпы прироста реального ВВП ожидаются в размере 1,2% в 2021–2025 фин. гг., 0,3% – в 2026–2030 фин. гг. и отрицательные (–0,1%) –



в 2031–2035 фин. гг. Отношение государственного долга к ВВП прогнозируется в размере 218%, 231% и 247% соответственно [21].

Сценарий реформирования предполагает цифровизацию (активное использование информационно-коммуникационных технологий) и отказ от углеродного топлива. Темпы прироста реального ВВП в рамках данного сценария ожидаются положительными в течение всего рассматриваемого периода: 1,3% в 2021–2025 фин. гг., 0,5% – в 2026–2030 фин. гг. и 0,2% – в 2031–2035 фин. гг. Уровень государственного долга прогнозируется в размере 217%, 227% и 236% соответственно [21].

Наконец, рискованный сценарий рассматривает ситуацию с распространением новых штаммов коронавируса и продолжением пандемии в 2022 фин. году. Предполагается, что экономика Японии достигнет предкризисного уровня (уровня 2018 фин. года) только в 2035 фин. году. Темпы прироста реального ВВП ожидаются в размере 0,7% в 2021–2025 фин. гг., 0% – в 2026–2030 фин. гг. и отрицательные (–0,4%) – в 2031–2035 фин. гг. Отношение государственного долга к ВВП будет максимальным (с угрозой дефолта) 233, 252 и 277% соответственно [21].

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Япония, как и остальной мир, полтора года борется с последствиями пандемии. Число случаев заражения в мире превысило 250 млн, в Японии – 1,7 млн. К настоящему моменту в стране были зафиксированы 5 волн COVID-19. Первый режим ЧП был введен в апреле 2020 г., отмена ограничений произошла в октябре 2021 г. Последняя волна коронавируса совпала с периодом проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в Токио, которые не оправдали возложенных на них надежд, так как в условиях режима ЧП ни иностранные, ни японские зрители не были на них допущены.

Экономика Японии за указанный период понесла существенный урон. Так, в 2020 г. спад ВВП страны составил 4,7%, уровень безработицы – 10% (с учетом находящихся в вынужденном отпуске и нетрудовой части населения). Сбои в функционировании цепочек

поставок японских ТНК в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире сказались на динамике внешней торговли (самое резкое снижение наблюдалось в мае 2020 г.: экспорт уменьшился на 26,4%, импорт – на 24,3%). В числе наиболее пострадавших от пандемии отраслей оказались автомобилестроение, туризм и общественное питание.

Согласно долгосрочным прогнозам (до 2035 фин. года), устойчивый рост экономики Японии возможен только в условиях проведения реформ (переход к безуглеродному обществу и активное использование информационно-коммуникационных технологий).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Пандемия COVID-19 и ее влияние на экономику Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 57–75. <http://dx.doi.org/10.24412/2500-2872-2021-3-57-75>

2. Yamamoto I. Why Japan Still Lags in Work from Home, Even During the Pandemic // Nippon.com. 2021. 8 October. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a07602/why-japan-still-lags-in-work-from-home-even-during-the-pandemic.html> (дата обращения: ноябрь 2021).

3. Suzuki N. BOJ Extends Support for Virus-Hit Firms, Maintains Monetary Policy // Kyodo News. 2021. 18 June. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/06/54a1d2fe4377-urgent-boj-decides-to-extend-funding-support-for-virus-hit-firms.html> (дата обращения: ноябрь 2021).

4. Kaneda M., Kubota S., Tanaka S. Who Spent Their COVID-19 Stimulus Payment? Evidence from Personal Finance Software in Japan // Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers. Ed. by Ch. Wyplosz. 2021. Issue 75. Pp. 1–29.

5. Kubota S., Onishi K., Toyama Yu. Consumption Responses to COVID-19 Payments: Evidence from a Natural Experiment and Bank Account Data // Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers. Ed. by Ch. Wyplosz. 2020. Issue 62. Pp. 90–123.

6. Goodman M.P. Comparing U.S., Japanese, and German Fiscal Responses to Covid-19 / Center for Strategic and International Studies. 2020. 28 October. URL: <https://www.csis.org/analysis/comparing-us-japanese-and-german-fiscal-responses-covid-19> (дата обращения: ноябрь 2021).

7. *Yamori N., Aizawa T.* The Impact of the First Wave of the COVID-19 Crisis on Small and Medium-Sized Enterprises and Credit Guarantee Responses: Early Lessons from Japan // *Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers*. Ed. by Ch. Wyplosz. 2021. Issue 63. Pp. 186–200.

8. *Белов А.В., Тихоцкая И.С.* Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 10. С. 14–21. <http://dx.doi.org/10.31857/S032150750011106-8>

9. *Ноздрев С.В.* Внешнеэкономические связи Японии: современное состояние и развитие в условиях пандемии COVID-19 // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2021. № 3. С. 87–102. <http://dx.doi.org/10.24411/2072-8042-2021-3-87-102>

10. *Дёмина Я.В., Мазитова М.Г.* Экономика Японии в условиях пандемии COVID-19 // *Регионалистика*. 2021. Т. 8. № 5. С. 28–43. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.5.28>

11. *Zhang H.* The Impact of COVID-19 on Global Production Networks: Evidence from Japanese Multinational Firms // *Covid Economics: Vetted and Real-Time Papers*. Ed. by Ch. Wyplosz. 2021. Issue 72. Pp. 26–67.

12. Quarterly Survey of Overseas Subsidiaries. Statistics Report / Ministry of Economy, Trade and Industry. 2001. URL: <https://www.meti.go.jp/english/statistics/tyo/genntihou/index.html> (дата обращения: ноябрь 2021).

13. *Кистанов В.* COVID-19 корректирует внешнюю стратегию Японии // *Независимая газета*. 2020. 31 мая. URL: [https://www.ng.ru/dipkurer/2020-05-31/10\\_7874\\_japan.html](https://www.ng.ru/dipkurer/2020-05-31/10_7874_japan.html) (дата обращения: ноябрь 2021).

14. OECD Economic Outlook. 2021. Vol. 2021. Issue 1. URL: [https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook\\_16097408](https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook_16097408) (дата обращения: ноябрь 2021).

15. World Economic Outlook Update. Fault Lines Widen in the Global Recovery / International Monetary Fund. 2021. July. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021> (дата обращения: ноябрь 2021).

16. *Takeda M.* Japan's Economy Not Spared in 2020 // *East Asia Forum*. 2020. 11 December. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/12/11/japans-economy-not-spared-in-2020/> (дата обращения: ноябрь 2021).

17. *Takumori A.* The Japanese Economy in 2021: Pandemic Easing and Gradual Recovery // *Nippon.com*. 2021. 8 January. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00663/> (дата обращения: ноябрь 2021).

18. *Inaba K.* From Rebound in Fiscal Year 2021 to Moderate Recovery in Fiscal Year 2022. The 186R Quarterly Forecast / Japan Center for Economic

Research. 2021, 30 June. URL: [https://www.jcer.or.jp/jcer\\_download\\_log.php?f=eyJwb3N0X2lkIjo3OTcwMywiZmlsZV9wb3N0X2lkIjo3OTcwNH0=&post\\_id=79703&file\\_post\\_id=79704](https://www.jcer.or.jp/jcer_download_log.php?f=eyJwb3N0X2lkIjo3OTcwMywiZmlsZV9wb3N0X2lkIjo3OTcwNH0=&post_id=79703&file_post_id=79704) (дата обращения: ноябрь 2021).

19. *Kaneko K.* Japan's GDP Seen Shrinking Less Than Previously Expected This Fiscal Year: Reuters Poll // Reuters. 2020. 13 November. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-economy-poll/japans-gdp-seen-shrinking-less-than-previously-expected-this-fiscal-year-reuters-poll-idUSKBN27T0F9> (дата обращения: ноябрь 2021).

20. *Nakamura K.* Japan's Economy to Notch Sharp Recovery from Pandemic Toward End 2021 // Kyodo News. 2021. 4 January. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2021/01/1c29429be35e-focus-japan-economy-to-notch-sharp-recovery-from-pandemic-toward-end-2021.html> (дата обращения: ноябрь 2021).

21. Japan's Post-COVID Economy. The 47th Medium-Term Economic Forecast / The Japan Center for Economic Research. 2021, 7 April. 9 p. URL: <https://www.jcer.or.jp/english/japan-post-covid-economy> (дата обращения: ноябрь 2021).

## **МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКОНОМИКИ МОНГОЛИИ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С COVID-19**

*Изотов Д.А.*

*Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Россия*

*Аннотация.* Малые масштабы распространения коронавируса в Монголии были достигнуты за счет жестких внутренних карантинных мер, закрытия границ, всеобщего тестирования и вакцинирования населения. В 2020 г. экономика Монголии заметно сократилась, а для ее поддержки монгольское руководство стало использовать имеющиеся накопленные резервы, а также помощь из-за рубежа. В итоге, в Монголии реализуются меры бюджетной, денежно-кредитной и финансовой политики для поддержки экономики, расходы по которым составили более 17% ВВП страны. Поскольку главным источником экономического роста Монголии является экспорт в КНР, возобновление торговли с Китаем способствовало восстановлению монгольской экономики в первой половине 2021 г. Данное обстоятельство позволяет позитивно оценивать среднесрочные темпы прироста экономики Монголии.

*Ключевые слова:* экспорт, импорт, COVID-19, зарубежная помощь, меры бюджетной политики, меры денежно-кредитной политики, меры финансовой политики, Монголия.

# POLICY RESPONSE TO COVID-19 IN MONGOLIA

*Izotov D.A.*

*Economic Research Institute FEB RAS*

*Khabarovsk, Russia*

*Abstract.* The small scale of COVID-19 spread in Mongolia was achieved through strict internal quarantines, border closures, broad testing and vaccination of the population. In 2020, compared to 2019, the Mongolian economy shrank, and to support it, the Mongolian leadership began to use accumulated reserves, as well as aid from abroad. As a result, measures of budgetary, monetary and financial policy to support the economy began to be implemented in Mongolia, the costs of which amounted to more than 17% of GDP. Since the main source of Mongolia's economic growth is exports to China, the revival of Mongolian-Chinese trade triggered the recovery of the Mongolian economy in the first half of 2021. This circumstance allows us to assess positively the medium-term growth rates of the Mongolian economy.

*Keywords:* exports, imports, COVID-19, foreign aid, fiscal policy measures, monetary policy measures, financial policy measures, Mongolia.

## ВВЕДЕНИЕ

По мере того, как стали поступать первые известия об инфицировании населения коронавирусом, в начале 2020 г. монгольское руководство приняло оперативные меры по сдерживанию его распространения. В частности, был запрещен въезд из стран высокого риска заражения коронавирусом, осуществлена временная приостановка экспорта угля в Китай, приняты меры социального дистанцирования, отменены массовые мероприятия, были временно закрыты учреждения среднего и высшего образования, применены каран-

тинные меры для городов (закрытие границ) [1]. Открытие границ с Китаем и Россией было осуществлено 27 мая 2020 г. после того, как для Монголии были гарантированы поставки вакцины от коронавируса из ведущих зарубежных стран [2].

Экономика Монголии характеризуется сильной зависимостью от экспорта сырьевых товаров. Прямой вклад добывающей отрасли в монгольскую экономику составляет более четверти, а ее продукция составляет более 90% экспорта. По состоянию на конец 2020 г. основу экспорта Монголии составляли: уголь (28%), немонетарное золото (24%), медные руды и концентраты (23%) [3]. Соответственно, основным источником экономического роста Монголии является экспорт продукции горнодобывающей промышленности, связанный как с увеличением его физических объемов, так и с благоприятной конъюнктурой цен на вывозимую за рубеж продукцию, а также расширение объемов услуг, охватывающих внешнеторговые операции. Введение карантинных мер, а также временное закрытие крупнейшего экспортного рынка (КНР) привело к тому, что за 2020 г. экономика Монголии сократилась на 5,3% по отношению к предыдущему году [4].

В таких условиях в 2020–2021 гг. в Монголии стали применяться активные меры государственной поддержки экономики, среди которых выделяются бюджетная, денежно-кредитная, финансовая и валютная политика, осуществляющаяся в условиях жестких ограничительных мер по сдерживанию распространения коронавируса на основе всеобщей вакцинации населения.

## **АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ СДЕРЖИВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 В МОНГОЛИИ И ИСТОЧНИКИ ПОДДЕРЖКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Вплоть до ноября 2020 г. в Монголии численность лиц, инфицированных COVID-19, была ограниченной, поскольку в нее входили только лица, прибывшие из-за границы. Далее, по мере фиксирования случаев передачи коронавируса внутри страны, монголь-

ское правительство стало применять общенациональные меры по самоизоляции [5].

К 9 февраля 2021 г. в Монголии было зарегистрировано в общей сложности 2120 подтвержденных случаев COVID-19, причем подавляющее большинство из них (60,6%) было зарегистрировано в столице, с населением более 1,5 млн чел. Правительство Монголии изолировало столицу от остальных регионов страны с 11 по 23 февраля 2021 г. для уменьшения распространения коронавируса. Кроме того, в период изоляции правительство инициировало кампанию массового тестирования на наличие коронавируса для одного из членов семьи (возраст – старше 18 лет) каждого домохозяйства (всего – 420 тыс. домохозяйств в столице Монголии). Правительство Монголии возлагало надежды на то, что данные меры сократят количество случаев COVID-19 в несколько раз, способствуя, таким образом, восстановлению экономики столицы [6].

К концу первого полугодия 2021 г. распространение коронавирусной инфекции составило 34 тыс. случаев на 1 млн чел. Правительство Монголии к концу первого полугодия 2021 г. ставило цель вакцинировать 100,0% взрослого населения или 60,0% общей численности населения, при этом 59,0% населения было сделано не менее одной прививки, а 53,0% были полностью вакцинированы. В середине июня 2021 г. правительство Монголии начало вакцинировать детей с 12 до 18 лет [5].

В августе 2021 г. в Монголии в связи с ростом численности заболеваний коронавирусом стало не хватать медицинских объектов для лечения инфицированных пациентов, а также помещений для изоляции прибывающих из-за границы граждан и иностранцев [4]. Также Монголия столкнулась с дефицитом подготовленного медицинского персонала и необходимостью в перепрофилировании медицинских учреждений. Тем не менее, скромные масштабы распространения коронавируса в Монголии достигнутые за счет жестких внутренних карантинных мер, закрытия границ, всеобщего тестирования, а также широкомасштабной вакцинации населения являются удачным примером для стран с низким и средним доходом [7].



В 2010-е гг. правительство Монголии учредило несколько резервных фондов за счет отчислений от экспорта сырьевых товаров [8]. Во-первых, Фонд финансовой стабильности, главной функцией которого является стабилизация текущих неустойчивых доходов от добычи полезных ископаемых и восполнение выпадающих доходов государственного бюджета. Во-вторых, Фонд будущего наследия, который выполняет функцию долгосрочного источника финансового благополучия национальной экономики. В-третьих, Пенсионный резервный фонд с долгосрочным инвестиционным горизонтом, который служит финансовым резервом для обеспечения внутренних государственных обязательств Монголии. На основе имеющихся накопленных резервов во время пандемии правительство Монголии стало принимать сравнительно активные меры по поддержке населения, предприятий малого бизнеса и некоторых основополагающих отраслей экономики, например, золотодобывающей отрасли.

По мере восстановления экспортных поставок, ВВП Монголии за первые два квартала 2021 г. увеличился на 7,1% в основном за счет наращивания вывоза угля и медного концентрата на территорию КНР. Остальные отрасли экономики в первой половине 2021 г. сокращались, особенно заметно строительный сектор и сельское хозяйство, что вызвано снижением общего потребления в Монголии, тем не менее, импортные поставки стали постепенно наращиваться, вернувшись к значениям соответствующего периода 2019 г. [4].

## **МЕРЫ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ МОНГОЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

Как страна, находящаяся в нижнем спектре среднего дохода на душу населения, Монголия активно пользуется целевой поддержкой со стороны международных организаций и ведущих стран мира. В частности, Монголия была включена Всемирным банком в первую очередь стран по оказанию чрезвычайной медицинской помощи в связи с COVID-19 [9]: выделено 26 млн долл. в рамках реализации проекта, направленного на реагирование служб страны на чрезвычайные ситуации и на усиление готовности системы здравоохранения

в борьбе с коронавирусом; в рамках текущего проекта внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему здравоохранения было перечислено 2,2 млн долл. на закупку необходимого медицинского диагностического оборудования. Далее, за счет средств Европейского союза (ЕС) в рамках проекта «Улучшение управления в Монголии» было выделено почти 0,8 млн долл. для финансирования своевременных мер для смягчения последствий от коронавируса, таких как оценка потенциального экономического воздействия пандемии, планирование и мониторинг бюджетных ресурсов, а также более эффективное отслеживание распределения расходов на меры реагирования вспышек COVID-19.

Финансовые ресурсы Всемирного банка в рамках проекта по поддержке занятости в Монголии были переориентированы в пакет экономических стимулов в ответ на COVID-19 в размере 15 млн долл. на предоставление льгот по взносам в рамках добровольной программы социального страхования для примерно 120 тыс. чел., включая самозанятых, малых предпринимателей и лиц, работающих неформально в течение пяти месяцев. В рамках Программы развития микрозаймов, за счет средств Всемирного банка Монголии было выделено 2,6 млн долл. для обеспечения временного снижения процентных ставок для заемщиков во время коронакризиса [4].

За счет кредита Международной ассоциации развития Всемирного банка в размере 20 млн долл. с 2020 г. реализуется Проект чрезвычайной помощи и поддержки занятости в Монголии, в рамках которого предоставляется временная помощь нуждающимся работникам и работодателям в условиях коронакризиса. Половина средств из предоставленного кредита переведены в Фонд социального страхования для частичной компенсации введенных льгот по уплате взносов для работодателей и их работников. В рамках Проекта реформы качества образования Монголии было привлечено 5 млн долл. для целевых выплат в рамках существующей государственной системы социальной помощи семьям с детьми при минимальных административных затратах [4].

Всемирный банк предоставил Монголии грант в размере 1 млн долл. из Фонда экстренного финансирования пандемии для

поддержки Монголии в условиях мер реагирования на COVID-19 для целевого приобретения необходимого медицинского оборудования и индивидуального защитного инвентаря для медицинских работников в пунктах тестирования коронавируса как в городах, так и отдельных регионах страны [4].

В рамках Проекта развития экспорта, также финансируемого Всемирным банком, около 1,5 млн долл. направлены на поддержку правительственных мер поддержки населения и малого бизнеса в условиях борьбы с COVID-19. Данные средства направлены на временное освобождение от взносов по страхованию от безработицы для работодателей в рамках системы обязательного социального страхования, в том числе для малых предпринимателей, не связанных с горнодобывающим сектором, для сохранения рабочих мест. Ожидается, что от реализации данной меры выиграют не менее 300 предприятий малого и среднего бизнеса и 7 тыс. их сотрудников [4].

За счет средств международных организаций Монголии было выделено дополнительное финансирование в размере 50,7 млн долл. для обеспечения доступного и равноправного доступа к вакцинам от COVID-19. Данные средства выделены для покрытия расходов на закупку вакцин от коронавируса и на процесс вакцинирования 60% населения Монголии, который включает: модернизацию холодильных установок для хранения вакцин, материально-техническое обеспечение, обучение медицинского персонала, предоставление и распространение общественной информации, мониторинг [9].

В итоге, как за счет средств международных организаций, так и собственных накопленных резервов, в первом квартале 2020 г. правительство Монголии реализовало меры первичной поддержки функционирования здравоохранения, а также экономики в целом. В частности, за счет средств созданного Фонда финансовой стабильности были осуществлены дополнительные расходы на здравоохранение в размере 0,04% ВВП (5,95 млн долл.), которые были направлены на профилактику и контроль эпидемии, на приобретение предметов медицинского назначения и оплату сверхурочной работы медицинского персонала. Также был принят комплекс как прямых,

так и косвенных мер поддержки экономики, среди которых выделялась финансовая поддержка социально уязвимых групп населения, а также предприятий малого бизнеса. К таким мерам относились: освобождение от налогообложения на ввоз некоторых категорий импорта, среди которых продукты питания и медицинские товары; увеличение пособий по уходу за детьми и по безработице; освобождение от выплат корпоративного подоходного налога, НДС и отчислений на социальное страхование до конца третьего квартала 2020 г.; увеличение размера кредитных гарантий для предприятий малого и среднего бизнеса, а также предоставление льготных кредитов производителям кашемира от Банка развития Монголии [5].

Далее, по мере расширения временных рамок самоизоляции, 6 мая 2020 г. было объявлено о реализации второго пакета мер бюджетной политики в размере примерно 2% ВВП для защиты социально уязвимых групп населения: дальнейшее увеличение пособий по уходу за ребенком; увеличение размера пособий, распределяемых посредством выдачи талонов на питание; повышение размера социальных пенсий пожилым людям, инвалидам, сиротам и одиноким родителям, на попечении которых находится более четырех детей [4].

В третьем квартале 2020 г. в условиях пандемии монгольское правительство объявило о продлении и об изменении принимаемых ранее мер бюджетной политики до конца 2020 г.: выплата денежных пособий на ребенка; освобождение от выплат корпоративного подоходного налога, подоходного налога с недвижимости, таможенных пошлин и НДС на некоторые категории импортируемых товаров. Изменения в уже реализуемых мерах коснулось увеличения сумм, выдаваемых посредством талонов на питание, социальных пенсий, также, стало практиковаться сокращение взносов на социальное обеспечение. В итоге, дополнительные расходы бюджета по финансированию данных мер составили около 7,5% ВВП (включая предыдущие меры) и были одобрены парламентом Монголии 28 августа 2020 г. [4].

В условиях пандемии некоторые предприятия Монголии неизбежно стали сокращать оплату труда для работников. Поэтому

правительство Монголии предоставило надбавку к заработной плате малоимущих работающих граждан в размере 50% от минимальной оплаты труда в течение трех месяцев. Работодателям запрещено увольнение данной категории работников и снижение для них оплаты труда. Выплаты из бюджета Монголии на поддержку данной категории граждан составили чуть более 2 млн долл. [1].

В ответ на неблагоприятные экономические последствия режима самоизоляции в середине четвертого квартала 2020 г. правительство Монголии объявило о продлении до конца первого полугодия 2021 г. отдельных мер бюджетной политики по поддержке экономики, к которым были отнесены освобождение от выплат подоходного налога с недвижимости, а также таможенных пошлин и НДС на некоторые импортируемые товары. Более 100 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса были освобождены от выплаты налогов сроком на шесть месяцев [4].

В конце 2020 г. монгольское правительство объявило о дополнительных мерах поддержки экономики, которые включали: финансовую поддержку в размере 1,1 млн долл. отдельным регионам (аймакам) Монголии; временное освобождение от налоговых штрафов за просрочку платежей; сдерживание цен на угольные брикеты для «юрточных» микрорайонов в городе Улан-Батор через механизм субсидирования. Далее, монгольское правительство объявило о мерах по борьбе с COVID-19, финансирование которых было возложено на некоторые государственные предприятия: освобождение от оплаты коммунальных услуг хозяйствующих субъектов и домашних хозяйств; снижение цен на угольные брикеты на 75% [4].

Во втором квартале 2021 г. правительство Монголии объявило о выдаче денежных средств в размере 105 долл. на каждого гражданина для компенсации потери дохода, связанной с возобновлением карантина. Всего на данную меру поддержки населения было потрачено 350 млн долл., что эквивалентно 2,5% ВВП Монголии. Далее, для мотивирования более широкого охвата вакцинирования населения, было объявлено, что прошедшие вакцинацию лица к уже выплаченной сумме получают надбавку в размере 17,5 долл. [4]

Правительство Монголии распределило среди всех граждан дивиденды в размере 53,2 млн долл. государственной горнодобывающей компании Erdenes Tavan Tolgoi, производящей коксующийся уголь на экспорт. В рамках поддержки предприятий малого бизнеса также осуществлено распределение 0,2 млн долл. [5].

В конце мая 2021 г. по итогам сессии Парламента Монголии была предложена поправка к Закону о социальном страховании, подразумевающая отмену введенного в начале года увеличения взносов на социальное страхование на 2 п. п. Возникающей в результате дефицит бюджета Монголии (примерно 33 млн долл.) будет восполнен в рамках реализации механизмов Закона о борьбе с пандемией. В конце первого полугодия 2021 г. правительство Монголии объявило о продлении до конца декабря 2021 г. следующих мер поддержки населения: увеличение выплат пособий по уходу за детьми; освобождение от оплаты коммунальных услуг [4].

## **МЕРЫ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ, ФИНАНСОВОЙ И ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ**

Банком Монголии в период пандемии реализовывались активные меры денежно-кредитной и финансовой политики. В конце первого квартала 2020 г. Банк Монголии понизил учетную ставку на 100 базисных пунктов до 10%, снизил обязательный резерв национальной валюты для коммерческих банков на 200 базисных пунктов до 8,5%, а также сузил коридор колебания процентной ставки до  $\pm 1\%$ . В результате, установленные более низкие резервные требования сгенерировали около 113,4 млн долл. (0,8% ВВП) дополнительной ликвидности в банковской системе Монголии. Также, Банк Монголии и Комиссия по финансовому регулированию реализовали временные меры, предусматривающие смягчение условий в отношении пруденциальных требований, классификации кредитов и стандартов реструктуризации долга. В начале второго квартала 2020 г. Банк Монголии продолжил осуществлять снижение учетной ставки до 9%, а также разрешил текущим заемщикам потребительских кредитов

отложить выплаты основной суммы и процентов по ней на срок до 1 года [1]. При этом, начиная с 1 апреля 2020 г. коммерческие банки коллективно снизили комиссию за межбанковские транзакции на 20–100% на небольшие суммы, которые пользуются популярностью у большинства населения Монголии [10].

Закон о борьбе с пандемией, одобренный парламентом Монголии 30 апреля 2020 г., обязал Банк Монголии применять нетрадиционные меры денежно-кредитной политики, включая покупку облигаций, выпущенных государственными предприятиями для компенсации нехватки доходов банков, вызванной: отменой реализации программы пенсионного обеспечения в начале 2020 г.; срочным льготным финансированием золотодобывающей отрасли и временным возобновлением субсидированием программы ипотечного кредитования, завершившейся в конце 2019 г. К концу 2020 г. сумма расходов по данным нетрадиционным мерам Банка Монголии составила около 289 млн долл. (2% ВВП) [5].

В третьем квартале 2020 г. Банк Монголии продлил временные меры смягчения ранее упомянутых условий функционирования банковского сектора до конца года, срок действия которых должен был истечь в конце июля 2020 г., а также снизил учетную ставку до 8%. В середине четвертого квартала 2020 г. Банк Монголии снижает учетную ставку до 6%, при понижении обязательных резервов национальной валюты на 250 базисных пунктов, а также продлевает временные меры смягчения условий функционирования банковского сектора до конца первого полугодия 2021 г. [4].

В январе 2021 г. Закон о борьбе с пандемией, срок действия которого должен был истечь в конце 2020 г., был продлен до конца первого полугодия 2021 г. В результате нетрадиционные операции Банка Монголии, в частности субсидирование ипотечной программы и льготного кредитования золотодобывающей отрасли, также были расширены [5].

Около 90% экспорта Монголии приходится на Китай [11]. Поэтому, закрытие границ с КНР оказалось довольно чувствительным для монгольских экспортеров, которые поставляют на внешние рынки главным образом минеральное сырье, и экономики Монго-

лии в целом. Экспорт из Монголии в КНР был приостановлен с 10 февраля 2020 г., хотя экспорт угля начал постепенно возобновляться с 15 марта 2020 г. Данные обстоятельства негативно повлияли на обменный курс национальной валюты и на платежный баланс Монголии. В результате, курс тугрика к доллару США был девальвирован с 2743 в начале 2020 г. до 2858 в сентябре 2020 г. [12]. Далее, по мере улучшения обстановки в КНР, экспорт из Монголии стал иметь тенденцию к увеличению, что было связано с реализацией накопленных запасов сырьевых товаров, позволяя укрепить курс национальной валюты до 2854 тугрика за доллар и удерживать данный курс первую половину 2021 г.

## **ЭКОНОМИКА МОНГОЛИИ: СРЕДНЕСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Правительство Монголии, как ранее упоминалось, опирается на поддержку международных организаций и ведущих стран мира для поддержки национальной экономики в период коронакризиса. Поэтому, привлечение льготных кредитов и безвозмездных перечислений из-за рубежа останется в перспективе одним из важных аспектов поддержания функционирования монгольской экономики. Так, во второй половине 2021 г. обсуждается вопрос о получении 55,1 млн долл. от ЕС для стимулирования экономики Монголии. Помимо этого, ЕС также поддержал усилия правительства Монголии по увеличению занятости и повышению прозрачности государственных расходов, а также направленная на устранение социальных и экономических последствий пандемии COVID-19 предоставив целевой грант в размере 59,0 млн долл. [13]. Монголия является одной из стран, которая получает финансовую поддержку в рамках реализуемого пакета стимулирующих мер Азиатского банка развития общим объемом 20 млрд долл., из которых на монгольскую сторону пришлось около 400 млн долл. на реализацию 27 проектов, связанных с государственным управлением, здравоохранением, поддержкой финансовой системы, а также сельского хозяйства [14].

В начале февраля 2021 г. премьер-министр Монголии объявил о начале реализации трехлетнего пакета стимулирующих экономи-



ческих мер, отраженного в комплексном плане восстановления монгольской экономики на 2021–2023 гг., размер которого в 2021 г. оценивается в 5% ВВП. Данный пакет стимулирующих мер в значительной степени будет профинансирован Банком Монголии [5]. Кроме того, правительство Монголии реализует 14 крупных инвестиционных проектов в области пищевой промышленности, сельского хозяйства и развития инфраструктуры на сумму 720 млн долл. Также, правительство Монголии планирует выделить 105 млн долл. на закупку кашемира у пастухов по льготной ставке 3% [13].

Опыт Монголии по всеобщей вакцинации населения считается положительным фактором для восстановления национальной экономики, поэтому перспективы монгольского экономического роста в среднесрочной перспективе видятся довольно позитивными, а продолжение реализации государственной политики в области здравоохранения, поддержания макроэкономической стабильности, усиление социальной защиты и содействие реформам для улучшения инвестиционного климата являются главными приоритетами для развития экономики [15]. На основании этого, согласно прогнозам ведущих глобальных и субглобальных организаций, монгольская экономика в кратко- и среднесрочной перспективе способна показать сравнительно высокие темпы прироста ВВП – до 5,0% [16].

Реализуемые меры расширения кредитования для малых предприятий способствовало сохранению их инвестиционной активности [15]. Ожидается, что впоследствии экономический рост Монголии будет наращиваться по мере ослабления распространения коронавируса, а также решения проблем, связанных с транспортировкой и логистикой экспортных товаров и расширения внутреннего спроса. Риски ухудшения перспектив роста монгольской экономики включают в себя неблагоприятные последствия распространения новых видов коронавируса, что способно вызвать большое число зараженных при закрытии государственных границ, негативно влияя на экспорт и увеличивая инфляцию за счет нарушения поставок потребительских и инвестиционных товаров из-за рубежа [4].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период пандемии в 2020 г. наблюдалось заметное сокращение экономики Монголии. С точки зрения мер государственной политики по поддержке национальной экономики в период пандемии Монголия, имеющая накопленные резервы, а также получая финансовую помощь от международных организаций и ведущих стран мира, осуществила масштабную реализацию нескольких пакетов мер бюджетный, денежно-кредитной и финансовой политики, которые в сумме составили более 17% ВВП страны, являясь одним из самых высоких показателей в Северо-Восточной Азии. Правительство Монголии принимает активные меры по поддержке малоимущих и социально уязвимых слоев населения, предприятий малого бизнеса и ключевых секторов экономики. Поскольку главным источником экономического роста Монголии является экспорт, то открытие границ с основным торговым партнером – с КНР неизбежно способствовало восстановлению монгольской экономики в первой половине 2021 г. На основании этого, согласно оценкам ведущих глобальных и субглобальных организаций, экономика Монголии в среднесрочной перспективе способна показать относительно высокие темпы прироста только в том случае, если режим внешней изоляции не будет существенно продлен.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mongolia COVID Country Profile. URL: [https://www.unescap.org/sites/default/d8files/2021-03/Mongolia\\_COVID%20country%20profile%20230321.pdf](https://www.unescap.org/sites/default/d8files/2021-03/Mongolia_COVID%20country%20profile%20230321.pdf) (дата обращения: 20.11.2021).
2. *Anhtuya B.* Taking no Chances: Mongolia to Extend lockdown. URL: <https://news.mn/en/792655/> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Mongolia's Foreign Trade Review. December 2020. URL: <https://www.mongolbank.mn/documents/statistic/externalsector/tradebalancereview/2020/12e.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).
4. *Изотов Д.А.* Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6.
5. Policy Responses to COVID-19. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: 20.11.2021).

6. *Dorjdagva J., Batbaatar E., Kauhanen J.* Mass Testing for COVID-19 in Ulaanbaatar, Mongolia: ‘One Door-One Test’ Approach // *The Lancet Regional Health – Western Pacific*. 2021. Vol. 9. Pp. 100141. <https://doi.org/10.1016/j.lanwpc.2021.100149>

7. *Erkhembayar R., Dickinson E., Badarch D., Narula I., Warburton D., Thomas G.N., Ochir C., Manaseki-Holland S.* Early Policy Actions and Emergency Response to the COVID-19 Pandemic in Mongolia: Experiences and Challenges // *Lancet Global Health*. 2020. Vol. 8. Pp. 1234–1241. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30295-3](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30295-3)

8. *Turgenbayar B.* The Assessment of Mongolian Sovereign Funds // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 21. Pp. 116–143. (дата обращения: 20.11.2021).

9. World Bank Group’s Response to COVID-19 (Coronavirus) in Mongolia. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/brief/world-bank-groups-response-to-covid-19-coronavirus-in-mongolia> (дата обращения: 20.11.2021).

10. We Have Called for E-Banking Services and Reduced Low Transaction Fees. URL: <https://www.mongolbank.mn/news.aspx?tid=1&id=2480> (дата обращения: 20.11.2021).

11. Mongolia Exports by Country and Region 2019. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/MNG/Year/LTST/TradeFlow/Export/Partner/all/> (дата обращения: 20.11.2021).

12. Mongolia Exchange Rate Against USD. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/mongolia/exchange-rate-against-usd> (дата обращения: 20.11.2021).

13. COVID-19 and the World of Work. Country Policy Responses. Mongolia. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#MN> (дата обращения: 20.11.2021).

14. ADB COVID-19 Response: Mongolia. URL: <https://www.adb.org/countries/mongolia/covid-19-response> (дата обращения: 20.11.2021).

15. ADB Forecasts 4.6% Growth in Mongolia in 2021 Backed by Accommodative Policies. URL: <https://www.adb.org/news/adb-forecasts-4-6-growth-mongolia-2021-backed-accommodative-policies> (дата обращения: 20.11.2021).

16. World Economic Outlook Database / International Monetary Fund. 2021. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: 20.11.2021).

# **REVIEW AND PROSPECTS OF ECONOMIC AND TRADE COOPERATION BETWEEN MONGOLIA AND NORTHEAST ASIAN COUNTRIES UNDER THE INFLUENCE OF THE NEW CROWN EPIDEMIC**

*Zhang Xiujie*

*Institute of Northeast Asian Studies, Academy of Social Sciences Heilongjiang Province  
Harbin, PRC*

*Abstract.* In 2020, due to the new crown epidemic, cooperation between Mongolia and Northeast Asian countries has also been affected, and economic and trade cooperation has declined. Looking to the future, the smooth development of cooperation between Mongolia and Northeast Asia depends on the control of the new crown epidemic, the development of China's economy and the export of mineral products. Mongolia has successively issued mid- and long-term development plans, the People's Party has unified the 'three powers' and improved policy stability will also help cooperation with Northeast Asia. Judging from the cooperation situation in the first half of 2021, the opportunities for cooperation between Mongolia and Northeast Asian countries have increased.

*Keywords:* COVID-19, Mongolia, Northeast Asia, Economic and Trade Cooperation.

# ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МОНГОЛИИ СО СТРАНАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ COVID-19

*Чжан Сюэзе*

*Институт исследований Северо-Восточной Азии,  
Академия общественных наук провинции Хэйлуцзян  
Харбин, КНР*

*Аннотация.* В 2020 г. из-за новой эпидемии существенно изменилось сотрудничество между Монголией и странами Северо-Восточной Азии, экономическое и торговое сотрудничество сократилось. Если смотреть в будущее, то развитие сотрудничества между Монголией и странами Северо-Восточной Азией зависит от контроля над новой эпидемией, развития экономики Китая и экспорта минеральных продуктов. Монголия последовательно разрабатывает и реализует среднесрочные и долгосрочные планы развития. Судя по ситуации сотрудничества в первой половине 2021 г., возможности сотрудничества между Монголией и странами Северо-Восточной Азии увеличились.

*Ключевые слова:* COVID-19, Монголия, Северо-Восточная Азия, торгово-экономическое сотрудничество.

After Mongolia entered a transitional period in the early 1990s, the ‘multi-pivot’, ‘all-round’, open, and economic-centric foreign policy has provided favorable conditions for Mongolia to actively participate in cooperation in Northeast Asia. In the past 30 years of exchanges and cooperation, Northeast Asian countries have always been Mongolia’s most important partners and have played a vital role in its economic and social

development. With its abundant resources and strategic location of the Eurasian Continental Bridge, Mongolia actively participates in the ‘Belt and Road’, ‘Eurasian Economic Union’, etc., creating huge possibilities for Mongolia to deepen cooperation with Northeast Asia [1, p. 329].

## **IN 2020, ECONOMIC AND TRADE COOPERATION BETWEEN MONGOLIA AND NORTHEAST ASIAN COUNTRIES DROP SHARPLY**

Mongolia is the second largest landlocked country in the world. It connects China and Russia from the north to the south, and connects Northeast Asia and Central Asia from the east to the west. It has a unique geographical location [2, p. 47]. Mongolia’s trading partners have basically been around 160 in the world in recent years, and the proportion of imports and exports with Northeast Asian countries in Mongolia’s total foreign trade is not stable, but remains above 74%. Among them, Mongolia has always been in a surplus position in import and export trade with China and North Korea, while it has always been in a deficit with Russia, Japan, and South Korea. Because Mongolia's import and export with China accounted for more than 60% of its total foreign trade, Mongolia's foreign trade import and export has always been in a surplus. In 2020, Mongolia's trade balance increased by 790 million US dollars over the same period of the previous year, with a surplus of 2.282 billion US dollars, a year-on-year increase of 52.95% (*Table 1*).

Among the Northeast Asian countries, China is Mongolia’s largest trading partner, Russia is Mongolia’s traditional partner, Japan is Mongolia’s first country to sign the EPA, and South Korea is most likely to be Mongolia’s second sign of EPA country [3, p. 51]. From the 2016–2020 five-year import and export data of Mongolia and Northeast Asian countries, Mongolia’s import and export volume with China, Russia and Japan has increased year by year in the first four years. In 2020, affected by the new crown epidemic, Mongolia’s trade with China A year-on-year decrease of 16.35%, a year-on-year decrease of 18.97% in trade with Russia, and a year-on-year decrease of 30.78% in trade with Japan. Mongolia’s imports and exports with South Korea have been relatively

stable in the past five years. The trade volume has not exceeded 300 million U.S. dollars, accounting for about 2% of Mongolia's total imports and exports. Mongolia and South Korea's imports and exports have dropped by 12.88% in 2020. New crowns the impact of the epidemic is also relatively small. Mongolia and North Korea's import and export volume is very small. The highest in 2019 was US\$3.7 million. However, due to the relatively stricter epidemic control implemented by the North Korean government, the import and export volume between Mongolia and North Korea was only US\$180,000 in 2020 A year-on-year decrease of 95.14%. In 2020, the total import and export volume between Mongolia and the above-mentioned five Northeast Asian countries decreased by USD 2.015 billion from the previous year, a year-on-year decrease of 17.45%.

*Table 1*

**The import and export situation of Mongolia and Northeast Asian countries from 2016 to 2020, \$100 million, %**

Country	2016		2017		2018		2019		2020	
	Total	Pro-portion	Total	Pro-portion	Total	Pro-portion	Total	Pro-portion	Total	Pro-portion
Mongolia	82.75	100.00	105.38	100.00	128.87	100.00	137.47	100.00	128.70	100.00
China	49.63	59.98	67.37	63.93	85.38	66.25	88.51	64.38	74.04	57.53
Russia	9.36	11.31	12.85	12.19	17.96	13.94	17.98	13.08	14.57	11.32
Japan	3.45	4.17	3.78	3.59	5.88	4.56	6.01	4.37	4.16	3.23
South Korea	2.06	2.49	2.09	1.98	2.84	2.20	2.95	2.15	2.57	1.99
North Korea	0.021	0.025	0.023	0.022	0.015	0.012	0.037	0.027	0.0018	0.0014
Sum	64.52	77.97	86.11	81.71	112.08	86.97	115.49	84.01	95.34	74.08

*Source:* Mongolian Statistical Information Service. URL: <http://www.1212.mn> (accessed August 2021).

In 2020, Mongolia exported products to 75 countries and regions in the world. Among them, exports to China accounted for 72.52% of

Mongolia's total exports, and exports to other Northeast Asian countries accounted for less than 1% of its total exports. In 2020, Mongolia will import goods from 142 countries and regions. Imports from China accounted for 36.08% of Mongolia's total imports, Russia accounted for 26.44, Japan accounted for 7.69%, and South Korea accounted for 4.46%. The main commodities exported by Mongolia are mineral products, textiles, raw hides, cooked hides, animal hair and its products, pearls, gems, precious metals, cultural goods, etc. The main imported commodities are mechanical and electrical products and spare parts, energy products, road, aviation and waterway transportation vehicles and their parts, textiles, chemical and chemical products, plant products and food, steel and their products, etc.

According to Mongolian statistics, from 1990 to 2019, a total of more than 10,000 foreign-funded enterprises from 102 countries and regions made direct investments in Mongolia. As of the end of 2019, Mongolia's foreign investment stock was 22.556 billion U.S. dollars. The mining sector is the main area for Mongolia to attract direct investment. It has roughly tripled in the past 10 years and reached 16.4 billion US dollars by the end of 2019, accounting for 72.70% of the total foreign investment. Followed by the wholesale, retail, and repair of automobiles and motorcycles the total investment at the end of 2019 was US\$1.8 billion, accounting for 7.98% of the total foreign investment. Although the composition of the sectors that attract foreign investment has not changed much in the past 10 years, the proportion of the financial and insurance sectors in the total foreign investment has increased from 2.8% in 2010 to 4.6% in 2019. Although the proportion of construction and other service sectors in total foreign investment has become smaller than 10 years ago, the amount of investment has increased by 1.6 times and 1.8 times, respectively. Only in the fields of manufacturing and information communication have the amount and proportion of foreign investment reduced in the past 10 years. Due to labor shortages caused by the epidemic and other reasons, from January to April 2020, Mongolia's foreign direct investment fell by 21.5% year-on-year, and the amount of foreign investment was 491.4 million U.S. dollars.



Countries such as Canada, China, Singapore, Luxembourg, Japan, the United States, the United Kingdom, Switzerland, Russia, and South Korea are the main sources of investment in Mongolia. Among the Northeast Asian countries, China and Japan have relatively stable investment in Mongolia (*Table 2*). As of the end of 2019, China’s total investment in Mongolia was US\$5.069 billion, Japan reached US\$923 million, and South Korea and Russia’s total investment in Mongolia was US\$464 million and US\$143 million, respectively [4].

*Table 2*

**The amount of investment in Mongolia by major countries in Northeast Asia, \$100 million**

Country	2015	2016	2017	2018	2019
China	1.97	2.47	2.24	3.58	3.15
Japan	0.61	0.94	0.92	2.44	1.22
Russia	0.10	0.04	0.30	0.18	0.31
South Korea	0.45	0.28	0.10	0.27	0.22

*Source:* Bank of Mongolia. URL: <http://www.mongolbank.mn> (accessed August 2021). (In Mongolian); Mongolian Statistical Information Service. URL: <http://www.1212.mn> (accessed August 2021).

**THE EXTERNAL FACTORS AFFECTING MONGOLIA'S COOPERATION WITH NORTHEAST ASIA ARE STILL UNCERTAIN**

The new crown epidemic continues to intensify. In the first half of 2021, the epidemic situation in Mongolia was severe. The number of new confirmed cases of new crowns in a single day broke the record for many consecutive days. On June 13<sup>th</sup>, the number of confirmed cases exceeded 2000 for the first time. The Delta and Alpha strains of the new crown mutant virus have appeared in Mongolia. In response to the increasingly severe epidemic situation, the Mongolian government once again extended the high alert status for epidemic prevention and control in the capital Ulaanbaatar, and imposed strict restrictions on business activities in 18 types of industries. Except for Genghis Khan International Airport, Zamyn-Uud Port and Alatan Prague port, passenger traffic at other border ports in Mongolia will be suspended.

Both China and Mongolia, Russia and Mongolia are intensifying the control of border and customs clearance activities, leading to a sharp increase in transportation costs, and Mongolia's coal exports are affected. At the same time, imports of daily necessities have been blocked, putting pressure on consumers [5, p. 87]. At the same time, countries including Mongolia are still facing the risk of a rebound of the new crown epidemic and mutations the economic and trade cooperation between Mongolia and Northeast Asian countries will also be affected.

The economic recovery of Mongolia depends on the export of mineral products to China. China is Mongolia's most important trading partner the impact of the epidemic on China's economy and China-Mongolia import and export trade be very obvious in the first quarter of 2020 [6, p. 26]. Looking at the whole year of 2020, due to the decline in China's coal consumption and the closure of the Sino-Mongolian port due to the epidemic, Mongolia's coal export to China was 27.21 million tons, a year-on-year decrease of 23.99%. Therefore, Mongolia's economy also declined that year. In the first half of 2021, Mongolia's coal exports are still severely impacted by repeated epidemics. From January to July, Mongolia's coal exports totaled 10.312,300 tons, a decrease of 919,500 tons from the same period last year and a year-on-year decrease of 8.2%.

Although Mongolia's mineral exports are expected to grow with China's economic growth, many companies in the non-mining sector still face the risk of layoffs or even bankruptcy. The policy of benefiting people and enterprises of the Mongolian government in 2020 will end on July 1, 2021. In the current severe situation of the new crown epidemic, if these preferential policies are not available, it will obviously bring a heavy burden to enterprises and the public. With a single economic structure, a shortage of international reserves and high prices, Mongolia is also facing export barriers, rising unemployment and increasing non-performing loans. It is precisely in view of Mongolia's complicated economic development environment and the continuous recurrence of the new crown epidemic that major international authorities have repeatedly reduced Mongolia's economic growth rate in 2021.

## **THE STABLE TREND OF MONGOLIAN POLICY WILL HELP COOPERATION WITH NORTHEAST ASIA**

Mongolia has successively issued mid- and long-term development plans. On May 13, 2020, the Mongolian Parliament reviewed and approved the outline document ‘Vision-2050’ for Mongolia's long-term development plan. ‘Vision-2050’ is mainly divided into nine major items, 50 specific goals and tasks. Starting from 2020, every 10 years is a development stage, focusing on national rejuvenation, population development, improvement of living standards, economic development, national governance, and green Development and social stability, regional development, urban construction and other aspects have put forward specific development plans. On August 28, 2020, the Mongolian National Assembly passed the Mongolian government policy program for 2020–2024 and Mongolia's five-year development plan for 2021–2025. In terms of economic policies, it is pointed out that strengthening the construction of the macroeconomic environment, overcoming economic difficulties, ensuring sustainable growth and developing priority areas of the economy, that is, giving priority to the development of heavy industry and producing high value-added products, supporting integrated mining and metallurgical projects, and building railways to promote mineral products along the route Transportation and export. In addition to expanding the export of mineral products, the Mongolian government has also worked hard to improve the export environment, expand the export of meat, cashmere and other livestock products, and diversify the export commodities. In addition, in response to the new crown epidemic, the Mongolian government is implementing economic support measures that can increase investment, gradually resume non-mining production, and promote domestic economic growth [7, p. 28]. Development plans such as ‘Vision-2050’ provide a relatively long-term and stable policy guarantee for economic and trade cooperation between Mongolia and Northeast Asian countries.

The ‘three powers’ of the People's Party have been unified, and policy stability has improved. On June 9, 2021, Mongolia held a presidential election. The Mongolian People's Party candidate Ukhnaa-

giin Khurelsuh became the new president of Mongolia. Previously, on November 14, 2019, the Mongolian National Great Hural passed the ‘Amendment to the Constitution of Mongolia’ and decided to officially promulgate and implement the new ‘Constitution’ from May 25, 2020. According to the current constitution, the term of office of the president is six years, only one term. This presidential election is the eighth presidential election held by Mongolia since 1992 when it implemented a parliamentary system with a president. It is also the first presidential election held after Mongolia's newly revised constitution and presidential election law took effect. Ukhnaagiin Khurelsuh said in his campaign and propaganda activities, Mongolia should insist on the transition from implementing a caring policy to implementing a labor policy, change from the development of mining industry to the development of processing industry, change from an importing country to an exporting country these are the three basic development directions of the country’s future development plan. With the victory of the Mongolian People’s Party in the 2020 parliamentary election, according to the relevant laws and regulations of Mongolia, the Mongolian People’s Party proposes the prime minister according to its authority and forms a separate cabinet. Currently, Mongolian President Ukhnaagiin Khurelsuh, Mongolian Prime Minister Oyun Erden, and Mongolian Parliament Speaker Zanden Shatar are all members of Mongolia’s ruling party-the Mongolian People’s Party. As a result, the rare phenomenon that the Mongolian People’s Party has the ‘three powers’ position can alleviate the political instability and policy changes in Mongolia.

## **INCREASED OPPORTUNITIES FOR COOPERATION BETWEEN MONGOLIA AND NORTHEAST ASIAN COUNTRIES**

Epidemic prevention cooperation is still in effect play. Since Mongolia reported its first local confirmed case of COVID-19 in November 2020, the epidemic prevention and control situation has become increasingly severe. As of May 11, 2021, the state of public alert for epidemic prevention and control has been implemented four times. According to a report from the Ministry of Health of Mongolia on June

30, there were 2246 newly confirmed cases in the country in a single day, and a total of 115,478 confirmed cases; a total of 76,654 cases were cured; a total of 582 deaths (including 19 deaths from comorbidities); and 14,121 existing hospitalized cases Example; another 24,112 people are in the home isolation stage. In response to the epidemic, the Mongolian government regards the procurement and vaccination of the new crown vaccine as the top priority of the epidemic prevention and control, and being sandwiched between two friendly strategic partners, major vaccine manufacturers, China and Russia, has given it certain advantages. At present, Mongolia has received nearly 3.27 million doses of new crown vaccine, of which China National Pharmaceutical Group's new crown vaccine accounts for 90.8% (2,968,800 doses). Russia provided 1.3 million doses of the 'Satellite V' vaccine to Mongolia, of which 300,000 doses were aid. As the epidemic situation in Mongolia continues to worsen, are cooperating with Japan and South Korea to investigate virus samples.

New changes in economic and trade cooperation with Northeast Asian countries. In the first quarter of 2021, Mongolia's import and export volume was US\$3.524 billion, a year-on-year increase of 60.33%. Among them, exports were US\$2 billion, a year-on-year increase of 93.05%; Imports were US\$1.524 billion, a year-on-year increase of 31.15%. Northeast Asian countries are still their main trading partners, China is the main exporter, and Russia, Japan, and South Korea are the main sources of imports. Mongolia's bilateral trade with China rose to US\$2.446 billion, accounting for 69.41% of Mongolia's total foreign trade. Exports to China amounted to US\$1.85 billion, accounting for 92.5%, and imports from China were US\$596 million, accounting for 39.11% of Mongolia's total imports. Imported 407 million US dollars from Russia, accounting for 26.71% of its total imports; Imports of 117 million US dollars from Japan, equivalent to 7.68% of total imports, Japan is Mongolia's third largest importer. Imports from South Korea totaled US\$509.6 million, equivalent to 3.91% of total imports, South Korea is Mongolia's fourth largest source of imports. Judging from the currently available data, the overall situation of Mongolia's foreign trade is better than that of the same period last year, and imports from the four

Northeast Asian countries have reached 30.70% of the previous year's. Aside from the analysis of the factors affecting the new crown epidemic, the economic and trade cooperation between Mongolia and Northeast Asian countries still has the following advantages. First of all, Mongolia has joined the 'Asia-Pacific Trade Agreement' and implemented mutual tariff reduction arrangements with relevant members on January 1, 2021. China and South Korea are members of the Asia-Pacific Trade Agreement. For example, Mongolia's exports of coking coal and leather products to China can enjoy a 50% tariff preference, and China will also reduce tariffs on imported Mongolian coal. Secondly, in order to support coal production and export, Mongolia has customized 810 large-load gondola cars in Russia to help Mongolia transport coal to the Chinese market. Mongolia will open a representative office in Vladivostok, Russia, to expand Mongolia's commodity transit and transportation routes. Mongolia and Japan are also working hard to study cooperation in dry coal preparation projects to improve the quality of Mongolian coal and save railway transportation capacity. Mongolia's coal production and export will increase significantly in the future. Third, Mongolia's participation in China-Russia and China-Japan cooperation projects highlights Mongolia's geostrategic importance as the Eurasian continental bridge, and Mongolia's participation in multilateral cooperation with Northeast Asian countries has increased. China and Russia announced that the new natural gas pipeline will 'Borrow a way' Mongolia, making it an important transit point for China and Russia's natural gas and related supply chains. After the completion of the new natural gas pipeline, not only will China's energy security guarantees be improved again, Russia will benefit from this, and Mongolia will also gain jobs and benefits from it. Mongolia also got on the China-Europe Express train, in the first quarter of 2021, the number of China-Europe Express trains that cross the border of Mongolia through Erlian reached 776, the returning train brings back fruits and other goods from Europe to Mongolia, it supplemented the Mongolian market and also benefited the people. In June 2021, the 'Japan-China (Lianyungang)-Mongolia' complete China Railway Box Rail-Sea Express train and the 'Japan-Wuhan-Erenhot-Mongolia-Ulaanbaatar Line' started successfully, and the new sea-rail

combined transport channel was officially officially launched. The operation has enabled Mongolia to take a step forward towards the expansion of diversified transportation channels in the 'Road to Development' plan. Within the framework of the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Mongolia and Russia, further improve the operational efficiency of the Ulaanbaatar Railway Joint Stock Company, which is jointly operated by Russia and Mongolia, Within the framework of the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Mongolia and Russia, the two countries will further improve the operational efficiency of the Ulaanbaatar Railway Joint-Stock Company, which is jointly operated by Russia and Mongolia to upgrade the railway infrastructure and upgrade the train traction system further consultation and close cooperation.

The deepening of China-Mongolia cooperation will take new steps. In the first quarter of 2021, among the mineral products exported by Mongolia, crude oil, iron ore, copper and zinc concentrates are all exported to China. Coal exports totaled 6.67 million tons, an increase of 113.73% compared with the same period last year, and 92.8% of coal was exported to China. In 2021, Mongolian and Chinese related companies signed an order of 30 million tons of coal. In the future, three new railway ports will be added on the border between China and Mongolia. With the gradual improvement of the coal railway transportation network on the border between China and Mongolia, Mongolia's coal exports to China will increase in the future, and Mongolia will be able to convert its coal advantages into sufficient foreign exchange reserves. China-Mongolia road connectivity is also reflected in the completion of the upgrading and reconstruction of the Erlian Railway Port, the inauguration of the Alashan Customs, the China-Europe Express train passes through Mongolia once a day. As a financial connection project, the Sino-Mongolian local currency swap agreement will be extended for another three years in 2020, which will help maintain regional financial stability and facilitate bilateral trade and investment. And after Mongolia joins the 'Asia-Pacific Trade Circle', China can enjoy a 24.2% tax reduction on 366 products. In addition, under the framework of co-construction of the 'Belt and Road' and the Mongolian 'Development Road', major

projects that have been agreed and are being negotiated, such as sewage treatment plants, hydropower stations, and shantytown renovation, are being advanced. China promises to expand the import of agricultural and animal husbandry products and coal from Mongolia, and to further strengthen cooperation at ports and cross-border economic zones. Continue to deepen the docking development between China's 'One Belt, One Road' and Mongolia's 'Development Road', and continue to advance the depth and breadth of China-Mongolia economic and trade cooperation [8, p. 49].

## REFERENCE

1. *Bulma A.S.* Possibility of Mongolia's Participation in Economic Cooperation in Northeast Asia. Northeast Asia Development Report (2018–2019) // Social Science Archives. 2021. Vol. 3.
2. *Lijun F.* An Analysis of Mongolia's 'Road of Development' and Northeast Asia Regional Economic Cooperation // Northeast Asian Journal. 2018. Vol. 4.
3. *Xiujie Z.* Status Quo and Prospects of Mongolia and Northeast Asian Countries Constructing Cooperation Mechanism // Northeast Asian Economic Research. 2019. Vol. 5.
4. Northeast Asia Economic Data Book 2020 / ERINA. 2020.
5. *Hhuiming S., Ming Z., Jingyi W.* Analysis of the Impact of Mongolia's New Crown Epidemic Situation on Port Economy and Trade // Northern Finance. 2021. Vol. 8.
6. *Xingbo L., Yang L., Wurilige, Yao Z.* Analysis of the Impact of the New Crown Pneumonia Epidemic on Inner Mongolia's Foreign Economic and Trade Cooperation // Northern Economy. 2020. Vol. 2.
7. *Qinglong M.* Thoughts on the Construction of China-Mongolia-Russia Economic Corridor in the Post-epidemic Era. Practice (Ideological and Theoretical Edition). 2020. Vol. 10.
8. *Suaratu.* Problems and Countermeasures of Economic and Trade Cooperation between China and Mongolia // Journal of Inner Mongolia Radio & TV University. 2019. Vol. 3.



## **ЭКОНОМИКА КНДР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

*Изотов Д.А.*

*Институт экономических исследований ДВО РАН  
Хабаровск, Россия*

*Аннотация.* По причине введенных санкций со стороны международного сообщества, экономика КНДР находилась в кризисном состоянии до введения режима внешней и внутренней изоляции в связи со сдерживанием распространения коронавирусной инфекции. В таких условиях мотивация северокорейского руководства сводится главным образом к поддержанию политической стабильности. При отсутствии случаев распространения коронавируса в стране, руководство КНДР в 2020 г. стало осуществлять меры по огосударствлению экономики, а также возводить приграничную карантинную инфраструктуру и применять косвенное изъятие валютных доходов у населения. В 2021 г. экономическая ситуация в КНДР стала постепенно нормализоваться в связи с возобновлением и расширением торговых взаимодействий с Китаем. В краткосрочной перспективе экономика КНДР может характеризоваться положительными темпами прироста, однако будущее ее состояние определяется экзогенными и эндогенными политическими процессами и факторами.

*Ключевые слова:* внешняя торговля, экономический рост, коронавирус, изоляция, карантинная инфраструктура, санкции, государственный сектор, КНДР.

# ECONOMY OF THE DPRK UNDER CONDITIONS OF THE PANDEMIC

*Izotov D.A.*

*Economic Research Institute FEB RAS*

*Khabarovsk, Russia*

*Abstract.* Before being isolated due to the coronavirus, the DPRK economy was in crisis due to sanctions from the international community. In such conditions, the motivation of the North Korean leadership comes down to maintaining political stability. In the absence of cases of the spread of coronavirus in the country, the North Korean leadership in 2020 began to implement measures to nationalize the economy, as well as build a border quarantine infrastructure and apply indirect withdrawal of foreign currency from the population. In 2021, the economic situation in the DPRK began to gradually normalize due to the recovering and expansion of trade relations with China. In the short term, the North Korean economy may be characterized by positive growth rates, but its medium-term position is determined by political factors.

*Keywords:* foreign trade, economic growth, coronavirus, isolation, quarantine infrastructure, sanctions, public sector, DPRK.

## ВВЕДЕНИЕ

В КНДР в 2012–2016 гг. проводились частичные рыночные реформы, которые позволили экономике страны ежегодно прирастать на 1–2% в год. Однако, в 2017 г. КНДР провела очередные испытания новых вооружений – межконтинентальных ракет, теоретически способных поражать цели на территории США, по всей видимости, с дальнейшим расчетом на заключение определенного соглашения с американской стороной [1]. Во время проведения саммита США – КНДР в Ханое в феврале 2019 г. такое соглашение не

было заключено, зато на КНДР были распространены новые санкции, введенные Советом Безопасности ООН, которые существенно ухудшили без того скромные возможности развития внешнеэкономических взаимодействий, поскольку в начале 2010-х гг. правительство Республики Корея запретило национальным компаниям осуществлять экономические контакты с КНДР, с 2017 г. торговля КНДР с Республикой Корея прекратилась [2], а относительно прочные торгово-экономические связи с Китаем также были существенно пересмотрены, особенно с точки зрения возведения совместной инфраструктуры [3]. В итоге, в 2017–2018 гг. экономика КНДР сокращалась на 3,5 и 4,1% соответственно, стабилизировавшись только в 2019 г.

Таким образом, экономика КНДР, не восстановившись от очередного санкционного шока, испытала новый шок, связанный с коронавирусом. Рассматривая влияние пандемии на экономику страны следует иметь в виду, что КНДР является уникальной страной с точки зрения функционирования политической и экономической системы. Специфика функционирования экономики КНДР довольно подробно изучена и сводится к следующим основным аспектам [4]: самые высокие в мире риски ведения свободной экономической деятельности; наличие гибридной системы командно-административной системы со значительными «теневыми» сегментами; наличие жестких санкционных ограничений со стороны международного сообщества; большая доля расходов направляется на нужды военно-промышленного комплекса; заметный приток средств из-за рубежа от трудовых мигрантов; зависимость от ввоза продовольствия, прочих потребительских и инвестиционных товаров из Китая и международных организаций при крайне ограниченном экспорте товаров; низкий среднедушевой доход и уровень жизни населения. Такая специфика политического и экономического уклада в КНДР может объяснить уникальность опыта КНДР в борьбе с распространением COVID-19 в стране.

## **ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С КОРОНАВИРУСОМ В КНДР И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ**

В отличие от других стран Северо-Восточной Азии, для сдерживания распространения коронавируса руководство КНДР сделало ставку не на всеобщую вакцинацию населения, а исключительно на жесткие меры соблюдения карантина в стране. Поскольку в КНДР политические отношения имеют примат над экономическими, в стране в период пандемии стала реализовываться директивная модель воздействия на экономическую систему в условиях внешней и внутренней изоляции [4].

КНДР была одной из первых стран, прекративших пассажирское сообщение с внешним миром – с февраля 2020 г. На основе значительного «контроля» над населением, руководство КНДР, по всей видимости, придерживается позиции, что такой системной организации вполне достаточно для недопущения проникновения в страну коронавируса.

Параллельно с этим, КНДР стала вести переговоры о масштабных поставках в страну препаратов для вакцинации населения от COVID-19 с международным альянсом вакцин по программе COVAX, предусматривающей бесплатное обеспечение вакцинами стран с низким доходом на душу населения, к которым относится КНДР. Ожидалось, что в страну будет поставлена пробная партия данного препарата, однако, в 2021 г. переговоры о поставках из-за рубежа в КНДР вакцины от коронавируса зашли в тупик [5]. Данное обстоятельство может объясняться тем, что с одной стороны, руководство КНДР не уверено в эффективности и надежности данных вакцин, опасаясь их серьезных побочных эффектов, с другой стороны в КНДР рационально придерживаются принципа получения надежных вакцин бесплатно и в широкомасштабных объемах, позволяющих осуществить всеобщую вакцинацию, с третьей стороны, КНДР опасается прибытия в страну медицинского персонала из-за рубежа, что является необходимым компонентом финансируемой международной программы вакцинации [6]. С другой стороны,

здравоохранение КНДР характеризуется отсутствием современной инфраструктуры и медицинского оборудования [7].

Далее, в конце второго квартала 2020 г. руководство КНДР ввело карантинные меры по отношению к ввозимым товарам из-за рубежа и стала возводить вдоль границы с КНР крупные санитарно-дезинфекционные пункты для применения к товарам из Китая карантинных мер и санитарной обработки [6]. В итоге, в 2020 г. экономика КНДР сократилась на 4,5%, что являлось крупнейшим ее «сжатием» с 1997 г., в котором падение экономики составило 6,5% [8]. Сектор услуг КНДР в 2020 г. сократился на 4% по отношению к 2019 г., особенно транспорт, оптовая и розничная торговля, услуги гостиничного сервиса и общепита. Промышленное производство КНДР сократилось на 3,8%, а сельское, лесное и рыбное хозяйство – на 7,6%. При этом, наблюдался рост сектора коммунального хозяйства КНДР на 1,6%, строительства – на 1,3%, а также расходов на государственное управление – почти на 1,0% [4].

Фактически, по эндогенным причинам КНДР в 2020 г. прервала относительно безопасные торговые взаимодействия с зарубежными странами. Данное обстоятельство привело к тому, что состояние экономики и социальной сферы КНДР стало стремительно ухудшаться, проявляясь в дефиците товаров [6], прежде всего продовольствия и медикаментов. В итоге, цены на потребительские товары в КНДР выросли [9]. Ситуация стала осложняться тем, что стратегия, нацеленная на самообеспечение продовольствием в КНДР была существенно скорректирована в связи с неблагоприятными погодными условиями лета 2020 г.

## **СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С КОРОНАВИРУСОМ В КНДР: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Руководство КНДР выбрало собственную стратегию в борьбе с коронавирусом на основании того, что любые другие режимы в мире не могут позволить себе настолько долго игнорировать последствия жесткого карантина, как для экономики, так и для общества [6]. Поэтому, к 2020 г., когда КНДР столкнулась с коронавиру-

сом, экономическая система страны уже находилась в кризисном положении, вызванным значительным ужесточением санкций со стороны международного сообщества, а также частичным сворачиванием рыночных реформ, вероятно, для поддержания политической стабильности в условиях изоляции [4].

В начале 2021 г. товарооборот КНДР с ее главным торговым партнером – китайской экономикой практически полностью прекратился. В этой обстановке руководители КНДР сделали ставку на всеобщую мобилизацию и усиление роли государства в экономике. Поэтому, меры государственной политики в КНДР скорее способствовали укреплению режима Трудовой партии Кореи, в отличие от других стран СВА, в которых осуществлялась непосредственная поддержка экономики и наиболее пострадавших слоев населения. Поэтому, часть привычных для стран с рыночным статусом мер государственной политики для КНДР в полной мере идентифицировать на основе имеющихся открытых источников информации не представляется возможным [4].

В начале 2021 г. на VIII съезде Трудовой партии Кореи в экономической части доклада Ким Чен Ына были озвучены некоторые императивные меры государственной политики страны на среднесрочный период, которые сводились к свертыванию определенной части рыночных свобод в экономике [4].

Несмотря на то, что бизнес тесно связан с существующим режимом КНДР и не стремится к его смене, рост частного сектора стал постепенно вносить вклад в либерализацию политической ситуации в стране [3]. В условиях изоляции в связи с COVID-19 руководство КНДР заявило о необходимости усиления роли Трудовой партии Кореи и расширении контроля над экономикой страны кабинетом министров, возвращаясь к опыту централизованного управления при допустимости некоторых экспериментов [6]. Нельзя исключать, что подобного рода общеэкономические меры могут носить явно декларативный характер. При этом, некоторые новые экономические механизмы (включают расширение внешней торговли, внедрение рыночных принципов, свободное «хождение» иностранной валюты в экономике и стабилизацию цен, а также по-

степенный переход КНДР к налоговой экономике) власти страны могут «затормозить» на приемлемый для себя срок [10].

На фоне экономического кризиса курс валюты КНДР в октябре 2020 г. составил около 8 тыс. северокорейских вон за доллар США и далее, укрепился до 6,5 тыс. вон по причине реализации указов, ограничивающих использование доллара и китайского юаня в стране, согласно которым были введены жесткие наказания для населения за использование этих валют в качестве платежного средства и средства обращения [11].

Меры в рамках отдельных секторов экономики более определенные [4]. В частности, на среднесрочный период в рамках развития сельскохозяйственного сектора руководство КНДР планирует выполнить план обязательных государственных закупок продовольствия (вероятно, по государственным ценам), преимущественно зерна, которое, в свою очередь, будет распределяться по карточной системе [6]. Также, в связи с необходимостью поддержания общенациональных карантинных мер, возможно ожидать расширения мер по огосударствлению сферы услуг в КНДР, прежде всего, сектора оптовой и розничной торговли, а также общественного питания и гостиниц.

## **ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КНДР В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД**

Реализованные меры государственной политики в среднесрочной перспективе могут привести к существенному сокращению экономики КНДР и даже к масштабному голоду. По мнению некоторых исследователей [10], для КНДР пролонгация кризиса 2020 г. может быть сопоставима по масштабу с катастрофой середины 1990-х гг., а социально уязвимые группы населения особенно в регионах КНДР столкнутся с серьезными финансовыми трудностями, если ситуация впоследствии продолжит ухудшаться. Вполне справедливо указывалось [11], что отсутствие заметных валютных резервов не позволит в таких условиях рассчитывать на поставки импортных товаров. При этом, впервые за 17 лет в 2020 г. руководство

КНДР решает выпустить государственные облигации, в том числе при помощи которых было бы возможным исполнить хотя бы часть запланированных ранее бюджетных расходов страны.

Однако, в 2021 г. экономическая ситуация в КНДР стала постепенно стабилизироваться за счет расширения торговых взаимосвязей с Китаем (товарооборот КНДР с КНР в 2020 г. составил всего 539 млн долл., что почти на 81% меньше по сравнению с аналогичным показателем прошлого года). В марте и апреле 2021 г. внешняя торговля КНДР стала восстанавливаться по мере ввода в тестовом режиме карантинно-дезинфекционных центров, расположенных на границе. Импорт из Китая в КНДР за сентябрь 2021 г. увеличился до 55,6 млн долл. [4].

Основными товарными группами, ввозимыми из Китая в КНДР за три квартала 2021 г. являлись табак и табачные изделия, соевое масло и медикаменты [13]. Ввиду исключительной важности КНДР для Китая, похоже, что КНР готовы обеспечить КНДР достаточными объемами товаров первой необходимости для того, чтобы избежать в данной стране масштабного голода и сохранить в ней политическую стабильность [6]. Экспорт из КНДР в Китай увеличился до 14,3 млн долл. в сентябре 2021 г., что является самым высоким значением данного показателя с декабря 2019 г. Также, согласно некоторым оценкам [13], КНДР продолжила вывозить уголь в КНР, что не учитывается в официальной таможенной статистике Китая ввиду распространения санкционных ограничений на экспорт данного продукта, введенных ООН в 2019 г.

В октябре 2021 г. стало известно, что КНДР ведет переговоры о возобновлении железнодорожного сообщения с Китаем и Россией [4]. Также, необходимые медикаменты для КНДР по программе ВОЗ стали доставляться в порт Нампо [14]. Параллельно с этим, дипломатические службы КНР и России пытаются убедить Совет Безопасности ООН в ослаблении санкций по отношению к КНДР за счет снятия запретов на экспорт данной страной морепродуктов и текстиля, а также на импорт нефтепродуктов [15].

Прежде чем перейти к прогнозным оценкам развития экономики КНДР в условиях борьбы с коронавирусом, следует заметить,



что в исследовательском сообществе в целом сложилось мнение о траекториях экономического роста страны, несмотря на ее довольно закрытый характер [4]. Развитие экономики КНДР сдерживают как эндогенные, так и экзогенные факторы. К экзогенным факторам, негативно влияющим на экономику страны, прежде всего, относятся санкции, по причине которых экономика КНДР не сможет вырасти более чем на 3,0% в год в среднесрочной перспективе. При условии сохранения санкций на текущем (более жестком) уровне, экономический рост страны может составить 1-2% и лишь только в том случае, если погодные условия будут достаточно благоприятными для ведения сельского хозяйства, а внешняя торговля будет относительно стабильной. Если санкции будут значительно смягчены, экономика КНДР может расти с темпом в 4,0% в год, но непродолжительное время. Для сохранения таких темпов прироста, экономике КНДР необходимы серьезные структурные реформы и открытость. Если экономика КНДР будет реформироваться и открываться, а также интегрироваться с глобальной и субглобальной экономикой, снижая риски ведения бизнеса в стране, то для нее возможен среднегодовой темп прироста ее экономики более 10,0% [4].

Соответственно, по мере снятия барьеров во внешней торговле после некоторого сокращения по итогам 2021 г., экономика КНДР, согласно оценкам, способна показать положительные темпы прироста в краткосрочной перспективе (2022–2023 гг.), которые находятся в диапазоне 1-2%. В случае, если санкционное бремя на экономику КНДР будет увеличиваться и подавление рыночных свобод в национальной экономике будет нарастать, экономический кризис, первоначально связанный с борьбой с COVID-19 продолжит оказывать негативное влияние на торговлю и социальную сферу, то темпы экономического роста КНДР могут быть и отрицательными в среднесрочном периоде [16]. При этом, несмотря на эндогенные риски, пандемия продемонстрировала сильную зависимость экономики КНДР от Китая и скорее укрепила, чем поставила под угрозу их тесные политические отношения [17].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда КНДР столкнулась с коронавирусом, ее экономика находилась в кризисе, ввиду ужесточения санкций, которые существенно сократили внешнюю торговлю страны, а также в связи с частичным сворачиванием экономических свобод. В условиях сдерживания распространения COVID-19 мотивация руководства КНДР сводится преимущественно к поддержанию политической стабильности. В условиях декларируемого отсутствия случаев распространения коронавируса в стране, руководство КНДР в 2020 г. стало осуществлять меры по огосударствлению экономики, а также возводить приграничную карантинную инфраструктуру и применять косвенное изъятие валютных средств у населения, накопленных в период нескольких волн трудовых миграций в близлежащие страны. Ужесточению также в 2020 г. было подвержено распределение продовольствия среди населения. Наряду с этим, руководство КНДР надеется получить бесплатно и в больших объемах вакцины от COVID-19 со стороны международного сообщества и отдельных зарубежных стран. В 2021 г. экономическая ситуация в КНДР стала постепенно нормализоваться в связи с возобновлением и расширением торговых взаимодействий с Китаем. На основании этого, экономика КНДР способна показать положительные темпы прироста в краткосрочной перспективе, однако будущее ее состояние зависит от политических факторов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ланьков А.* Из кризиса и обратно. Почему Северная Корея сворачивает экономические реформы. Московский центр Карнеги. Материалы. 14.01.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83630> (дата обращения: 15.11.2021).
2. *Jones R.S.* North Korean Economy Shrinks in 2020 / KEI. 01.10.2021. URL: <https://keia.org/the-peninsula/north-korean-economy-shrinks-in-2020/> (дата обращения: 15.11.2021).
3. *Ланьков А.* Возрождение рыночной экономики в Северной Корее. Московский центр Карнеги. Август 2015. URL:

[https://carnegieendowment.org/files/CP\\_Lankov2015\\_web\\_Rus.pdf](https://carnegieendowment.org/files/CP_Lankov2015_web_Rus.pdf) (дата обращения: 15.11.2021).

4. *Изотов Д.А.* Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. № 6.

5. *Котляр М.* СМИ узнали о тупике в переговорах о поставках вакцин от COVID-19 в КНДР / РБК. 04.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2021/60e15ea39a7947c716b9dd76> (дата обращения: 15.11.2021).

6. *Ланьков А.* Без снежков и рыбалки. Как Северная Корея борется с коронавирусом. Московский центр Карнеги. Материалы. 23.07.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85026> (дата обращения: 15.11.2021).

7. *Clarke C.* Kim Jong Un Grapples With the Worst Crisis in His Reign so far: A Crippled Economy, no COVID-19 Vaccines and Food Shortages / ABC News. 15.07.2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-14/kim-jong-un-grapples-with-the-worst-crisis-in-his-reign-covid/100270668> (дата обращения: 15.11.2021).

8. *Onchi Y.* North Korean Economy Shrinks 4.5%, Worst Slump under Kim Jong Un / Nikkei Asia. 31.07.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/North-Korean-economy-shrinks-4.5-worst-slump-under-Kim-Jong-Un> (дата обращения: 15.11.2021).

9. *Лоторев А.* Ким Чен Ын призвал граждан КНДР меньше есть до 2025 года / Газета.ру. 27.10.2021. URL: [https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/27/n\\_16759273.shtml](https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/27/n_16759273.shtml) (дата обращения: 15.11.2021).

10. *Lee S., Lee J., Kim K., Choi J.-Y.* 2020/2021 The DPRK Economic Outlook. Korea Development Institute, 2021. URL: [https://www.kdi.re.kr/kdi\\_eng/pub/17150/2020\\_2021\\_The\\_DPRK\\_Economic\\_Outlook](https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook) (дата обращения: 15.11.2021).

11. *Shin M.* What Is the Truth About COVID-19 in North Korea? / The Diplomat. 06.01.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/what-is-the-truth-about-covid-19-in-north-korea/> (дата обращения: 15.11.2021).

12. *Hong J.H.* Coronavirus Shock and North Korean Economy // Online series CO 20-18(E). Korea Institute for National Unification, 2020. URL: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/271a3667-e0ca-4741-91fd-63d6388ca0ec> (дата обращения: 15.11.2021).

13. *Davies C.* North Korea-China Trade Hits Highest Level Since Start of Pandemic / Financial Times. 20.10.2021. URL: <https://www.ft.com/content/a8f270ae-5cce-4ef3-a179-244b3d40311b> (дата обращения: 15.11.2021).

14. *Mehta A.* COVID-19: World Health Organisation Ships Essential Medical Supplies to North Korea / Sky News. 07.10.2021. URL: <https://news.sky.com/story/covid-19-world-health-organisation-ships-essential-medical-supplies-to-north-korea-12428169> (дата обращения: 15.11.2021).

15. *Nichols M.* China, Russia Revive Push to lift U.N. Sanctions on North Korea / Swiss Info. 02.11.2021. URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/china--russia-revive-push-to-lift-u-n--sanctions-on-north-korea/47076340> (дата обращения: 15.11.2021).

16. *Kim B.-Y.* North Korea's GDP: Features and Issues / Dialogue on the North Korea Economy. July 2021. Korea Development Institute. URL: [https://www.kdi.re.kr/kdi\\_eng/brd/9841/North\\_Korea%E2%80%99s\\_GDP:\\_Features\\_and\\_Issues&pp=10&mcd=003002](https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/brd/9841/North_Korea%E2%80%99s_GDP:_Features_and_Issues&pp=10&mcd=003002) (дата обращения: 15.11.2021).

17. *Char S.* North Korea's Covid-19 Choice. Greater Diplomatic and Economic Isolation. NBR. 21.05.2021. URL: <https://www.nbr.org/publication/north-koreas-covid-19-choice-greater-diplomatic-and-economic-isolation/> (дата обращения: 15.11.2021).

# THE STATUS QUO OF CROSS-BORDER TOURISM DEVELOPMENT IN NORTHEAST ASIA UNDER THE INFLUENCE OF THE COVID-19 EPIDEMIC

*Linlin Song*

*Institute of Northeast Asian Studies, Academy of Social  
Sciences Heilongjiang Province  
Harbin, PRC*

*Sun Ce*

*Academy of Social Sciences Heilongjiang Province  
Harbin, PRC*

*Abstract.* Before the outbreak of the new crown epidemic in 2020, the global tourism industry has passed a period of more than 60 years of steady growth. The outbreak of the new crown epidemic in early 2020 has caused the global economy to suffer an unprecedented blow. In order to prevent and control the spread of the epidemic, many countries around the world have announced the closure of borders and restrictions on personnel exchanges between countries. Restrictions on international travel have led to an unprecedented sharp drop in the number of international tourists, which has a serious impact on the tourism industry. Therefore, exchanges and cooperation between countries in Northeast Asia are bound to be affected by the epidemic, and cross-border tourism cooperation is severely hindered. This article mainly combs the current situation of cross-border tourism cooperation in Northeast Asia under the impact of the epidemic, and analyzes the many risks faced by tourists' outbound tourism under the epidemic.

*Keywords:* the COVID-19 epidemic, cross-border tourism, Northeast Asia.

*Acknowledgments.* The work is supported by the Heilongjiang provincial philosophy and social science fund project ‘Research on the construction of digital channels in our province’s economic and trade cooperation with Russia in the new era’ (20GJC198).

## **СТАТУС-КВО РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТУРИЗМА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭПИДЕМИИ COVID-19**

*Линлин Сонг*

*Институт исследований Северо-Восточной Азии,  
Академия общественных наук провинции Хэйлуцзян  
Харбин, КНР*

*Сунь Цэ*

*Академия общественных наук провинции Хэйлуцзян  
Харбин, КНР*

*Аннотация.* Перед вспышкой новой коронавирусной эпидемии в 2020 г. мировая туристическая индустрия прошла период более 60 лет устойчивого роста. Вспышка новой эпидемии в начале 2020 г. нанесла мировой экономике беспрецедентный удар. В целях предотвращения и контроля распространения эпидемии многие страны мира объявили о закрытии границ и ограничениях на обмен кадрами между странами. Ограничения на международные поездки привели к беспрецедентно резкому падению числа иностранных туристов, что серьезно сказалось на индустрии туризма. Таким образом, обмены и сотрудничество между странами Северо-Восточной Азии неизбежно пострадали от эпидемии, а международное туристическое сотрудничество серьезно затруднено. В статье в основном рассматривается текущая ситуация

в сфере трансграничного туристического сотрудничества в Северо-Восточной Азии под воздействием эпидемии, а также анализируются многие риски, с которыми сталкивается выездной туризм туристов в условиях эпидемии.

*Ключевые слова:* эпидемия COVID-19, приграничный туризм, Северо-Восточная Азия.

*Благодарности.* Работа поддержана проектом фонда философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян «Исследование создания цифровых каналов в экономическом и торговом сотрудничестве провинции Хэйлунцзян с Россией в новую эру» (20GJC198).

## INTRODUCTION

According to *the Sustainable development Goals Report 2021* released by the United Nations Statistics Division (UNSD), in the ten years before 2019, the growth rate of global tourism GDP was higher than that of other economic sectors, accounting for global domestic production in 2019. 4.1% of the total value, 3.7% in 2008 [1, p. 14]. The outbreak of the COVID-19 epidemic in early 2020 has caused the global economy to suffer an unprecedented blow. In order to prevent and control the spread of the epidemic, many countries around the world have announced the closure of borders and restrictions on personnel exchanges between countries. Restrictions on international travel have led to an unprecedented collapse in the number of international travelers with devastating implications. According to data released by the OECD, international tourism fell by around 80% in 2020 [2, p. 3]. Globally, the number of international tourists in 2020 has decreased by 74% compared with 2019, which meant that inbound tourism expenditure would lose 1.3 trillion US dollars, which was more than 11 times the loss caused by the 2009 global crisis. It was estimated that between 100 million and 120 million tourism jobs were at risk due to the epidemic, which particularly affects women [1, p. 14]. Therefore, countries in Northeast Asia have intro-

duced policies to restrict personnel exchanges, which are bound to severely influence cross-border tourism cooperation. This article will review in detail the status quo of cross-border tourism cooperation in Northeast Asia under the influence of the epidemic, and then propose countermeasures.

## **THE STATUS QUO OF CHINA'S TOURISM**

### **A Short Period of Depression of Domestic Tourism**

According to the 2020 Cultural and Tourism Development Statistical Bulletin, in 2020, there will be 2.879 billion domestic tourists in the whole year, a decrease of 52.1% over the same period of the previous year. Domestic tourism revenue was 2.23 trillion yuan, a year-on-year decrease of 61.1%<sup>1</sup>. It can be seen that under the impact of the new crown epidemic, the number of domestic tourists and tourism income in China is lower than the value in 2012, and the development of domestic tourism will enter a short period of depression.

As China enters the normal situation of epidemic prevention and control, the domestic tourism economy has entered a new stage of full resumption of work and production. Tourism consumption confidence has been fully restored, and tourism development potential has been fully released. According to the 2020 National Day and Mid-Autumn Festival holiday tourism market data released by the Ministry of Culture and Tourism of China on October 9, 2020, the country will receive a total of 637 million domestic tourists for the eight days of the National Day and Mid-Autumn Festival in 2020, according to a comparable caliber. It recovered 79.0% year-on-year; realized domestic tourism revenue of 466.56 billion yuan, a year-on-year recovery of 69.9% on a comparable basis. Compared with the Dragon Boat Festival holiday in the first half of the year, the recovery progress increased by 28 and 39 percentage

---

<sup>1</sup> Statistical Communiqué of the People's Republic of China on National Economic and Social Development in 2020 / The National Bureau of Statistics. 2021. URL: [http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227\\_1814154.html](http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html) (accessed July 2021). (In Chinese).



points respectively<sup>1</sup>. Per capita tourism consumption per visit has also increased significantly, and the fundamentals of the tourism economy's steady and positive growth have been further stabilized. Tourism development expectations for the whole year are expected to shift from cautiously optimistic to relatively optimistic.

### **Restraint of the Growth Trend of Cross-border Tourism *Inbound Tourism***

In 2019, China's inbound tourism market continued to maintain its growth trend since 2015. In 2019, China received a total of 145 million inbound tourists, a year-on-year increase of 2.9%, and the growth rate has rebounded further from 2018. Among them, there were 65.73 million inbound overnight tourists, a year-on-year increase of 4.5%; 31.88 million foreign tourists, a year-on-year increase of 4.4%. In 2019, the inbound overnight market and the foreign inbound tourism market accounted for 45.2% and 21.9%, respectively, an increase of 0.7 and 0.3 percentage points from the previous year. In 2019, international tourism revenue was US\$131.3 billion, an increase of 3.3% over the same period last year. Among them: foreigners spent US\$77.1 billion in China, an increase of 5.4%.<sup>2</sup> It could be seen that the tourism market for foreigners entering China in 2019 was still on the rise.

The sudden epidemic in 2020 has restrained the original growth trend of inbound tourism. According to the latest statistics from the China Tourism Academy (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism), in the first half of 2020, 14.54 million Chinese inbound tourists were received, a year-on-year decrease of 80.1%. Among them, the decline of inbound overnight tourists and foreign inbound tourists also ex-

---

<sup>1</sup> National Day and Mid-Autumn Festival Holiday Tourism Market Data / Tencent.com. 2020. October 10. URL: <https://new.qq.com/omn/20201010/20201010A06BW300.html> (accessed July 2021). (In Chinese).

<sup>2</sup> Reshaping the Image of Tourist Destinations under the Impact of the Epidemic China Inbound Tourism Development Report / China Academy of Tourism (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism). 2020. URL: <http://www.ctaweb.org.cn/cta/ztyj/202103/bcab3f512fd843b9b6b12d59dbfdded32.shtml> (accessed July 2021). (In Chinese).

ceeded 80%<sup>1</sup>. In addition, according to the number of foreign tourists entering and exiting on the official website of the Mongolian Statistics Bureau, in 2020, there were 18,656 Chinese tourists from Mongolia, a year-on-year decrease of 91.1%. In the first half of 2021, there were only 2,827 Chinese tourists, a year-on-year decrease of 79.2%, and a sharp drop to 96.6% compared with the same period in 2019<sup>2</sup>.

### ***Outbound Tourism***

China's outbound tourism market is still growing in 2019. In 2019, the number of outbound tourists of Chinese citizens was 155 million, an increase of 3.3% over the same period, and the growth rate was significantly slower than that of 14.7% in 2018. In 2019, the overseas consumption of outbound tourists exceeded 133.8 billion U.S. dollars, a growth rate of more than 2%<sup>3</sup>. The number of tourists going abroad in 2019 increased by 13.9% year-on-year, which was a slight slowdown from 15.7% in 2018. The Korean line and the Japanese line increased by 25.8% and 13.7%, respectively, and performed well<sup>4</sup>. In 2019, among the top 15 Chinese outbound tourist destinations, Japan, South Korea, and

---

<sup>1</sup> Reshaping the Image of Tourist Destinations under the Impact of the Epidemic China Inbound Tourism Development Report / China Academy of Tourism (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism). 2020. URL: <http://www.ctaweb.org.cn/cta/ztyj/202103/bcab3f512fd843b9b6b12d59dbfdd32.shtml> (accessed July 2021). (In Chinese).

<sup>2</sup> Number of Inbound and Outbound Foreign Passengers / Mongolia Statistical Information Service. 2021. URL: [https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl\\_id=DT\\_NSO\\_1800\\_004V2&13999001\\_select\\_all=0&13999001SingleSelect=\\_T3&HH3\\_select\\_all=0&HH3SingleSelect=\\_156&YearQ\\_select\\_all=0&YearQSingleSelect=\\_202102\\_202002\\_201902&YearY\\_select\\_all=0&YearYSingleSelect=&viewtype=table](https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_1800_004V2&13999001_select_all=0&13999001SingleSelect=_T3&HH3_select_all=0&HH3SingleSelect=_156&YearQ_select_all=0&YearQSingleSelect=_202102_202002_201902&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=&viewtype=table) (accessed August 2021). (In Mongolian).

<sup>3</sup> Reshaping the Image of Tourist Destinations under the Impact of the Epidemic China Inbound Tourism Development Report / China Academy of Tourism (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism). 2020. URL: <http://www.ctaweb.org.cn/cta/ztyj/202103/bcab3f512fd843b9b6b12d59dbfdd32.shtml> (accessed July 2021). (In Chinese).

<sup>4</sup> Domestic Tourism Revenue, Number of Inbound Tourists and Number of Outbound Tourists in 2019 / Industry Information Network. 2020. URL: <https://www.chyxx.com/industry/202005/863224.html> (accessed July 2021). (In Chinese).

Russia ranked fifth, sixth, and twelfth respectively. However, due to the impact of the epidemic, the year-on-year growth rate of outbound tourists in the first half of 2020 was negative<sup>1</sup>. Therefore, combining the above data and the data in Tables 1, 3, 5, and 7 below shows that in 2020, China's cross-border tourism cooperation with other countries in Northeast Asia had been severely hindered, and China's outbound tourism market had almost stagnated, and this trend would continue in 2021.

## THE STATUS QUO OF RUSSIA'S TOURISM

### Interruption of Steady Development of Cross-border Tourism

According to *the Number of Foreign Tourists to Russia 2014–2020 table* released on the official website of Federal Agency for Tourism, before the outbreak of the COVID-19 epidemic, Russia's cross-border tourism cooperation has been showing a steady development trend. However, due to the outbreak of the COVID-19 epidemic in 2020, the number of tourists from 69 countries and regions in the world who entered Russia for tourism dropped to 6358969, a year-on-year decrease of 73.96% (*Table 1*). It can be seen that due to the impact of the epidemic, the steady development of cross-border tourism cooperation in Russia has been hindered.

*Table 1*

**Statistics on the number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2014–2020, person**

Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Total number from the world	25437893	26851658	24570518	24390002	24550910	24418749	6358969
China	873792	1121536	1288720	1478212	1690186	1882820	81924

---

<sup>1</sup> China Outbound Tourism Development Report 2020 / China Tourism Academy (Data Center of the Ministry of Culture and Tourism). 2020. URL: <http://www.ctaweb.org.cn/cta/ztyj/202103/87a492a44eda4038b7fe8f6428ed3d5d.shtml> (accessed July 2021). (In Chinese).

Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Japan	97779	86173	84631	101827	105251	112286	12822
South Korea	114320	136039	161267	253764	360618	431082	34451
Mongolia	157663	378196	522026	396125	387492	375701	45006

*Source:* The Number of Inbound Tourist Trips of Foreign Citizens to the Russian Federation in 2014–2020 / Federal Agency for Tourism 2021. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vezdnykh-turistskikh-poezdok-inostrannykh-grazhdan-v-rossiyskuyu-federatsiyu/> (accessed July 2021). (In Russian).

### **The Proportion of the Total Number of Inbound Tourists from Northeast Asian Countries Falling to the Lowest Value in Recent Years**

According to the data shown in Table 1, in recent years, the number of Chinese tourists to Russia has always ranked first. In addition, the upgrading of China-Russia strategic cooperative partnership has injected new impetus into Sino-Russian cross-border tourism cooperation. At the same time, due to historical reasons, the relations between Russia and Mongolia have always been in a continuous and positive development trend, which has laid a good foundation for multi-field cross-border cooperation between the two countries, and is also conducive to close personnel exchanges between the two countries, which in turn facilitates cross-border tourism between the two countries. cooperate. Affected by the epidemic, the global tourism industry has encountered Waterloo, and the development momentum of cross-border cooperation in Northeast Asia is bound to be seriously hampered. According to *the Number of Foreign Tourists in Russia 2014–2020 table* released by the official website of Federal Agency for Tourism, the number of tourists from China, Japan, South Korea, and Mongolia in Northeast Asia is 81924, 12822, 34451, 45006 respectively, a year-on-year decrease of 95.6%, 88.6%, 92.0%, and 88.0% (*Table 1*). As shown in Table 2, China, Japan, South Korea, and Mongolia still account for a relatively low proportion of the total number of inbound tourists to Russia. In 2020, the total num-

ber of inbound tourists from the four countries had fallen to 2.7%, which was only about one-fifth of 2019.

Table 2

**Proportion of the total number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2014–2020, person, %**

Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Total number	1243554	1721944	2056644	2229928	2543547	2801889	174203
Percentage	4.9	6.4	8.4	9.1	10.4	11.5	2.7

*Source:* The Number of Inbound Tourist Trips of Foreign Citizens to the Russian Federation in 2014–2020 / Federal Agency for Tourism 2021. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vezdnykh-turistskikh-poezdok-inostrannykh-grazhdan-v-rossiyskuyu-federatsiyu/> (accessed July 2021). (In Russian).

## THE STATUS QUO OF JAPAN’S TOURISM

### A Freezing Point of Cross-border Tourism Cooperation

In order to prevent the spread of the COVID-19 epidemic, many countries in the world have adopted measures such as restricting overseas travel. The Japanese government also requires the suspension of cross-border traffic except for special circumstances, and further strengthens quarantine and invalidation of visas. For this reason, international movement for tourism purposes continues to be restricted. According to data released by the Japanese Government Tourism Bureau, there were 10000 foreign tourists visiting Japan in May 2021, a decrease of 99.6% compared with the same period in 2019. In addition, the statistics of inbound tourists to Japan in 2020 show that in 2020, there were 4115828 foreign tourists visiting Japan, a year-on-year decrease of 87.1%; among them, tourists for tourism purposes were 3312228, a decrease of 88.3% from 2019 (*Table 3*). In the first three months of 2021, the number of foreign tourists visiting Japan was 66153, a year-on-year decrease of 98.3%; among them, tourists for tourism purposes were only 1187, a year-on-year decrease of 100.0%. From the above data analysis, it can be seen that compared with the number of inbound tourists to Japan in the

same period in 2019, the number of inbound tourists to Japan in 2020 had dropped significantly, and the cross-border tourism industry in Japan in 2021 was almost stagnant.

Table 3

**Statistics on the number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2016–2020, person, %**

Year	Total number From the world	Per-cent	China	Per-cent	South Korea	Per-cent	Russia	Per-cent	Mongolia	Per-cent
2016	21049676	24.0	5534509	30.6	4593527	30.5	31164	-11.8	12530	12.3
2017	25441593	20.9	6447740	16.5	6593055	43.5	51089	63.9	11697	-6.6
2018	27766112	9.1	6977812	5.8	7426173	15.2	66783	30.7	12925	10.5
2019	28257141	1.8	8575500	15.5	5036943	-27.8	88932	33.2	12256	33.5
2020	3312228	-88.3	865156	-89.9	391046	-92.2	15933	-82.1	2641	-84.7

*Source:* The Number of Visitors to Japan by Country/Region / Purpose in March 2021 (Compared to 2020) / Japan National Tourism Organization. 2021. URL: [https://www.jnto.go.jp/jpn/statistics/data\\_info\\_listing/pdf/210616\\_monthly.pdf](https://www.jnto.go.jp/jpn/statistics/data_info_listing/pdf/210616_monthly.pdf) (accessed July 2021). (In Japanese).

**The Number of Arrivals from Northeast Asian Countries Having Dropped Significantly and the Proportion of the Total Number of People Having Declined**

As shown in Table 3, in 2020, the number of inbound Japanese tourists from China, South Korea, Russia, and Mongolia for tourism purposes in Northeast Asia was 865156, 391046, 15933, and 2641, respectively, representing a year-on-year decrease of 89.9%, 92.2%, 82.1% and 84.7%. The number of four countries of China, South Korea, Russia, and Mongolia in the Northeast Asia entering Japan for sightseeing was 189, 129, 20, and 22, respectively, representing a year-on-year decrease of 100.0%, 100.0%, 99.9%, and 99.5%<sup>1</sup>. As shown in Table 4, in recent

---

<sup>1</sup> The Number of Visitors to Japan by Country/Region/Purpose in March 2021 (Compared to 2020) / Japan National Tourism Organization. 2021. URL: [https://www.jnto.go.jp/jpn/statistics/data\\_info\\_listing/pdf/210616\\_monthly.pdf](https://www.jnto.go.jp/jpn/statistics/data_info_listing/pdf/210616_monthly.pdf) (accessed July 2021). (In Japanese).

years, the number of China, South Korea, Russia, and Mongolia tourists had accounted for about 50% of total number of tourists entering Japan for tourism purposes, and cross-border tourism cooperation with Japan had shown a steady improvement. As result of outbreak of the epidemic, the proportion of tourists from the four countries entering Japan for tourism purposes had fallen to 38.5% in 2020, and cross-border tourism cooperation between Japan and other countries in the Northeast Asia region would be affected.

*Table 4*

**Proportion of the total number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2016–2020, person, %**

Indicator	2016	2017	2018	2019	2020
Total number	10171730	13103581	14483024	13713631	1274776
Percent	48.3	51.5	52.2	48.5	38.5

*Source:* The Number of Visitors to Japan by Country/Region/Purpose / Japan National Tourism Organization. 2016–2021. URL: <https://statistics.jnto.go.jp/en> (accessed July 2021).

## **THE STATUS QUO OF SOUTH KOREA'S TOURISM**

### **Troubled Cross-border Tourism Cooperation**

Severely affected by the epidemic, South Korea's cross-border tourism cooperation has fallen into a development predicament. According to statistics released by the Korea Statistics Bureau, in 2020, there were 2519118 foreign tourists visiting South Korea, a decrease of 85.6% year-on-year; among them, tourists for leisure travel were 1653471, a decrease of 88.5% from 2019. In the first half of 2021, there were 420187 foreign tourists visiting South Korea, a year-on-year decrease of 80.4%; among them, tourists for leisure travel were 73427, a year-on-year decrease of 95.4%. Based on the data analysis in Table 5, it can be seen that compared with the same period in 2019, the number of tourists entering South Korea for leisure travel in 2020 had dropped significantly, and the development of cross-border tourism in South Korea in the first half of 2021 was still precarious.

Table 5

**Statistics on the number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2016–2020, person**

Year	Total number from the world	China	Japan	Mongolia	Russia
2016	13932925	6948372	2213099	62709	154765
2017	10415594	3116505	2223214	84260	187277
2018	12414348	3701979	2864110	92748	214665
2019	14432275	4920429	3179435	90927	221826
2020	1653471	450954	406701	15765	39702

*Source:* Visitor Arrivals-by Purpose / by Nationality (2010–2020) / KOSIS Statistical Database. 2021. URL: [https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M\\_01\\_01&vwcd=MT\\_ETITLE&parmTabId=M\\_01\\_01&statId=2002032&themaId=#SelectStatsBoxDiv](https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=2002032&themaId=#SelectStatsBoxDiv) (accessed July 2021).

**The Number of Visitors from Northeast Asian Countries Dropping Rapidly, but the Total Number of People Still Accounting for More Than Half**

As shown in Table 5, in 2020, the number of inbound Korean tourists from China, Japan, Mongolia, and Russia in Northeast Asia for tourism purposes was 450954, 406701, 15765, and 39702, respectively, representing a year-on-year decrease of 90.8% and 87.2%, 82.7%, 82.1%. In the first half of 2021, the number of inbound Japanese tourists from China, Japan, Mongolia, and Russia for tourism purposes was 6301, 198, 428, and 1505, respectively, representing a year-on-year decrease of 85.9%, 100.0%, 97.2%, and 96.4%. Based on the above data analysis, the number of inbound tourists from other countries in Northeast Asia has dropped sharply under the background of the new crown epidemic sweeping the world. As shown in Table 6, in recent years, the number of inbound tourists from China, Japan, Mongolia, and Russia in Northeast Asia accounted for more than half, and in 2016 it accounted for nearly 70%. This shows that South Korea has a strong attraction for inbound tourism from other countries in Northeast Asia.



Table 6

**Proportion of the total number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2016–2020, person, %**

Indicator	2016	2017	2018	2019	2020
Total number	9378945	5611256	6873502	8412617	913122
Percent	67.3	53.9	55.4	58.3	55.2

*Source:* Visitor Arrivals-by Purpose / by Nationality (2010–2020) / KOSIS Statistical Database. 2021. URL: [https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M\\_01\\_01&vwcd=MT\\_ETITLE&parmTabId=M\\_01\\_01&staId=2002032&themaId=#SelectStatSBoxDiv](https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&staId=2002032&themaId=#SelectStatSBoxDiv) (accessed July 2021).

## THE STATUS QUO OF MONGOLIA'S TOURISM

### Cross-border Tourism Cooperation in Crisis

The COVID-19 epidemic has brought an unprecedented crisis to Mongolia's tourism industry. According to statistics from the Mongolian Bureau of Statistics in 2020, there were 66940 foreign tourists entering Mongolia, a decrease of 89.5% compared with the 636960 inbound tourists in 2019. Among them, the number of tourists for tourism purposes was 58859, which was a decrease of 89.5%. A decrease of 89.8% in 2019 (*Table 7*). In the first half of 2021, the number of foreign tourists entering Mongolia was 13292, a year-on-year decrease of 72.7%; among them, the number of tourists for tourism purposes was 11474, a year-on-year decrease of 73.8%.

Table 7

**Statistics on the number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2016–2020, person**

Year	Total number From the world	China	Japan	South Korea	Russia	Democratic People's Republic of Korea
2016	404163	131312	19985	57587	84065	642
2017	469309	142481	22519	74921	106885	770
2018	529370	163979	20990	84184	129095	411

Year	Total number From the world	China	Japan	South Korea	Russia	Democratic People's Republic of Korea
2019	577300	168298	24419	101279	141927	454
2020	58859	13513	1131	5060	29635	14

*Source:* Number of Inbound Tourists, by Country / Mongolia Statistical Information Service. 2021. URL: [https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl\\_id=DT\\_NSO\\_1800\\_003V2&HH3\\_select\\_all=0&HH3SingleSelect=\\_156\\_392\\_410\\_408\\_643&YearQ\\_select\\_all=0&YearQSingleSelect=&YearY\\_select\\_all=1&YearYSingleSelect=&viewtype=table](https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_1800_003V2&HH3_select_all=0&HH3SingleSelect=_156_392_410_408_643&YearQ_select_all=0&YearQSingleSelect=&YearY_select_all=1&YearYSingleSelect=&viewtype=table) (accessed August 2021). (In Mongolian).

From this analysis, it is concluded that the number of tourists entering Mongolia in 2020 had dropped to the lowest value in more than 20 years. In the first half of 2021, the development of Mongolia's cross-border tourism industry has shown signs of getting better after being hit hard by the epidemic.

**The Number of Inbound Tourists from Northeast Asian Countries Having Dropped Significantly, but the Total Number Accounting for More Than 80%**

As shown in Table 7, in 2020, there were 13513, 1131, 5060, 29635, and 14 inbound tourists from China, Japan, South Korea, Russia, and Democratic People's Republic of Korea (DPRK), respectively, representing a year-on-year decrease of 92.0% and 95.4%, 95.0%, 79.1%, 96.9%. At the same time, according to the statistics released by the Mongolian Bureau of Statistics, in the first half of 2021, China, Japan, South Korea, Russia, and DPRK had 2397, 95, 424, 4986, and 0 tourists to Mongolia from five countries, a year-on-year decrease of 72.4%, 91.0%, 91.2%, 99.5%, 100%. As shown in Table 8, cross-border tourism cooperation between Mongolia and other countries in Northeast Asia has shown a good momentum of high-quality development, and the total number of inbound tourists from the five countries remains high. Although affected by the epidemic, the number of tourists entering Mongolia had fallen sharply, but the total number of tourists from the five Northeast Asian countries to Mongolia in 2020 would be as high as

83.8%, the highest value in the past 20 years. Based on the above analysis, due to geopolitical factors and the positive development trend of multilateral relations, there is huge room for the development of cross-border tourism cooperation between Mongolia and five countries in Northeast Asia.

*Table 8*

**Proportion of the total number of inbound tourists from the Northeast Asian countries, 2016–2020, person, %**

Indicator	2016	2017	2018	2019	2020
Total number	293591	347576	398659	436377	49353
Percent	72.6	74.1	75.3	75.6	83.8

**CHINA’S RESPONSE TO CROSS-BORDER TOURISM UNDER THE COVID-19 EPIDEMIC**

At present, China has achieved major strategic results in epidemic prevention and control, and has accumulated rich experience in coordinating the resumption of work and production in the tourism industry and epidemic prevention and control.

**Domestic Tourism Incentives**

China will try our best to help tourism companies and employees tide over the difficulties, take a series of measures such as temporarily refunding the tourism service quality guarantee money, strengthen the protection of labor rights and interests of tour guides, and introduce supporting policies such as financial support, financial policies, tax reduction and exemption. And China will actively and steadily resume tourism business activities, adhere to the principle of zoning and grading, publish work guides, launch appointment services, restrict traffic in scenic spots, and advocate staggered travel, and steadily promote the restoration of tourist attractions, tourist restaurants, and travel agencies. These effective practices have not only effectively prevented the spread of the epidemic through tourism activities, but also promoted the recovery and development of the tourism industry, showing a positive trend [3, p.1].

## **Cross-border Tourism Countermeasures**

At present, the COVID-19 epidemic is continuing to spread in various countries. Since March 2020, China's domestic epidemic has improved significantly, but it is still facing huge overseas import pressure, which requires us to further improve our ability to prevent and control the cross-border spread of various infectious diseases.

The first is to establish a long-term mechanism for joint prevention and control. The construction of cross-border tourism cooperation zone can be said to be a very complicated. In order to ensure its smooth progress and effectively prevent various non-traditional security threats from threats to national security, it is necessary to establish a long-term mechanism for joint prevention and control. On the one hand, the local government takes the lead to promote barrier-free communication and coordination among various departments such as tourism, border defense, customs, public security, health, counter-terrorism office, and cyberspace administration. Networked security governance system. On the other hand, through various forms such as conferences and training, effective bilateral or multilateral exchange and cooperation mechanisms have been established with relevant countries at different levels to provide a strong guarantee for the construction of cross-border tourism cooperation zones [4, p. 156; 5, p. 32; 6, p. 221; 7, p. 135].

The second is to create a 'cross-border travel e-commerce' experience. At the moment of the epidemic, the cross-border tourism industry has been disrupted and cannot recover in a short period of time. Therefore, the cross-border tourism industry needs to create a new experience of 'cross-border travel e-commerce' as a transformation business under the post-epidemic situation. Cross-border tourism companies can hire local residents to provide private customized services for consumers who want to cross-border travel and cross-border shopping, and to purchase remotely. Visitors take pictures of beautiful scenery, food, shopping, etc., and the information provided during the whole process will be saved. After the countries are open to free travel, they can follow the original online travel route to complete the offline travel experience [8, p. 59; 9, p. 2].

The third is to use digital application of technology, which is an important aspect of ensuring the prevention and control of the epidemic and the resumption of production in the tourism industry. It is conducive to complying with the development trend of digitalization, networking, and intelligence, and eliminating the ‘digital divide’. Therefore, it is necessary to call on the international community to encourage more tourism public infrastructure construction with 5G technology as the core, ensure the technical coordination of related parties, remove obstacles to expanding the application of 5G technology, and minimize cross-border safety and health risks [3, p. 2].

## **CONCLUSION**

In March 2020, when the World Health Organization declared the COVID-19 epidemic to be a ‘global pandemic’, in order to prevent the epidemic from spreading on a large scale, various countries have adopted a ‘reclusive’ policy to try to block the movement of people at home and abroad [8, p. 58].

At present, the COVID-19 epidemic is still prevalent all over the world. Although many countries and regions have begun to vaccinate, for cross-border travel and outbound travel, it is still unnecessary to travel abroad. Therefore, in 2021, outbound cross-border tourism may still be difficult to make large-scale trips, so the entire cross-border inbound and outbound tourism will basically be in a stagnant state.

The sharp decline in the scale of cross-border tourism and the near stagnation have made the livelihoods of millions of people, including developing countries, worrying. Governments around the world have a dual responsibility to protect employment and business while ensuring public health is a priority. It is worth noting that although the tourism industry in some regions is gradually restarting, cross-border tourism has shown a gradual and cautious liberalization trend. But there is no hope for cross-border tourism to recover in 2021.

Cross-border tourism will face many risks under the influence of the epidemic, including: travel restrictions and border control measures which still exist in most tourist destinations around the world, the main

source countries of outbound tourism that have not been liberalized, and people's concerns about travel safety, the resurgence of the epidemic and the possibility of a new round of closure of the city, etc.

## REFERENCES

1. UNSDSG's progress report 2021 (Chinese version), April 30, 2021, p.14, <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2021/secretary-general-sdg-report-2021--ZN> (accessed August 2021).
2. OECD Initiative for Safe International Mobility During the COVID-19 Pandemic (including blueprint) / OECD. 2021. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/oecd-initiative-for-safe-international-mobility-during-the-covid-19-pandemic-including-blueprint-d0594162/> (accessed August 2021).
3. *Yang Jinsong*. Deepening International Cooperation to Promote the Revitalization and Prosperity of the Global Tourism Industry // China Tourism News. 2020. 8 September.
4. *Wu Xinqi, Huang Huazhi*. Motivation, Challenges and Countermeasures for the Construction of China's Cross-border Tourism Cooperation Zone // Northern Economy and Trade. 2021. Vol. 7
5. *Gao Renhua*. Research on National New District Tourism Development Strategy under the Background of Cross-border E-Commerce Research // Economics. 2020. Vol. 3.
6. *Shao Dan*. Promotion of Jilin Province's Characteristic Tourism Brand under the Background of Cross-Border E-Commerce // Chinese and Foreign Entrepreneurs. 2019. Vol. 24.
7. *Xie Guiping*. Cross-Border Non-Traditional Security in China's Border Areas: Challenges and Responses // International Security Research. 2020. Vol. 1.
8. *Kuang Jin, Cao Yang, Fang Changgan*. Cross-Border Tourism Industry Transformation Path under the Impact of E-Commerce // Contemporary Tourism. 2021.
9. *Zhang Yi*. Promoting Sino-Russian Cross-Border Tourism Cooperation to Achieve Collaborative and Innovative Development // China Social Science News. 2020. 30 October.

Научное издание

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:  
ЭКОНОМИКА И ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ  
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ**

Ответственный редактор

*Павел Александрович Минакир*, академик РАН

Рецензент

*Дворцова Елена Николаевна*, кандидат экономических наук

Ответственная за выпуск *Л.А. Самохина*

Сдано в набор 05.09.21. Подписано к печати 15.12.21.

Формат 60х90/16. Уч.-изд. л. 9,7.

Институт экономических исследований ДВО РАН.  
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, [www.ecrin.ru](http://www.ecrin.ru)